

Ирина Комарова

Биограф

Любить без памяти...

любовно-мистический роман

Инна Комарова

Биограф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18960760

Аннотация

Эта книга – дань моего глубочайшего уважения самоотверженным людям – биографам, благодаря которым, человечество обогатилось знаниями. Перед ним открылся увлекательный, порой трагический мир замечательных людей, уникальных ярчайших личностей. Мой низжайший поклон биографам за их труды праведные.

От автора

Эта книга – дань моего глубочайшего уважения самоотверженным людям – биографам, благодаря которым, человечество обогатилось знаниями. Перед ним открылся увлекательный, порой трагический мир замечательных людей, уникальных ярчайших личностей.

Мой нижайший поклон биографам за их труды праведные.

Эпиграф

«У меня остаётся одна надежда, – писал Паганини Фердинанду Паеру, – что после моей смерти оставят меня в покое те, кто так жестоко отомстили мне за мои успехи скрипача, что не нарушат покоя моего и не оскорбят имени моего, когда я буду лежать в родной земле».

(А. Виноградов «Осуждение Паганини» 1953 год)

*

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей гаме,

И Гете, свищущий на вьющейся тропе,

И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,

Считали пульс толпы и верили толпе.

Быть может, прежде губ уже родился шепот

И в бездревесности кружились листья,

И те, кому мы посвящаем опыт,

До опыта приобрели черты.

О.Э. Мандельштам

Италия

Вступление

Италия – страна чудес. Многие из нас мечтают побывать в этой прекрасной сказке, окунуться в небывалую красоту – творение гениев, покататься на гондолах под звёздным небом Венеции, побродить по старинным улицам, описанным во многих литературных произведениях.

Италия подарила миру выдающихся личностей. Благодаря стараниям и неустанным трудам биографов, человечеству посчастливилось соприкоснуться с их судьбами, преклонив колено перед их наследием.

– Дороги, дороги, дороги, и когда им придёт конец, а, Цезаре? – спрашивал слуга Пауло, вечный спутник своего господина.

Пауло говорил, а тем временем, собирался в очередную поездку, погружая в карету поклажу со всем необходимым для долгой дороги. Цезаре в ответ ему улыбался.

– Ничего, ничего. Сидя на одном месте не интересно жить, – противоречил он. И лукаво спросил:

– Разве я не прав, Пауло? В пути такое разнообразие. Наблюдая из окна кареты за происходящим, не одну человеческую жизнь проживаешь, – рассуждал Цезаре, вдохновляясь.

Ты со мной не согласен? – переспросил он.

– Ну да, ну да. Понимаю. Как не понять? – ответил Пауло, вопросительно.

И тут же, перехватив дыхание, продолжил донимать своего господина.

– В связи с этим, дражайший синьор Цезаре, сделайте одолжение. Ответьте мне, пожалуйста, на один нескромный вопрос, – докапывался до сути Пауло.

– Слушаю тебя внимательно, – сказал Цезаре, не подозревая подвоха.

– Позвольте полюбопытствовать, синьор, а когда же мы свою собственную жизнь проживать будем? – язвительно произнёс Пауло. Он любил пошутить, а иногда и поддеть Цезаре.

После глубокомысленного спича Пауло, господин и слуга посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

Предисловие

Знаменитый итальянский биограф, маститый писатель, безукоризненный мастер слова – Цезаре Дель Монти, с молодости свою жизнь проводил в пути. Он тщательно отбирал материалы для своих опусов.

Цезаре неистребимый романтик по натуре. В то же время, требователен, жёсток, строг к себе в работе.

После тридцати он кардинальным образом изменил род занятий и свою привычную устоявшуюся жизнь. Занялся

жизнеописанием судеб великих творцов мира сего. Всецело отдавался делу, которое любил и которому посвятил накопленные знания, опыт, силы. В связи с этим, он редко бывал дома и подолгу не видел свою семью. Там же в дороге, он обрабатывал свежий материал и попутно вёл дневник – путевые заметки.

Первое путешествие после женитьбы и рождения сына – Синьор, Вам не кажется, что нам пора домой? – спросил Пауло.

Синьора Мария вся измучилась в ожидании Вас. Так Вы не заметите, как Ваш первенец вырастет. Не дело это, – слуга наставлял на путь истины своего «блудного» синьора.

– Я постараюсь оставить ему такое наследие, чтобы он не краснел за своего отца, – Цезаре неожиданно повернул разговор в иное русло.

– Согласен. Но и Вам не помешает порадоваться его успехам. А в пути, что Вы можете увидеть, узнать, ощутить? – беспокоился Пауло. Те редкие весточки, которые мы перехватываем в дороге, написанные Вашей супругой, пронизанные лаской, любовью. Разве они могут заменить Вам ощущение домашнего уюта и общения с Вашей семьёй? – задал вопрос Пауло, и сам на него ответил:

– Нет, конечно.

– Безусловно, ты прав, Пауло. Не могу не согласиться.

К слову, должен заметить, мне очень повезло с женой. Ты

знаешь, она ведь выросла в роскоши, но, как и её отец, большая труженица. Помню, захворал истопник в их доме. Так отец моей Марии не

нанимал никого другого, а сам с помощью слуг рубил дрова и топил печь, чтобы не выстудить дом в холодное время года. И не зазнавался, не задира л нос. Сколько его помню, он никогда не ставил себя выше других, не выказывал своё превосходство. А ведь он сам был потомком дворянского рода. Удивительный человек, – восхищался Цезаре. – Я всегда вспоминаю его с теплотой в сердце, так хорошо мне о нём думается.

– Какой замечательный пример для подражания, – подчеркнул Пауло. Теперь я понимаю, откуда в синьоре Марии такое трудолюбие, такое рвение и умение всё доводить до хорошего результата.

Поначалу, когда вы поженились, я полагал, что она не доверяет слугам, кухарке. А потом меня посетила другая мысль – она превосходно всё умеет делать сама. Я восторгаюсь её десертами, – Пауло сел на любимого конька. И тут же опомнился:

– Тем более, синьор, нам следует поторопиться домой.

– Хитрец! – улыбнулся Цезаре, покачав головой в назидание.

После паузы он продолжил сосредоточено и серьёзно:

– Хорошо, хорошо, дружище Пауло. Обещаю тебе. Вот только взгляну на дом, где в Венеции жил Глинка. Пришло

время осветить этот период в его жизни, творчестве. Ты же знаешь, я не могу писать, не слившись с реальностью. Я плохой выдумщик, люблю правду, – подробно объяснял Цезаре. – И мы сразу отправимся в обратный путь, – пообещал он назойливому слуге.

Иллюстрируя вышесказанное, он запел:

«Ночь весенняя дышала,
свежей утренней красою.
Тихо Брента протекала,
серебримая луной...»

– Ах, чудесно, чудесно, Цезаре, – воодушевился слуга и подхватил припев. Теперь они пели вместе. На их лицах воцарилось блаженство. Они наслаждались мелодичностью, лёгкостью творения Михаила Ивановича Глинки. Но пели они, безусловно, на итальянском языке. Цезаре не знал русского языка, несмотря на то, что у него были русские корни.

Цезаре и Пауло не раз музицировали вместе, получая от этого занятия огромное удовольствие. Даже дальняя дорога не являлась помехой этому. Напротив, их музыкальные паузы разряжали обстановку, вносили струю свежей энергии и они, заряжаясь ею, продолжали путешествие.

– Я глубоко переживаю его уход из жизни, – соболезновал Цезаре кончине Глинки. – Яркий, самобытнейший композитор. Я горд, что был знаком с ним, пусть не на короткой но-

ге и всё же. Это честь для меня – быть современником композитора такого масштаба. Нынче я с чистой совестью могу приступить к работе и осветить всё, что знаю об этом большом музыканте. Надо поторопиться.

*Историческая справка.

В двадцатилетнем возрасте Михаил Иванович Глинка, наконец, осуществил свою заветную мечту. Его ребяческая страсть к путешествиям ожила в душе – манила и влекла Италия, воспетая и прославленная поэтами, художниками всего мира. Красота природы, величественные памятники архитектуры, скульптуры, живописи, созданные мастерами древности и эпохи Возрождения. Мелодичная, сладкозвучная итальянская музыка – всё это многих заставляло мечтать о поездке в Италию.*

Однако не всё так просто. Глинка пытался убедить отца, который не разделял помыслов и чаяний своего сына. Воспитание Глинки не позволяло ему противоречить отцу. В этой ситуации выручил авторитетный врач, который убедил несговорчивого Ивана Николаевича Глинку, что молодому композитору необходимо пребывание в тёплом климате, ссылаясь на заболевания сына.

Вскоре Глинка получил паспорт для отбытия в чужие края. Так в апреле 1830 года он направился в Италию.

В Италии Глинка написал немало сочинений, но ни одно

из них не передаёт так точно, так тонко его итальянских впечатлений, как романс «Венецианская ночь».

В тот период Глинка жил в Милане около собора.

*Как-то в тёплую лунную ночь, сидя со своим другом на балконе, он переполненный новыми ощущениями, поделился с ним своими мыслями. Его собеседник посмеялся над Глинкой, когда услышал, что тот мечтает выразить в музыке лунный свет и ароматы ночи. Глинка сохранил в памяти те удивительные чувства, остался верен своим намерениям и блистательно осуществил задуманное.

Он для своего произведения выбрал популярную в итальянской музыке форму баркаролы – песни на воде. А литературным материалом для его замысла прекрасно послужило стихотворение поэта Ивана Ивановича Козлова – человека трагической судьбы.

Атмосфера летней ночи, пропитанная романтизмом, юношескими мечтаниями и ожиданием волшебства слились воедино в лёгкой, трепетной, ласковой мелодии, имитируя переливы воды, колыхание волн. Произведение передаёт слушателю состояние светлой радости, счастья, неги и внутреннего подъёма, что отражает ничем не омрачённый период в жизни выдающегося композитора.*

– Дороги, дороги, дороги. И когда им придёт конец? Не жалеете Вы себя, синьор, – возмутился Пауло.

Перекусив булочкой с прошутто – пармской ветчиной, ко-

торуую заботливый слуга припас в дорогу, Цезаре вернулся к разговору.

– В продолжение нашего диспута внесу ясность, мой добрый друг.

Ты явно преувеличиваешь мою значимость, заявляю тебе это откровенно и с полной ответственностью, – высказался Цезаре, развивая диалог и улыбаясь словам, высказанным ранее преданным слугой.

Я обыкновенный писарь, никто иной, – ухмыляясь, обнарудовал свою точку зрения Цезаре.

– А я говорю, Вы глубоко ошибаетесь, синьор. Это не так. Какой же Вы писарь? И вовсе Вы не писарь. Вы, сударь мой, Биограф, – произнёс Пауло помпезно (деля слово на слоги), подчёркивая смысл и значимость слова. Сделайте одолжение, не путайте эти два понятия. Вы восстанавливаете справедливость. Вы воскрешаете некогда ушедших в мир иной, но не простых смертных, как я, например, а великих. . . . А это дорогого стоит, – многозначительно выговорил Пауло, придавая сказанному наиважнейший смысл.

Благодаря Вам, мой синьор, человечество будет чтить мастеров, воздавая им по заслугам, – произнёс Пауло, как заклинание. Посмотрев в окно, он констатировал, – и тому подтверждение. Мы опять в пути.

Сейчас бы посидеть у камина, пригубить два-три глотка Кьянти.* Ах, блаженство! А в такой холод, я бы и не отказался от прекрасного целебного ароматного морса – напит-

ка Богов. Да ещё с медком. Как он хорошо прогревает. Удовольствие!

Ох, а как его готовит Ваша супруга, синьор! К сожалению, Вы не придаёте этому никакого значения. Вам некогда, понимаю.

Или наливочку из ягод отхлебнуть прямо из узкого горлышка. Да... – протянул он в продолжение своих мыслей. Со всем неплохо, – должен заметить. – Вдобавок к этому, насладиться панна коттой, мастерски приготовленной синьорой Марией. Красота! – продолжал Пауло, перечисляя излюбленные блюда, делаясь приятными его сердцу воспоминаниями. Он размечтался. Пауло слыл гурманом, знал толк в еде.

– Как я люблю этот дивный десерт. Мммм...наслаждение, – тут же переключаясь на кулинарные пристрастия, забыл старый слуга, о чём вёл речь.

А после разочарованно добавил:

– Вместо всего этого, мы трясёмся в карете. Полнейшее безобразие, – выразил недовольство Пауло. Он улыбнулся своим мыслям, бросив взгляд в окно. Ассоциации унесли его далеко от мест, где он находился в данный момент.

Опомнившись, Пауло продолжил:

– Вот, вот. Мы опять трясёмся в карете, – повторил он ту же фразу, на которой оборвалась мысль.

Видите ли, Вам, мой синьор, срочно понадобился недостающий материал для Вашего труда. И мы опять в дороге, по-

тому, что Вы синьор, не можете воспользоваться своими старыми записями, усложняя свою жизнь, а стало быть, и мою.

Разве Вам, с Вашим ревматизмом можно отправляться в дальние странствия? Вы забыли наставления доктора Бускони. Что Вы с собой делаете? – бурчал старый слуга.

Нет, Вам срочно потребовались свежие источники, и мы несёмся по размытым дорогам, днями и ночами, замечу, порой и в изморозь, неведь куда. Он проговорил это, вкладывая в слово «изморозь» особое значение.

Только для того, чтобы Вы опросили живых неувядающих свидетелей, – произнёс Пауло саркастически.

А где, – я спрашиваю Вас, – где Вы их найдёте? Кто мог, уже давно не здесь. Пауло жестом, и глазами указал на небеса.

Это мы с Вами задержались, не знаю, как? – Пауло всё говорил, говорил, а Цезаре молчал.

Вы слишком строги к себе, мой синьор, – в очередной раз повторил Пауло.

Цезаре похлопал по плечу старого слугу и сказал:

– Ты преувеличиваешь мои заслуги, добрый мой старый друг.

Я делаю то, что умею и то, что должен делать, – ответил он слуге.

А ты себя явно недооцениваешь. Ты столько лет терпишь меня, мой скрипучий нрав, мои привычки, мою рассеянность.

Между прочим, трясешься со мной по этим же дорогам. Ухаживаешь за мной, когда я хандрю и хвораю. Помогаете мне выстоять, когда сомнения одолевают мой мозг и мою усталую душу, а она у меня ранимая, – подчеркнул Цезаре тоном обидчивого ребёнка.

Ты со мною всю жизнь! Подумать только, – нахваливал Цезаре старого друга.

Я так привык к тебе. Будь уверен, дорогой Пауло, ты для меня не менее значителен, нежели те, о ком я пишу свои опусы.

Придёт время, я осяду дома и у камина, как ты говоришь, попивая ароматный кофеёк, напишу о твоей любви к ушедшей Кларин, – разоткровенничался Цезаре. Я об этом уже давненько подумываю. – О, Цезаре, Вы меня ввели в краску, – засмутился Пауло. На его щеках зардел румянец, как когда-то в юности.

Вы так добры, синьор. Я и не предполагал, что Вы, мой дорогой, помните о таких мелочах. Кому интересна моя жизнь? Цезаре, Вы становитесь сентиментальны. Поверьте, я тронут Вашим вниманием, – расчувствовался Пауло.

*Историческая справка

Символом итальянских красных вин можно бесспорно назвать Кьянти. Оно получило широкую известность не только в Италии, но и за ее пределами. Отдельно стоит рассказать о технологиях производства кьянти. Самый старый способ,

благодаря которому поддерживалось высокое качество вин, называется “товерно аль Тоскано”. Суть его состоит в том, что к уже готовому виноградному вину добавляется сусло из подвяленного винограда. При этом происходит повторное брожение, после которого у вина появляется специфический вкус и аромат фиалки. В настоящее время этот метод применяется все реже и реже, он заменяется простой выдержкой в дубовых бочках. Классический кьянти пьют из пузатых бокалов средней величины. Температура вина должна быть 16-18 градусов. Обычно кьянти подают к колбасам всех типов и макаронным изделиям с мясной подливой, а также к мясу. Кьянти “Riserva” (то есть выдержанное кьянти) подают к блюдам с более сильным вкусом или вкусовым сочетанием; например, к мясу кролика, кабана или маринованной говядине. Такие блюда могут быть дополнены грибными соусами или овечьими сырами с длительной выдержкой. Пьют такие вина при более высокой температуре до 18-20 градусов и используют бокалы больших размеров, чем для обычного кьянти.

Пауло

Пауло для Цезаре был намного больше слуги.

Верный, преданный друг, испытанный временем и обстоятельствами. Он оказался в родительском доме Цезаре, когда тот совершал переход из детства к подростковому возрасту. Сам Пауло в те годы был юношей. Несколькими годами старше самого Цезаре.

Дело в том, что Пауло рано потерял родителей, оставшись круглым сиротой. А мальчик прекрасно пел, поэтому соседи привели его в церковь. Там он жил и занимался в церковном хоре. Органист, обнаружив у мальчика незаурядные способности, стал уделять Пауло больше внимания, обучал его помимо занятий в хоре. Пауло добился превосходных успехов. Он подавал большие надежды. Но, как в жизни бывает, не всё движется по желаемому расписанию. Так случилось, что в период мутации (14-16 лет у мальчиков) у Пауло пропал его божественный голос и, чтобы мальчик не впал в отчаяние, органист привёл его в родительский дом Цезаре, порекомендовал на службу.

Органист глубоко уважал семью синьора Рауля Дель Монти, знал, что у них растёт чудесный мальчик – старший из детей в семье и решил, что это единственно правильный, самый лучший и надёжный вариант для сироты – Пауло.

Помимо всестороннего развития, которое Пауло получил у своих родителей, он был хорошо приспособлен к жизни, многое умел делать, благодаря его общению с простым людом.

Мальчики сразу нашли общий язык и подружились. С тех самых пор Пауло остался с Цезаре и служил ему верой и правдой.

Прикосновение к родным местам

Эмилио – Романья вошло в историю итальянской кулина-

рии, появлением на свет нежнейшего десерта – панна котта, что в переводе означает «варёные сливки». В Италии много вариантов приготовления этого легчайшего десерта, как правило, его готовят с фруктами. Любят его от мала до велика, бедняк и богач.

Здесь в Эмилио-Романья родилась и выросла Мария – супруга Цезаре. Сюда она стремилась всей душой, тосковала по этим местам, когда обстоятельства складывались не в пользу поездки. А когда Цезаре выкраивал небольшой отпуск для семьи, они направлялись именно в Эмилио-Романья.

В период отпуска Мария возрождалась. Она расцветала. Улыбка не сходила с её уст. Её душа радовалась. Ей нелегко жилось в отрыве от родных.

Цезаре часто отсутствовал, и ей приходилось выполнять две, а то и три функции, что называется, за маму, за папу и ещё за хозяйку, управляющую большим домом. Она не роптала, понимала величие, талант и незаурядность человека, с которым связала свою судьбу, любила его, была ему предана. И всё же Мария частенько тосковала по родным местам и по людям в особенности.

– Тётушка Бланш, с добрым утром, – поприветствовала Мария.

– Мария, моя ты дорогая. Как я тебе рада, – зашумела тётушка Бланш. – Приехала навестить. Как это хорошо с тво-

ей стороны, – раздурманилась тётушка, встречая племянницу во дворе. Она с трудом привела в движение свой увесистый несуразный корпус. Тётушка Бланш подплыла к Марии, обняла её и поцеловала.

– А где твоё святое семейство? – спохватилась она.

– Цезаре с детьми вышли на поляне. Пошли прогуляться по зелёной травке. Во время таких прогулок Цезаре им рассказывает много познавательных интересных историй. Пусть побудут вместе. К сожалению, это случается редко. Он так занят, ему некогда заниматься детьми. А Пауло разгружает поклажу. Мы всем привезли подарки, – Мария не могла наговориться. Она сияла от счастья и спешила насытиться общением с первых минут долгожданной встречи.

– Ты сама лучше любого подарка, – сказала тётушка Бланш. -

Ну, пойдём в дом. Там твоя мама с горничной накрывают стол к завтраку. Какой сюрприз ты ей приготовила, она давно ждала тебя, – приглушённо, маскируя обертоны голоса, сказала тётушка Бланш, как бы по секрету.

– Наверняка кухарка приготовила мою любимую фритатту, – предположила Мария.

– Как ты догадалась? – удивилась тётушка Бланш. -Твоя мамушка как чувствовала, что вы нагрянете. Ещё вчера заказала ей приготовить к завтраку.

– У меня нюх на любимые блюда, – засмеялась Мария. – Я её готовлю, как мамина кухарка – София.

– Да, ты с детства любила крутиться на кухне. Помнится, твой батюшка, мой братец, тебя гонял оттуда. Хотел, чтобы ты больше времени уделяла учёбе, дисциплинам. А ты любила кухню. И правильно делала. Зато теперь ты прекрасная мастерица, – с гордостью произнесла тётушка Бланш, входя в дом с долгожданной гостьей.

Издавека

Какие только чудеса и приключения не случаются в пути. Да, дорога сулит путешественнику сюрпризы, которые поджидают его на каждом шагу. Это располагает к душевному разговору, к приятным воспоминаниям. В обыденной жизни они тщательно охраняются, оберегаются от постороннего взора и лишь изредка при особых стечениях обстоятельств, всплывают на поверхность.

– Синьор, помнится, прислуга поговаривала украдкой об удивительной истории любви ваших матушки и батюшки. Поведайте, если конечно это не является семейной тайной, спрятанной под семью замками. Я человек маленький, позволю себе высказать расхожее мнение – по прошествии лет все тайны теряют свою актуальность и перестают быть тайнами. Помните, всё тайное становится явным. Рискните, а? – уговаривал хитрец слуга.

Ему не терпелось узнать все подробности. Он обожал читать романы о любви. Вот и сейчас выглядел капризным ребёнком, надоедая Цезаре.

– Я никогда не забуду, – продолжал он, – как Ваш батюшка глядел на Вашу матушку с такой нежностью, с таким обожанием, которую словами передать невозможно. А как он держал в своих ладонях её тонкую кисть. Поэма! – в Пауло погибал настоящий поэт. Он, дожив до солидного возраста, не научился видеть и чувствовать прекрасное. И заявлять об этом он тоже не научился. Вот и сейчас донимал Цезаре. Грань между ними давно стёрлась. Пауло относился к Цезаре как к старинному другу, а не как к своему господину. Цезаре принимал это отношение как должное. Они давно сроднились.

– Цезаре, скажите, а почему Вы до сих пор не поделились с потомками этим неповторимым, трогательным романом? – приставал он.

Почему бы Вам не приоткрыть завесу семейной тайны? Думается мне, это было бы нечто выдающееся. Возможно, лучшее из написанного Вами ранее, – размышлял Пауло, жестикулируя, располагая Цезаре к разговору.

– Да, ты прав, мой друг, – ответил Цезаре, размышляя.

Пора, действительно, пора. Настало время и об этом поведать миру. Всё полагал, время ждёт. Надо, надо, – соглашался Цезаре.

А годы уходили, улетали...

Цезаре уже не ощущал себя юношей, молодым человеком. Однако, дожив до преклонных лет, нажив усталость и бо-

лезни, желание полениться, покапризничать, в глубине души оставался прежним возвышенным Цезаре Дель Монти, каким воспитали его родители.

Болтаясь в карете, по размытым дождём, и ухабистым дорогам, он то, дремля, то, бодрствуя, окунался с головой в воспоминания.

А они, заполучив его, чередой пронеслись в уставшем мозге, уводя за собой, увлекая в далёкое странствие, поглощая его внимание, притупляя бдительность и реакции на окружающую действительность. Цезаре не любил осеннюю сырость, его изводил ревматизм, и он промерзал в карете, пока они добирались до пункта назначения.

Старый заботливый слуга прихватил из дома тёплый плед. Не мешая господину, дабы не отвлекать Цезаре от внутреннего монолога, он набросил на него плед, укутав со всех сторон. Цезаре даже не отреагировал. Он привык к заботам слуги.

Согревшись, Цезаре предался сладостным грёзам. А старый слуга, тихо бурча себе под нос, напутствовал своего господина на сон грядущий.

Впечатление на всю жизнь

В шестилетнем возрасте Цезаре впервые вывели в свет. И это был театр.

Дело в том, что в феврале 1816 года шла премьерная постановка оперы Джоаккино Россини «Севильский цирюль-

ник». Рауль с Шурочкой (родители Цезаре) отправились на премьеру и взяли с собой Цезаре. Событие для ребёнка шести лет неординарное. Шурочка накануне провела беседу с Цезаре, морально подготовив его к предстоящему событию. До этого он неоднократно слушал в их доме больших музыкантов – добрых друзей его отца. На этот раз Цезаре предстояла встреча с великой музыкой самого Россини, с его бессмертным шедевром. Рауль и Шурочка желали приобщить ребёнка к музыкальному искусству и для начала они выбрали лёгкую, игривую, грациозную, ироничную, шаловливую, необыкновенно красивую музыку Россини. Мелодизм и виртуозность «Севильского цирюльника» могли заворожить любого слушателя. Совсем необязательно, чтобы он относил себя к

истинным меломанам. А комедийный сюжет, так ярко, так талантливо выписанный и обыгранный в музыке, покорял слушателя. Россини пошёл по стопам великого Перголези, который явился первооткрывателем жанра – buffo в оперном искусстве.

Маленький Цезаре был потрясён. Сам театр: монументальность здания, блеск люстр, удивительная атмосфера – всё привело его в восторг. А неподражаемая музыка Россини так и осталась для него загадкой на всю жизнь. С первых звуков увертюры Цезаре растворился в музыке, попав в её плен раз и навсегда. Всё его внимание было приковано к оркестровой яме. Он забыл, что рядом с ним сидят слушате-

ли, совершенно чужие люди. Цезаре на ходу уловил лейтмотив главной темы, свободно напевал, испытывая при этом, огромное наслаждение. Шурочка и Рауль в глубине души радовались и не мешали сыну. Это были самые сильные впечатления Цезаре – мальчика, оставшиеся на всю жизнь. С тех самых пор он постоянно напевал запомнившиеся ему мелодии. С огромным желанием посещал театры. Повзрослев, он поставил перед собой цель – встретиться с Россини. А после встречи с маэстро, у него созрело желание написать труд о гениальном композиторе.

Радость бытия

Солнечные ясные дни всё реже баловали наших путешественников. Осень давно вступила в свою завершающую фазу. Ночами ощущалось приближение зимы. Пауло перед очередной отправкой запасался на постоялом дворе большой бутылкой кипятка. В ней он запаривал травы, и Цезаре с Пауло довольно быстро опустошали этот сосуд.

Пауло обожал лето. Его не пугала жара. Он купался в лучах солнца, восклицал, вытягивая руки к небесам, и радовался, как дитя.

– Приветствую тебя подарок Божий! Я восхищаюсь тобой. Я обожаю тебя. Благодарю тебя. Ты прогреваешь все мои уставшие старые косточки, после чего я оживаю, в душе возгорается искра, крепнет мой дух. А ты знаешь, что это такое? Это так хорошо. Так сладостно. Ты ласкаешь мою душу,

я молодею на глазах и начинаю петь юным девам серенады. Даже платонические чувства дарят мне удивительные ощущения, и я опять ощущаю себя юношей.

Ты даришь столько света, что надежда наполняет моё сердце.

О, солнце! Приветствую и благодарю тебя, подарок Божий!

Зимой я мечтаю о лете, и это помогает мне переносить холода.

Кларин – ушедшая мечта

Цезаре выполнил обещание, данное им Пауло. Да и обстоятельства сложились благополучно, и случай помог.

В один из зимних дней в дороге разыгралась непогода. Она вынудила сократить маршрут, и не запланировано захватить на ближайший постоялый двор. Времени высвободилось предостаточно, и Цезаре, уединившись, сделал наброски нового произведения, в основу которого легла история любви Пауло и его невесты Кларин.

Цезаре писал всю ночь. Вдохновение подоспело, он на одном дыхании выложил всё задуманное и распланированное им ранее.

А Пауло преспокойно спал, не подозревая, что с этой ночи стал бессмертным, благодаря стараниям и таланту его единственного друга.

Дело в том, что отец Цезаре – Рауль Дель Монти не от-

носился к Пауло, как к слуге. Он очень сочувствовал сироте и считал своим долгом дать Пауло то, что не успели его родители. Тем самым, он желал восстановить справедливость. В связи с этим, Рауль отдал Пауло учиться в ту же гимназию, где учился Цезаре. Поскольку Пауло был подкованным и смышленным мальчиком, он довольно быстро наверстал упущенное.

В то время классы были разделены – на женские и мужские. Классы девушек находились на противоположной стороне улицы. Пауло возвращаясь после занятий домой, каждый день проходил мимо окон, за которыми витал женский дух.

Однажды совершенно случайно он познакомился с Кларин.

Дело было так. На перемене девушки баловались, запуская через оконную форточку бумажных ласточек одна из которых угодила в проходившего мимо Пауло. От неожиданности он застыл на мгновение, затем поймал бумажное послание и прочитал надпись. На ласточке было написано имя – Кларин. Пауло припал к окну губами и стал корчить рожицы, веселя девушек. Так они познакомились. Находчивость, остроумие и здесь не подвели Пауло. Он тут же рядом с именем написал на ласточке время и место встречи и, подпрыгнув, отправил послание тем же путём – через форточку. Так впервые в жизни Пауло назначил свидание девушке. Они полюбили друг друга с первой встречи, легко нашли общий язык

и подружились.

Вспоминая позднее, Пауло рассказывал, что в этот период жизни считал себя самым счастливым. Он обрёл то, о чём и мечтать не мог. После гибели родителей он смирился с той мыслью, что всё лучшее в его жизни осталось позади и всё, что ему предрешиено – это одиночество.

Кларин наполнила его жизнь радостью, светом, теплом. Она оживила её, обогатила эмоциями, красками, редкими ощущениями, о которых Пауло всегда вспоминал с благодарностью, делясь с Цезаре. Он опять запел.

Пауло и Кларин сроднились душой, они дружили несколько лет, не расставаясь ни на день, и должны были пожениться. Молодые строили планы и беспрестанно мечтали, мечтали...

За день до венчания, Кларин поехала к модистке забрать платье. После последней примерки, с готовым упакованным платьем, она вышла на улицу в превосходном настроении. Её душа пела, заливалась трелями соловья. По дороге домой, она засматривалась в роскошные витрины, откуда ей приветливо улыбались. Её личико светилось счастьем. Она была недалеко от дома, ей осталось миновать две улицы. Кларин увидела приятельницу и решила перейти на противоположную сторону улицы, поздороваться с ней, поделиться новостью.

Как вдруг из-за угла на большущей скорости понеслась повозка с лошадьми. Они летели со всех ног, как будто с це-

пи сорвались, издавая злобное ржание. Видимо кучер был пьян, разогнался, а удержать лошадей не сумел. Одно мгновение и лошади сбили девушку насмерть.

Пауло не справился с этим потрясением. Потеря для него была невосполнимой. Кларин погибла, будучи беременной, стало быть, он потерял двоих. Всю жизнь он винил себя в этом.

Так Пауло и остался один. Ему неоднократно предлагали хорошие партии, но он и слышать не хотел. Через всю свою жизнь

Пауло пронёс в душе светлый образ Кларин и память о любимой.

Момент подоспел

Во время небольшой передышки после длительного путешествия, оказавшись под сенью дома, Цезаре принялся за роман. Теперь пришло время увековечить редкую неповторимую многострадальную любовь, которой судьба наградила его родителей, и благодаря которой он появился на белый свет.

Он рос, изо дня в день ощущая тепло и благодать этой любви. И даже тогда, когда не стало его любимой удивительной матушки, всё в доме напоминало о том чуде, которое соединило сердца его родителей.

Завязка

Россия

Да, то был дивный сон...
Медлительнее снежных улей,
Прозрачнее окна хрусталь,
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стуле.
Ткань, опьяненная собой,
Изнеженная лаской света,
Она испытывает лето,
Как бы не тронута зимой;
И, если в ледяных алмазах,
Струится вечности мороз,
Здесь – трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых.

– Маменька, Вы верите в сны? – спросила Шурочка, залезая по утрам в постель к матери. Она любила прижаться к её полному горячему телу, порассуждать о чём-нибудь, на выдумывать небылиц, поохотать вдоволь.

– Сегодня во сне я видела себя в раннем детстве. Представляете?

– Ну почему же, не представляю? – ответила маменька.

– Нет, Вы не поняли. Не смейтесь. Вот послушайте, – настаивала Шурочка. – События я запомнила урывками. Больше помню Вас, папеньку, няню Агашу, тётушку Лидию Константиновну. И мне было так хорошо во сне.

– Ну и славно, мой друг, – ответила маменька отстранённо.

А вот однажды, – не унималась Шурочка, – мне приснился воистину дивный сон. И я помню его до сих пор. Тот удивительный сон был похож на сказку, наверное, поэтому и запомнился, врезался в память. Во сне я оказалась в роскошном будуаре.

Представляете, раннее летнее утро. Первые лучики света, через приоткрытую штору осветили уголок окна и проскочили в помещение. Они упали в центр, и в комнате стало светло. Лучики быстро перемещались в пространстве, повисали то на одном, то на другом предмете. То запрыгнут в один угол комнаты, то вдруг перенесутся в другой, затеяв весёлую игру. Не угонишься за ними. Я пробовала.

– Во сне? – удивилась маменька, спрашивая недоверчиво, вслушиваясь в рассказ дочери.

– А где ж ещё? Ах, как хороша она была...

– Кто? – перебивая, спросила маменька, не понимая, о чём идёт речь.

– Не кто, а что, – подметила Шурочка. Комната, маменька, комната, – пояснила она.

Настоящий будуар. Я себя там почувствовала так уютно. Богатейшая обстановка рассказывала о тонком вкусе хозяйки будуара.

– Ты же сказала, что сон о тебе? – спросила маменька. Ты не скромна, Шура, – произнесла маменька зычным голосом.

– Я так подумала, но уверенности у меня нет. Послушайте, я расскажу, а Вы подумаете и сделаете выводы. Я на Вас полагаюсь, – попросила Шурочка.

– Не дури, Шура. Сон твой, а я должна догадываться, кто тебе приснился? – не соглашалась маменька.

– Пожалуйста, прошу Вас, – заняла Шурочка.

– Ладно, ладно, рассказывай. Я вся во внимании, – настроилась княгиня выслушать дочь до конца.

– В изысканном стиле, – начала Шурочка, – подобраны мебель и все аксессуары. Мебель белоснежная, с вензелями, позолоченными

ручками, выпуклыми изящными формами и кривыми ножками. Как у нас в доме, только красивее, наряднее, праздничнее, я бы сказала.

– И что в этом особенного? – теряя терпение, спросила княгиня.

А Шурочка, не слушая её, продолжала:

– В центре внимания, на стене, большое овальное зеркало, обрамленное позолоченной оправой, очень похожее на наше.

– Так может быть, это и есть наш дом? – спросила княгиня.

– Не знаю, говорю же Вам, – ответила Шурочка, нервничая. -

К нему столик с небольшими ящичками. На столике флаконы духов, они мне своей формой напомнили фужеры, которыми Фрося сервирует стол в дни праздников. На краю

столика свисают красивые длинные перчатки, светло-кофейного цвета, говоря о том, что их обладательница на ходу сняла и бросила, торопясь. Там же красивый старинный веер с испанским или итальянским сюжетом. Не помню точно.

– Откуда испанский, итальянский? Мы на воды ездим в Баден-Баден. Разве ты забыла? Странный сон. Ты хоть помнишь, где события происходят? – опять спросила княгиня Софья Алексеевна, увлечённая Шурочкиным рассказом.

– Не знаю, маменька, – задумалась Шурочка. Там не было сказано, – наивно по-детски ответила она. – Слушайте, дальше. Не перебивайте, маменька, – попросила Шурочка, возвращаясь к своему сну. – Лёгкий широкий прозрачный шарф в коричневых тонах, свисает в кресло, что стоит близко у стола (разбивая слово на слоги, протянула она). На нём открытая книга. Надо полагать, её хотели почитать, но лишь открыли нужную страницу. Так она и осталась лежать открытой в ожидании. Я и текста не запомнила, – сама себе удивилась Шурочка. – В кресле спокойно спала кошка, прикрытая наполовину соломенной шляпкой. И её, шляпку, скорее всего, обронили на ходу. Мы такие шляпки в тёплое время года надеваем. Только на той шляпке цветы и ленты ярче наших.

Над креслом на полке ваши с папенькой портреты, в дни романтических свиданий, тогда вы ещё не были соединены словом и законом совести, – смущаясь, произнесла Шурочка.

Княгиня улыбнулась образному сравнению, приведенно-

му дочерью.

– Отдельно портрет солидной женщины, правда, в молодости. Вероятнее всего, это бабушка – княгиня Дарья Александровна.

– Так значит, ты и есть обладательница роскошного будуара? – поторопилась с тем же вопросом княгиня.

– Не знаю. Говорю же Вам, маменька, там не было сказано. Какая Вы нетерпеливая. – Слушайте дальше. – На столике ваза с белыми лилиями, новой куклой, которую подарили только что на день рождения. Рассматривая во сне куклу, я остро ощутила, как давно мечтала о такой кукле, и вот моя мечта сбылась. И мне так хорошо стало...

Значит сон обо мне, – подумала я. – И это моя комната? – спрашиваю. Ответа не последовало.

Шурочка задумалась.

– Спустя время в зеркале я увидела отражение юной девушки. Но это была не я, – снизила тон Шурочка. – Девушка крепко спала, устроившись на белоснежном мягком диване. Нежный облик томился от недавних ещё свежих эмоций. Он излучал покой, умиротворение и полноту счастья. Она улыбалась. Нега, истома окутали её облик. И вдруг я поняла, что действительно это я, но спустя определённый отрезок времени. Понимаете, маменька, уже взрослая. В самый интересный момент сон оборвался, как и не было. Я пробуждалась в плохом расположении духа. Осмотрелась, вокруг всё тихо. В реальности ничего не напоминало дивный сон. И лишь в

отдалённых уголках мозга что-то подсказывало, что этот сон действительно был.

– Фантазёрка, ты моя, – сказала Софья Алексеевна, умиляясь дочери. – Начиталась романов. А ведь рановато тебе.

И тут княгиня вернулась к рассказу Шурочки.

– Так что ты хочешь сказать, что твоя комната хуже той, что тебе приснилась? – перенесла княгиня разговор на материальную почву.

– Маменька, Вы опять всё не так поняли. Там была комната взрослой барышни, а у меня детская!

– И что же? Вырастешь, и у тебя будет свой будуар. Можно подумать. Ты меня ничем не удивила, Шура, – разочарованно завершила разговор княгиня.

Шурочка нагнулась к маменьке и давай её целовать. А та смеяться.

– Баловница, пора вставать, – сказала княгиня дочери.

Сон

У Цезаре последние недели оказались очень насыщенными деловыми встречами и разнообразными впечатлениями. После них, он даже ночами работал, не желая терять времени.

Наконец, все дела были улажены и наши путешественники отправились в обратный путь. А Цезаре позволил себе немного расслабиться и крепко вздремнул. Ему приснился удивительный сон, который перенёс его на несколько столе-

тий назад, в другие страны. Перед Цезаре предстала череда сказочных событий.

Будучи человеком впечатлительным, увлечённым, он ничего не выпускал из поля зрения даже во сне, фиксируя и запоминая. Многие факты откладывались в его памяти и при удобном случае, либо удачном стечении обстоятельств, напоминали о себе и тогда стройными рядами выстраивались действия, укладываясь под перо мастера.

Вдруг карета резко остановилась... Цезаре пробудился ото сна, не понимая, где он и что произошло? Он обвёл карету глазами, остановил взгляд на Пауло и спросил:

– Где я?

– В дороге, – невозмутимо ответил Пауло, читая роман.

– Что со мной? – спросил Цезаре, всё ещё оставаясь в плену своих сновидений.

– С Вами? – спросил Пауло. Не знаю. – Кучер резко остановил карету, мы подъехали к переезду.

Цезаре всё ещё не отдавая себе отчёт, он во сне или уже наяву, понемногу начинал осмысливать сюжеты недавних сновидений.

– Оливковые рощи... пески, виноградники, – произнёс он вслух.

Пауло оторвался от книги, посмотрел на него вопросительно.

– Синьор, Вы здоровы? – спросил он удивлённо.

Цезаре перевёл рассеянный взгляд в его сторону, пропуская мимо вопрос, сказал:

– Неужели мне всё это приснилось?

– Очевидно, синьор, – с той же невозмутимостью ответил Пауло, впиваясь в текст любовного романа.

Цезаре молчал, что-то обдумывая, а потом попросил:

– Ты только, пожалуйста, не торопи меня, я тебе сам всё расскажу.

– Хорошо, Цезаре. Я нем как рыба, – ответил Пауло полшутя, полусерьёзно.

– Пригрезится же такое! – сказал Цезаре.

– А что случилось, синьор? Вам опять приснились какие-то небылицы? – предположил Пауло.

– Да уж. Иначе это не назовёшь, – ответил Цезаре.

Пауло отложил в сторону книгу, присел и сказал:

– Я весь во внимании, рассказывайте, синьор.

Цезаре собрался с духом и спустя несколько минут начал своё повествование.

– Слушай внимательно. Рассказываю в том порядке, как я это увидел, – предупредил Цезаре. – Наберись терпения и не перебивай.

Представь себе. К твоим ногам падает лунный свет – лунная дорожка от луны к тебе. Представил? – спросил Цезаре. И сам ответил, – необыкновенно красиво! Ты начинаешь осознавать свою связь с вечностью. Не успел я об этом подумать, как через мгновение вместе с каретой и ло-

шадьми взмываю ввысь. У меня перехватило дыхание. Стояла необычайно красивая звёздная ночь. А когда мы приземлились, откуда ни возьмись, наступил белый день. Перед моим взором шеренгами выстроились оливковые рощи. Такая экзотика. А вдали я заметил едва заметный караван верблюдов. Пекло, нигде ни капли воды... Вокруг пески, я бродил, бродил и набрёл на виноградники. Это было моё спасение. Там я укрылся от палящих лучей солнца. Там же нашёл глиняный кувшин, наполовину зарытый в песок. Я умирал от жажды, поэтому вытянул кувшин из песка, вынул пробку и пригубил. Блаженство!!! – с упоением произнёс Цезаре. – В кувшине оказалась прохладная водица, что немало меня удивило. Я омыл лицо, голову и под сенью виноградной лозы прилёг и уснул. И что ты думаешь? На сей раз, действие моего сна развернулись в Средневековье. Одиннадцатый век. И ты знаешь, с кем я повстречался? – спросил Цезаре.

Пауло в ответ лишь покачал головой. Он сидел, как замороженный. Вместе с рассказом Цезаре, он перенёсся в другое время, далёкие страны.

– Так вот, – продолжил Цезаре. Я беседовал с Омаром Хайямом – незадолго до его кончины.

– А кто это? – поинтересовался Пауло.

О, это уникальный человек. В одном лице: астроном, философ, математик, физик и поэт! – с гордостью ответил Цезаре, будто всё перечисленное выше имело к нему какое-то отношение. – Омар Хайям мне вдохновенно поведал о тру-

де Авиценны ибн Сины, а потом читал свои замечательные четверостишья. Быстро простился и внезапно исчез, как и не было. На смену одиннадцатому веку пришёл четырнадцатый. Я бродил и поражался красоте тех мест, атмосфере. Там сон мне подарил общение с прекрасным тонким поэтом – Насими.

И Цезаре процитировал строки из произведений Насими:

«Предвечен я, и вечность – мой конец.
Я и творенье мира и творец.
Я виночерпий пиршества земного,
Я – добрый знак для всех людских сердец».

– А это?

«Мудрец, когда себя познать ты мог.
Всего достиг, и, значит, ты есть бог.
В тебе дыхание святого духа,
Ты всемогущ, бессмертен и высок».

– Как сказано! – произнёс Цезаре.

– Я потрясён, – наконец вымолвил Пауло. – Я не могу понять, как Вам удалось столько запомнить? – спросил Пауло, находясь под большим впечатлением от услышанного. – А я свои сны не запоминаю. Цезаре, как я погляжу, Вы и во сне продолжаете путешествовать. Неужели не наскучило, недо-

статочно того, что в реальной жизни Вы так много времени проводите в пути? Поразительно! – недоумевал Пауло.

– Как ты не понимаешь? Мой мозг и во сне продолжает работать. Видишь, сколько полезной информации я извлёк из одного сна?

Порой он напоминал ребёнка, который никогда не расстанется со своими любимыми играми.

– Да... – протянул он. Цезаре никак не мог отойти от всего увиденного и пережитого во сне. Сновидения прочно захватили его в свой плен и не выпускали. Он опускался на землю и опять возвращался туда.

– Это было лишь начало сна. Затем сменилась картина, и я оказался в другом месте. Теперь, мой дорогой, мы возвращаемся в Италию. Представь себе знаменитейший зал Маппамондо, – произнёс Цезаре по слогам. – Украшением этого зала является роспись Симоне Мартини. Я очарованный стоял и не сводил глаз с его творений.

Цезаре задумался.

– Но и это ещё не всё.

– Батюшки, да когда ж Вы столько успели увидеть? – воскликнул Пауло, подскочив на сидении.

– Пока ты спал, – спокойно ответил ему Цезаре. – Слушай дальше. Так вот. Был ещё один эпизод, который вверг меня в ужас. Даже и не знаю, стоит ли рассказывать? Боюсь испугать тебя.

– Чего уж там? Я готов слушать, – предупредил Пауло.

– Итак. Следующая картина, которая предстала моему взору, что-то дикое, уродливое, бесчеловечное, ужасающее, не поддающееся описанию. Сцена казни. Это зрелище, скажу я тебе прямо со всей ответственностью, не для утончённых натур. Народ пытали: вгоняли иголки и раскалённое железо под ногти, выжигали глаза. Я кричал из последних сил, вопил и плакал вместе с ними, несчастными. Я такое пережил во сне, – он умолк, – нет, нет, это не поддаётся описанию, – повторил Цезаре с надрывом и одновременно с укоризной.

– Вы хоть знаете, где этот кошмар происходил? – спросил растревоженный Пауло.

– Знаю. Сознание подсказало, – ответил Цезаре.

– И где же? – любопытство распирало Пауло.

– Не догадываешься? – спросил Цезаре.

– Теряюсь в догадках, синьор, – ответил Пауло, мысленно перебирая фрагменты истории.

– В Иерусалиме, мой друг, – раскрыл «карты», Цезаре.

– Где?! – поразился Пауло.

– Да, да. Во время правления Вавилонского царя – Навуходоносора, – пояснил Цезаре. – А говорил, что любишь историю. Такое надо знать, мой милый. Я об этом читал ещё в гимназии. Отец много мне из истории рассказывал. Потом кое-что изучал в университете.

К сведению, наш великий маэстро – Джузеппе Верди увековечил этот сюжет в своём бессмертном творении. Забыл, что ли?

Пауло сидел молча, пропуская через душу рассказ Цезаре.

– Вот поэтому мне несложно было догадаться. Я, как увидел, сразу понял, куда попал.

– Да, да, – промычал Пауло понимающе. – Батюшки, куда Вас занесло! – произнёс Пауло, держась за сердце. – Это ж когда было!

– Одно могу сказать... какое счастье, что я видел всё это во сне. Наяву... не приведи Господь такое увидеть, – сказал Цезаре, находясь в глубоком раздумье и в шоковом состоянии. Пережитое во сне кольцом сдавило его сердце. Он тяжело дышал, поминутно вздрагивал, вбирая в себя воздух.

– Цезаре, дорогой. Успокойтесь, пожалуйста. Не предавайте этому значение. Вы переутомились в последнее время, работали, не покладая головы и рук, без отдыха. Ваш мозг устал. Вот Вам и результат воспалённого рассудка, как говорится, на лицо. Какие дикие, страшные истории Вас посетили во сне. Выбросите всё из головы, подумайте, о чём-нибудь приятном, – растянул он последнее слово, смакуя. – А это забудется, – уговаривал Пауло. -

Я же не зря говорю, пора нам домой, на покой. Дома с Вами такого не случается и работается легче, – настаивал Пауло на своём.

– Да, ты прав. Пора нам на покой, – соглашался расстроенный Цезаре. – Я как не в своей «тарелке», весь разбитый, помятый, места себе не нахожу, – жаловался он. – Ты представь, какво было великому маэстро Верди писать музыку

на этот сюжет? – всё не унимался Цезаре.

– Не представляю, знаю одно – он гениальный трагик! – уверенно ответил Пауло.

– Да, таких, как он, нет, – подвёл итог Цезаре.

Прошли годы...

– Шурочка, ты ещё не собралась? – спросила княгиня дочь.

Посмотри, дружочек, на себя. Пора, поторопись, пожалуйста. Сейчас горничная принесёт твоё платье.

Боже, а что у тебя на голове? Немедленно снимай папильотки и расчешись.

Ну, что это такое? – возмущалась княгиня, взглянув на дочь.

– Маман, голубушка. Не беспокойтесь, я успею. Мне Мари поможет.

Шурочка подбежала к матери, обвила своими изящными ручками её массивную шею, поцеловала и прошептала:

– Я так волнуюсь, матушка.

Мать засмеялась и ответила:

– И я волновалась, мой друг, когда впервые выезжала на бал. Не стоит, мон шер, это скоро пройдёт. Не сомневайся. Тебе понравится на балу. Ты так любишь музыку, петь, танцевать. Давай, поторопись, пожалуйста, – попросила княгиня дочь. -

Я буду у себя, – предупредила Софья Алексеевна и ушла.

Впервые в жизни

В преддверии Нового года князь и княгиня Осиповы давали большой бал. Для общественности и самих князей, это событие считалось грандиозным. Они разослали приглашения всем, кого хотели принять у себя в этот вечер. Гости к событиям такого ранга, готовились заблаговременно, в том числе и сама княжеская семья подготовилась основательно к предстоящему мероприятию. Как говорится, не роняя честь мундира.

Шестнадцатилетняя Шурочка, Александра Сергеевна Осипова, младшая дочь в семье князя. Кроме неё у Осиповых три сына: Кирилл и Пётр, они постарше Шурочки. И младшенький – Михаил. Он родился через пять лет после появления на свет сестрицы. Детей воспитывали, как было принято по негласным законам в уважении, почитании старшего поколения и в духе любви к Отечеству. Именно эти правила передавались из поколения в поколение.

Князь – Сергей Константинович Осипов по складу характера был очень общительным человеком. Он любил принимать у себя гостей. Всегда дружелюбный и гостеприимный хозяин, успевал уделить гостю максимум внимания, демонстрируя своё уважение и полное

доверие. И его уважали. За честь почитали состоять с ним в дружеских отношениях.

Бал

Вечером к парадному подъезду съезжались нарядные гости.

В предвкушении торжества, они пребывали в приподнятом настроении. Выходя из карет, они громко приветствовали друг друга. Среди штатских гостей выделялись представители дипломатического корпуса.

Погода в этот вечер благоприятствовала. Шёл лёгкий снежок, он устилал землю ровным пушистым ковром и ненавязчиво хрустел под ногами. Эта музыка мило аккомпанировала внутреннему настрою, создавая атмосферу праздника и вызывая повышенный интерес к приближающемуся событию.

Всё, что связано с приходом Нового года, несёт в себе отголосок сказки, романтическое восприятие действительности. А все праздничные мероприятия, проводимые в преддверье Нового года, возбуждают интерес, остроту восприятия одного события, создавая предпраздничное настроение.

Однако мороза не было. Зима мягко незаметно подкрадывалась, боясь надоесть, ещё не заявляла о себе в полный голос и в полную силу. А до крещенских морозов было «рукой подать».

– Как славно, Мари, что сегодня не морозно и не ветрено. У меня в такие дни текут слёзы из глаз. Представляешь, как маленькие хрусталики повисают на щеках, подмерзая. Потом всё лицо щиплет, – делилась Шурочка с кузиной, встречая гостей.

– Я тоже не люблю мороз. А снежок обожаю, – ответила ей кузина рассеянно. Её взгляд устремился куда-то... и Шурочка не уловила его направления.

– Снежок – это удовольствие, он дарит незабываемые мгновения, – сказала она.

– Смотри, смотри, Шуронька, – вдруг скороговоркой заговорила Мари, перебивая кузину, незаметно дёргая её за платье.

Шурочка удивлённо посмотрела на кузину, затем перевела взгляд в направлении указанном Мари.

Перед ней выросла фигура высокого подтянутого мужчины, как ей тогда показалось, в годах. У него на висках засебрилась первая седина. Но она не портила его внешности. Весь его облик располагал к общению. Он был красив, статен, элегантен, – истинный аристократ. А добрый, мягкий взгляд вызывал доверие.

Шурочка не успела ответить кузине, как услышала:

– Приветствую вас, – поздоровался гость с девушками.

Девушки присели в реверансе.

Его насыщенный обертонами голос отличался красивым бархатным тембром. Он обволакивал собеседника, несмотря на то, что гость на русском языке разговаривал плохо и с тяжёлым акцентом.

Шурочка это заметила сразу, как только он заговорил.

– Что батюшка Ваш, здоров? – обратился к ней гость.

– Спасибо, слава Богу, здоров. Батюшка с матушкой

встречают гостей в большом колонном зале, – ответила Шурочка смутившись. На неё ещё никто не смотрел так пылко, так пронзительно. Она всем своим существом ощутила на себе его взгляд.

– Алессандра, – назвал гость Шурочку на итальянский манер. – Я помню Вас ребёнком, а ныне Вы... великолепны! Само

совершенство! – рассыпал гость комплименты в адрес Шурочки. -

Совсем взрослая барышня, – добавил гость.

Шурочка залилась румянцем во всю щеку, потупился взор, она не знала, как себя вести. Ни один мужчина не вёл себя с ней так смело, не позволял себе таких речей. Шурочка оторопела и не вымолвила ни слова.

Гость осознал, что своим поведением смутил девушку.

Он откланялся и пошёл к парадной лестнице.

– Кто это? – спросила Мари, сгорая от любопытства.

– Если я не ошибаюсь, он является представителем какого-то дружественного нам государства, – замысловато ответила Шурочка. – Когда я была маленькой, он часто навещал нас. Они дружны с батюшкой. Ты не помнишь его? – спросила она кузину.

– Нет, не помню. Очевидно, он приезжал в наше отсутствие, когда мы ездили с матушкой на воды.

– Возможно, – согласилась Шурочка.

На балу

В самом начале бала гости направились слушать певицу. Её имя гремело среди знатоков «bel canto» (красивое пение) и было у всех на устах. В те времена считалось престижным выезжать в оперу, слушать партии.

Князь Осипов пустил вход всё своё обаяние, приложил немало терпения и хлопот, пока дождался согласия певицы. Красивейшее меццо-сопрано прекрасно сочеталось в ней с богатейшей природой: яркой внешностью и проникновенным исполнением.

Шурочка присела рядом с княгиней.

Рауль – так звали гостя, не сводил с неё глаз. Она же испытывала неловкость, её соблазнительный завиток на затылке горел от его пристальных взглядов.

Певица благополучно закончила последнюю арию, раскланялась и принимала комплименты горячих поклонников. В гостинном зале гостей ожидали накрытые столы. Князь Осипов пригласил всех проследовать туда. Вскоре зал наполнился гомоном людских голосов. За столом гости угощались, обмениваясь впечатлениями, делясь новостями, светскими сплетнями. Рауль Дель Монти сидел рядом с князем.

– Дорогой Серж! Как выросла Ваша дочь, – отметил он, обращаясь к князю Осипову. – Как расцвела! Прекрасный божественный цветок, – восхищался он, буквально «съедая» Шурочку глазами, чем немало смутил её.

– Вы правы, мой друг. Да... время летит быстро, не стоит

на месте. Давненько Вы не навещали нас, – ответил князь.

– Шурочка уже барышня, наша гордость. У нас все дети хорошие, но она особенная, – подчеркнул князь с гордостью и удовольствием.

Тем временем, как по сигналу, в колонном зале заиграл оркестр, приглашая гостей танцевать.

Торжество вступало в свою заключительную, но самую почитаемую гостями, часть бала.

Рауль вскочил со своего места, как прыткий юноша подбежал к Шурочке, опустился на колени, протянул ей руку, приглашая на танец.

В течение всего бала он оккупировал пространство вокруг неё, не подпуская никого.

После бала Рауль Дель Монти не появлялся у Осиповых. Шурочка с досадой спрашивала сама у себя:

– Куда же он исчез? И отвечала, – вероятнее всего, по службе уехал. Не пришёл даже проститься. К чему тогда все эти взгляды, пылкие речи.

Она нет, нет, да вспоминала, как вальсировала с ним. Как он деликатно обнимал её за талию. Сколько нежных слов говорил. Она ощущала его дыхание так близко, что ей показалось, они слились в единое целое, и нет по отдельности Шурочки и синьора Дель Монти. Рядом с ним она чувствовала себя совершенно счастливой, как в раю, порхая в небесах в окружении ангелов, слушая пение райских птиц.

– Я не могу так долго ждать. Разве он не знает об этом? Так можно лопнуть от нетерпения. Мне нужно, нет, мне необходимо его видеть, слышать. Ну, где же он? – спрашивала она, прогуливаясь по залу.

За обедом царила напряжённая обстановка. Князь Осипов ел без аппетита. Шурочка не понимала, что могло испортить настроение отцу. Она переглядывалась с Софьей Алексеевной.

Княгиня не выдержала и сказала:

– Шура, синьор Дель Монти прислал письмо отцу.

И вдруг князь взорвался, перебив княгиню:

– И думать не смей. Слышишь? – потребовал он, строго посмотрев на Шурочку.

Она покраснела, но ничего не ответила отцу.

– Не бывать этому, – князь выдал свои мысли.

– Чему, папенька? – стыдливо спросила Шурочка.

Князь понял, что проговорился.

– Ладно, ладно, обедай и иди к себе, – ответил он невпопад, не поднимая глаз, тупо опустив их в тарелку со студнем, опасаясь выдать правду.

Однако Шурочка поняла, что отец не намерен выдавать её замуж за Рауля. Причину он утаил, но его поведение красноречиво говорило об этом.

Первый отклик

– Цезаре, я под впечатлением, – заявил Пауло, увидев своего господина утром.

– Что такое, мой друг? Что это так обеспокоило, взволновало тебя? – поинтересовался Цезаре.

– Вчера ночью я прочитал начало Вашего нового романа. Вы не поверите, на одном дыхании. Так интересно. Умоляю Вас, пишите, не отвлекайтесь, не прерывайте работу. Я сгораю от нетерпения. Что же там дальше будет? Такая интригующая завязка! – делился Пауло с синьором за завтраком. Вы же знаете, как я люблю романы о любви, – смаковал Пауло.

– Пауло, ты, как всегда торопишь события. Твоя эмоциональность к добру не доведёт. Ты только посмотри на себя.

И вдруг Цезаре перешёл на «вы».

– Вы достигли почтенного возраста, а темперамент, как у пылкого юноши. Как это Вам удаётся? Откуда такая прыть?

Да... – протянул Цезаре, пригубив горячий шоколад, добавляя в него чайную ложечку свежих сливок, только что взбитых Марией.

– Вам можно позавидовать. Я моложе Вас, – подчеркнул он. – А моё физическое состояние постоянно напоминает мне о моём возрасте, приближающейся старости, немощности, – сетовал Цезаре, делясь с Пауло.

– Ну что же Вы сравниваете? Это всё болезни виною. К тому же, не забывайте, пожалуйста, мой дорогой Цезаре. Вы много работаете, а я всю жизнь бездельничаю, – пояснил Па-

уло, кокетничая.

– Ну да, да, конечно, – промычал Цезаре в ответ. Тем временем, напевая арию «...расскажите Вы ей, цветы мои» из оперы «Фауст» французского композитора Шарля Гуно, погружаясь в свои мысли. Он ухищрялся параллельно с разговором обдумывать новый эпизод. Цезаре жил в своих произведениях. Любил своих героев, соперничал им, как если бы они и вправду (в данный момент) были наяву. Жил по их канонам, которые сам придумал и верил во всепобеждающую силу истинной вечной любви.

В гостях в Милане

– Смотри, что я нашёл, отыскивая материалы о Леонардо, – возбуждённо сказал Цезаре.

И зачитал:

«Если ты одинок, то полностью принадлежишь самому себе. Если рядом с тобой находится хотя бы один человек, то ты принадлежишь себе только наполовину или даже меньше в пропорции к бездумности его поведения; а уж если рядом с тобой больше одного человека, то ты погружаешься в плачевное состояние всё глубже и глубже. Этот род деятельности, известный под названием живопись, требует воображения и мастерства кисти, так как призван открывать невидимое, спрятанное в тени видимых предметов, и запечатлевать его с помощью кисти, придавая ясный вид на самом деле не

существующему».

– Как сказано! – Цезаре упивался.

Он давно чаял и пестовал в своих мыслях одну задумку, всё взвешивал, как приблизится к ней, не решаясь начать работу. Что-то останавливало его, и он скрупулёзно ещё и ещё раз перепроверял подготовленные им материалы.

– Мы едем смотреть одну из величайших работ обожаемого мною Леонардо Да Винчи, – сказал Цезаре, сидя в карете.

– Что именно? – с интересом спросил Пауло.

– Его «Тайную вечерю», над которой он начал работать по просьбе Людовика Сфирца в 1495 году. Между прочим, ему тогда было сорок три года. Гигант! Я преклоняюсь перед его гением. И ты знаешь, где он её написал? – спросил Цезаре.

– Если не ошибаюсь, на стене трапезной доминиканского монастыря Санта Мария делле Грация.

– Совершенно верно, – с удовлетворением подтвердил Цезаре. Ты был там? – спросил он.

– Нет, не приходилось. Но много читал о ней.

– А теперь, дорогой Пауло, ты увидишь это чудо своими собственными глазами. Я не буду забегать вперёд. Не стану тебе что-либо рассказывать, ты всё увидишь сам и испытаешь огромное наслаждение, клянусь тебе. Лично я, впервые увидев эту работу великого маэстро, испытал самое настоящее потрясение.

Нетерпение возбуждало Цезаре. Он предвкушал радость

встречи с полотном Леонардо да Винчи, поэтому находил-ся в приподнятом настроении. Всё бурлило у него внутри. Он ёрзал на сидении, поторапливая кучера. – А вечером нас ждёт «Ла Скала»! – объявил Цезаре с воодушевлением, создавая неповторимую атмосферу наступившего дня и на-строй на незабываемые впечатления.

Гениальный трагик

Цезаре встал не в настроении. Он грустил. Его тянуло к рассуждениям, мысли о вечном томили душу.

– Время катастрофически улетает, его не остановить. Оно, как птица, которая стремится в тёплые дальние страны, не оглядываясь, не сожалея о том, что осталось у неё за спиной.

Я не замечаю, как исчезают сутки, – недоумевал Цезаре. Что это такое, старость?

– Что можно на это сказать? – начал философствовать Пауло. Быстротечна наша жизнь, – кратко подметил он.

– Вот именно, – вторил Цезаре.

Трудно представить, что вот уже полгода мы живём без Верди, – спонтанно перескакивая на другую тему.

Мир осиротел, а продолжает своё существование. Я полагал, всё рухнет с его уходом. Вся Италия его хоронила. А мы доживаем свой век, как ни в чём не бывало. Парадокс какой-то.

– Что сказать, Цезаре? Участь гениев – будоражить умы, сердца обыкновенных смертных, очищать, просветлять их

души, вселять надежду. А участь смертных – доживать свой век в житейских заботах. Не отчаивайтесь, так устроен мир, – монотонно уговаривал Пауло.

В одном не соглашусь с Вами. Верди не ушёл, он живёт в каждой своей ноте. Его непревзойдённый талант победил! – торжественно заключил он.

Наступила пауза. Каждый из собеседников думал о своём.
– Видите ли, их не устроила форма его пальцев, – гневался Цезаре.

– Поясните, пожалуйста. Я не уловил смысл. Куда это Вас увёл свободный ум? – с иронией в голосе спросил Пауло.

– А ты не знаешь. Как же? Его не приняли в консерваторию, только потому, что посчитали непригодной для обучения форму пальцев.

Ха-ха...

Зато теперь эта же самая консерватория удостоена носить его имя. Поразительно! И что ты на это скажешь? – возмущался Цезаре.

– А то, мой милый, что ошибаются все. Только одни в этом никогда не признаются и живут с этим грузом всю свою жизнь. А другие, признают свои ошибки, исправляют их и в разной форме просят прощение, то есть, замаливают грехи. Я это понимаю так, – разъяснил мудрый Пауло.

– Даже если и так, кому от этого легче? – упорствовал неугомонный Цезаре.

– Не знаю, надо спросить и у тех, и у других, – засмеялся

Пауло. -

Но, знаю одно, – кто не ценит жизни, тот недостоин её, – произнёс он сосредоточенно, вдумчиво, без доли сарказма.

– Да ты философ! – воскликнул Цезаре и засмеялся.

Пауло обрадовался, что ему удалось разрядить обстановку.

Курьёзный случай

– Цезаре, что ты сегодня такой озадаченный? – на ходу спросил Фернандо, собираясь отправиться по своим делам.

– Ты понимаешь, мы с Пауло собрались в «Ла Скала», послушать партии, а у него нет фрака. Подумать бы мне об этом раньше, перед поездкой, так нет. Замотался и выпустил этот момент из вида. Мой портной пошил бы ему качественно и быстро. И что теперь делать, ума не приложу?

– Не огорчайся, дружище. Это поправимо, – отозвался Фернандо из другой комнаты. Я из своего фрака давно вырос, – шутил Фернандо. – Переел спагетти, ризотто, десерты и множество других вкусных блюд, – рассказывал Фернандо, поглаживая себя по животу, веселя друга. – Теперь придётся сшить новый фрак и срочно, не откладывая в долгий ящик. В противном случае не впустят ни в одно приличное место. Да, да, а что Вы думаете? – разошёлся Фернандо. – Так что, дорогой Пауло, с лёгким сердцем дарю тебе свой фрак.носи его на здоровье. Он повидал виды, ему есть, что вспомнить, – Фернандо изобиловал шутками, доставая из платин-

ного шкафа свой старый фрак.

– Ой, синьор, Фернандо. Как Вы добры. Благодарю Вас. Вы сделали мне неоценимый подарок, – благодарил Пауло, радуясь, как ребёнок. У меня никогда не было фрака.

– Ты опять перебрал. Прямо болезнь какая-то. Вместо того чтобы расплыться в благодарностях, разглагольствовать тут понимаешь, лучше бы примерил фрак. Времени в обрез. Фернандо на голову ниже тебя ростом. Размерчик может сойти с мерки, между прочим, – язвительно подметил Цезаре, подначивая Пауло.

– Ой, и правда. А я и не учёл этого.

– Давай примеряй, – командовал Цезаре.

Пауло с большим трудом натянул на себя фрак и просто-напал:

– Как же я буду передвигаться в нём? Он действительно мне мал. Вот здесь тянет, – пожаловался Пауло, неуклюже указывая рукой ниже живота.

– Где это здесь? Конкретнее, пожалуйста, – спросил Фернандо раздражённо.

Пауло смутился, покраснел, потом сказал:

– Ну, как Вам сказать? В самом укромном месте, – стесняясь, робея, ответил он.

– Там, в этом самом месте расшить можно, – предположил Фернандо.

Недолго думая, он взял большие ножницы, распорол швы и сказал:

– Здесь и запас имеется. Сейчас соединю по тебе, и ничего тянуть не будет. Фернандо неумело стал сшивать края ткани, а Пауло ещё больше принялся охать и стонать.

– Что опять не так, синьор Пауло? Не выдумывай. Уже ничего не должно мешать. Смотри, какой кусище выпустил.

А Пауло:

– Прошу прощения, синьор. Понимаю и ценю Ваше великодушие, желание выручить меня. Я мечтаю попасть в театр, но Ваш фрак мне тесен и вовсе не там, где у Вас живот, а ниже, – он сделал акцент на последнем слове и добавил:

– С чувством глубокой скорби заявляю Вам об этом.

Цезаре, ехидный, как в воду глядел, – Пауло бурча, кинул реплику в сторону Цезаре.

– А где же сейчас тянет? Не понимаю, – теряя терпение, спросил Фернандо.

– Всё там же, синьор. Всё там же. Позвольте мне вылезти из него, – заунывно произнёс Пауло. – Я себя в нём неуютно чувствую.

– Нечего было отрацивать себе... – Фернандо замял фразу, не договаривая её до конца. Сделав паузу, он всё же высказался:

– Ещё укромным это место называет. Какие нежности. Утончённый синьор, ничего не скажешь, – взорвался Фернандо. – Кто же сегодня позволяет себе такую роскошь? Отрастил невесть сколько и ещё жалуется. А мы возьмём и не пожалеем тебя. Да, Цезаре?

Цезаре, со стороны наблюдая эту сцену, лопался со смеху, держась за живот.

А Пауло, скрепя сердце, просидел весь вечер в одиночестве, дожидаясь возвращения Цезаре, так и не посетив театра «Ла Скала» и не насладившись пением знаменитых примадонн.

Новые впечатления

У Цезаре гостили друзья из Франции. Его с ними связывали годы многолетней крепкой дружбы. Ему хотелось показать им самые красивые места, которые когда-то запомнились ему самому и нашли отклик в его сердце.

– Завтра у меня важная встреча. Я возлагаю на неё очень большие надежды. Там, где нам предстоит побывать, меня ожидают чрезвычайно интересные документы. О таких источниках можно только мечтать. Я их давно разыскивал, – сообщил Цезаре деловито.

Мы в этой поездке совместим дела и культурно-познавательную программу, намеченную ранее. Отдельно попутешествовать не получится в виду нехватки времени, а вот благодаря случаю, прекрасно проведём время, главное, с пользой.

Мы направимся в Мантую. Вы ведь там никогда не были. Я покажу вам те места, которые запомнились мне, и расскажу об этом городе, – с вечера предупредил Цезаре гостей, возбуждая у них интерес к поездке.

Пауло с детства с интересом относился к истории и бла-

гоговел перед памятниками архитектуры. Он присутствовал при разговоре Цезаре с гостями, и сам настроился на положительные эмоции от встречи с шедеврами великих мастеров.

Мантуя

– Что я могу сказать, други мои? Сегодня удачный день, – начал Цезаре после завершения дел. Он получил нужные документы, чему был очень рад. Желание ознакомиться с новым материалом не давало думать ни о чём другом, и они отправились в обратный путь.

– Но прежде чем мы покинем Мантую, совершим небольшую обзорную экскурсию, по ходу я покажу вам несколько уникальных мест, ну а потом поедем домой. Итак, внимательно слушайте и запоминайте. Он повернулся к Пауло и сказал:

– А вдруг, тебе когда-нибудь придёт в голову блистательная идея – написать исторический трактат о своей родине, – предположил Цезаре.

Пауло посмотрел на Цезаре и сразу не определил, тот шутит или говорит серьёзно.

– Мы находимся в Ломбардии, – сказал Цезаре. – Мантуя образуется на двух островах, окружённых рукавами реки Минчо, которая омывает город с трёх сторон и образует три озера – Верхнее, Среднее и Нижнее. Четвёртый был засыпан в конце XVIII века. Неужели не помнишь, батюшка расска-

зывал, – спросил Цезаре у Пауло.

Тот посмотрел на Цезаре, сосредоточился и ответил:

– Что-то припоминаю. Но отдалёно.

– Основан город этрусками, – продолжал Цезаре, – которые заняли большую часть Паданской равнины и расположились около Болоньи и в устье реки По. К слову. В восьмом веке жили лигуры, этруски и сиканы. Они являлись основателями Италии. Около Мантуи действительно было обнаружено богатое торговое место, которое свидетельствует, что ядро Мантуи было одним из наиболее развитых в равнине для экспансии этрусков. Впоследствии город попадает под правление галлов, чтобы потом, после победы Кастеджо, перейти под римское правление. Знаменитейший поэт Вергилий родился около Пьетоле, в нескольких километрах от Мантуи, и всегда гордился тем, что он мантованин, даже когда, после битвы Филиппи в 42 г. н.э., был лишен своих земель и вынужден переселиться в Рим. Первое упоминание об основании города принадлежит поэту, который в поэме “Буколике”, рассказал драму крестьянина своей земли. Да, история этого города непросто складывалась, как собственно история всей Италии.

– Цезаре, откуда у Вас такие глубокие познания в истории? -Насколько я помню, Вы изучали литературу, – поинтересовался один из гостей.

– Не забывайте, я получил хорошее всестороннее образование, что меня очень выручает. К тому же, мой батюшка

был полиглотом, он многое мне дал, – ответил Цезаре с чувством гордости.

Также, – продолжил он знакомить гостей, – Мантуя была жертвой набегов варваров, начиная с третьего века и до момента, когда в восьмом веке, не попала под господство лонгобардов и перешла, следовательно, во владения Матильды ди Каносса.

После смерти графини, город становится свободной Коммуной. Но затем, после сражений против Федерико Барбаросса, его раздирают междоусобные войны между соперничающими семьями в погоне за властью. Бонаколси во второй половине тринадцатого века становятся первыми синьорами (господами) Мантуи, а в первой половине четырнадцатого века, был вытеснен Луиджи Гонзага, который в последующий год был признан имперским наместником, положив таким образом начало могуществу синьории (небольшое герцогство) Гонзага, которая просуществовала до начала восемнадцатого века. Во второй половине пятнадцатого века город становится одним из заметных культурных центров Возрождения, благодаря также присутствию и работе в Мантуе знаменитейшего архитектора Леона Баттиста Альберти. С Изабеллой Д'Эсте, маркизой с середины пятнадцатого века, меценатство Гонзага достигло своей вершины.

Но мы не будем уходить в дебри. Мы проедем по самым запоминающимся местам. Мне хочется, чтобы у вас осталось хорошее впечатление о нашей поездке. Мантуя – неболь-

шой, но прекрасный город! – вдохновенно объяснял Цезаре. В Мантуе очень много памятников старины. Смотрите, мы подъезжаем.

Забыл сказать, город прогрессирует как место значительной культурной привлекательности, как благодаря престижной красоте своих зданий, так и из-за организации событий, дающих большой резонанс. Вот смотрите, мы подъезжаем к собору. Какое величие! Великолепный собор посвящён Святому Петру. Предполагается, что изначально Собор имел более скромные размеры и был возведён в первые века христианства. В последствие был много раз переделан, расширен и украшен. Собор был полностью разрушен после пожара в 894 году и возведён заново в романском стиле между 1395 и 1401 годами. Во время этой перестройки к Собору были добавлены боковые капеллы и красивейший готический фасад. После ещё одного пожара в XVI веке знаменитый Джулио Романо провёл реконструкцию внутренней части Собора, сохранив нетронутым фасад.

Цезаре, окунувшись с головой в роль носителя исторических знаний, продолжил свои лекции и на обратном пути, покидая Мантую.

Вечером того же дня, устроившись у камина, домочадцы и гости увлеклись беседой, которая имела глубокие корни.

– Смотрите, что я нашёл в записях моего батюшки. Узнаю руку отца. Насколько я понял, здесь он описывает парижский

период в его жизни, – обратился к гостям Цезаре. Записей много, я прочитаю лишь выдержки, чтобы не утомлять вас.

Много исторических материалов о Франции. Переписка моего отца с его друзьями, коллегами по дипломатическому корпусу и просто интересные находки, – добавил он. А вот замечательные ремарки об образе жизни аристократов того времени.

И Цезаре зачитал: «Сен-Жермеснское предместье располагалось на левом берегу Сены; с востока его ограничивала улица Святых Отцов, с запада – Дом Инвалидов, с севера – набережная Сены, а с юга – ограда семинарии Иностраннных миссий. Предместье состояло из пяти длинных улиц. При Людовике XV аристократы полюбили этот район Парижа и охотно чередовали жизнь здесь с пребыванием в Версале. Во время революции многих знатных жителей предместья казнили, другие эмигрировали, а имущество тех и других было реквизировано или распродано...» Далее идёт неразборчиво. Очень мелко написано. Придётся засесть с лупой.

– Как интересно, – сказал один из гостей, комментируя.

– Да. Необыкновенно интересный материал. Мне предстоит увлекательная работа, – делился Цезаре. Отец имел обыкновение делать наброски вновь появившейся информации. Нужно поднять все его записи, полагаю, там и продолжение найдётся.

Рассуждения

– Зависть – самая страшная и коварная черта, которую

придумал Господь Бог для человека. Это огромное испытание. Если же человеку не удаётся изжить в себе этот чудовищный порок, он ломает жизнь многим, но и сам останется глубоко несчастным, – высказывал Цезаре свои мысли. Он негодовал в глубине души.

Накануне ему пришлось столкнуться с нечеловеческим поступком, который повлёк за собой непоправимые последствия. Вызван поступок завистью. Цезаре находился под тяжелейшим давлением в результате пережитого. Этот груз сдавил грудь, не давая покоя и возможности сосредоточиться на работе. Он всё думал об этом, анализировал, изо всех сил пытался понять происхождение поступка, но внутренне согласится не мог.

– Падший ангел, говорите, господа. Нет, он не ангел. Падший, пожалуй, да. Не зря говорят, – продолжил он свою мысль, – проси совета у того, кто умеет одерживать победы над самим собою. Как это верно.

Цезаре ходил по комнате из одного конца в другой. Он пребывал в расстроенных чувствах, тяжело дышал, желваки бегали на лице, указывая внутренне напряжение.

Пауло понял, – ему нанесено оскорбление, и он не может справиться с этим.

– Никогда не забуду слова мною уважаемого и почитаемого Николо Паганини: «Способным завидуют, талантливым вредят, гениальным – мстят». Или: «Талант не любят, а гения ненавидят». Как сказано, а! Что скажешь?

– А чему Вы собственно удивляетесь, Цезаре. Надо знать почерк великого маэстро Паганини, – ответил Пауло.

И снова в пути

– Я мечтаю написать о человеке, перед которым преклоняюсь с детства, – сказал, между слов, Цезаре.

– О ком это? – спросил Пауло.

– Как ты не знаешь, кому я поклоняюсь с детства? – удивился Цезаре.

– Как мне не знать. Конечно, знаю. Вы хотите посвятить свои труды

величайшему мыслителю – Леонардо да Винчи. –

Подумалось, возможно, я кого-то пропустил по невниманию, – засомневался Пауло.

– Нет, дружище, ты ничего не пропустил. Ты абсолютно прав. Ему, ему самому я жажду посвятить свои силы, время и душевные порывы. Но вот что интересно. Ты не поверишь, я волнуюсь, как влюблённый юноша. Такой душевный трепет охватил меня. Ты понимаешь меня?

– Понимаю, – ответил Пауло.

– Но, что-то останавливает, сомнения не дают покоя и я никак не могу решиться, – жаловался Цезаре.

– Что так? Откуда такая нерешительность, неуверенность в своих силах, Цезаре? Я Вас не узнаю. Из-под Вашего пера вышло столько увлекательных произведений. Их с удовольствием и интересом читают во всей Европе. Ваше имя

стало нарицательным. Вас любят, ценят, почитают. Вы – выдающийся биограф, писатель. Думаю, Цезаре, Вы устали и немного кокетничаете. А? Признайтесь. Мне можно, я никому не открою этой тайны, – проговорил Пауло таинственно и, не успев до конца выговорить этой фразы, заразительно засмеялся.

Цезаре смотрел на него, не совсем понимая причины его смеха, а затем, «заразившись» и сам захохотал.

– Не стоит сгущать краски, – посоветовал Пауло.

– Отбросьте всё, что Вам мешает, – убеждал он, остановившись, промокая влажное лицо.

– Как ты не понимаешь. Для того чтобы постичь Леонардо, стало быть, позволить себе взяться за описание его жизненного пути, мне самому нужно быть учёным. Правда, некоторые считают, что он только художник. Ничего подобного. Это не так. Леонардо – гений!

Ему было доступно всё. Его мозг творил во всех областях, он работал, опережая своё время. Леонардо мыслил на века вперёд. Уникальность неограниченных возможностей его мозга ещё предстоит учёным мужам изучить.

Для того чтобы описать всё это на должном уровне, я сам обязан иметь представление обо всём. Да, да, именно обязан хорошо разбираться и ориентироваться в тех или иных областях. А я, как оказалось, недостаточно подкован. Вот и пасую, – разложил по полочкам Цезаре, делясь своими тревогами, сомнениями и умозаключениями.

Цезаре углубился в свои мысли и молча смотрел на бегущие мимо дороги и лесополосу.

– Ну, ничего, всему своё время, – заключил он. – Подоспеет момент, и я займусь вплотную этим материалом. Всё оставлю, отложу в сторону. Буду работать только в этом направлении. Мечтаю написать исследовательский труд – трактат. Одним биографическим буклетом здесь не обойтись. В этом и заключается моя задача.

– Так это же намного труднее! – прокомментировал Пауло.

–Согласен. Это не романы писать. Ой, боюсь, Цезаре, придётся нам поселиться в архиве Леонардо, – съехидничал он.

В одно мгновение улыбка сошла с лица Пауло, и он заговорил серьёзно.

– Не могу не сказать. Меня просто распирает. Я восхищаюсь Вами. Вы такой целеустремлённый человек. Личность с большой буквы. И всегда знаете, чего хотите. Да нам, «маленьким», сложно постичь взгляды и деяния такого масштаба. Я обыкновенный смертный, поэтому никогда не ставлю перед собой глобальных задач. Наверное, поэтому и прожил без треволнений и крупных разочарований. Знаете, как люди говорят, – все живы, здоровы и, слава Богу, – приземлял Пауло своего господина.

– Это всё потому, что тебе ещё в отрочестве обрезали «крылья», – неожиданно заключил Цезаре.

Пауло посмотрел на него. В его глазах застыл знак вопро-

са.

– Ну и что же, что пропал голос? – говорил Цезаре, не замечая его взгляда. – Есть тысячи других специализаций в музыке, и ты бы преуспел, вне всяких сомнений, если бы тебя продолжали обучать и нацелили на это. А так тебя отдали служить, проще простого и на этом для тебя всё закончилось, – пояснил Цезаре свою точку зрения.

– Возможно, Вы и правы, мой друг. Но, в таком случае, я бы не повстречался с Вами. И наверняка был бы одинок в том мире. А так у меня есть Вы – мой единственный друг, Ваши труды, Ваша жизнь, Ваша атмосфера и вот, что я скажу Вам прямо. Я счастлив служить Вам, и делить с Вами Ваши переживания. Скажу Вам больше, я ни в коем разе не считаю себя обделённым. Вовсе нет. Мне хорошо с Вами. Ухаживая за Вами, я помогаю человечеству. Вы – одарённейший человек. В своих трудах Вы несёте людям знания, добро, свет, надежду и, конечно же, любовь. Стало быть, я причастен к этому. Осознавая это, мне радостно, – произнёс Пауло, не прерываясь, вкладывая глубокий смысл в каждое, сказанное им, слово.

–Спасибо, дружище, – отозвался Цезаре.

–Мне тоже хорошо, комфортно, когда ты рядом, – произнёс он сдержанно.

Пауло заварил ароматный травяной чай. Вытащил из «закромов» апельсиновое варенье, которое синьора Мария приготовила им в дорогу. И они, завершив беседу, плавно пе-

решили к трапезе. Каждый думал о своём, с удовлетворением признавая, что жизнь всё-таки, прекрасна! И как замечательно, когда рядом есть близкий друг.

А за окном кареты злилась непогода. Ветер стучал в окна. Дождь бил в стёкла, поливая бесконечно струящимся водопадом. Сырость просочилась в карету.

Цезаре пил чай, укрывшись пледом. Наконец, согрешившись, он отложил в сторону свои дневниковые записи и сладко уснул. У него на душе воцарился мир и покой.

Свидание в беседке под виноградными гроздьями

Рауль Дель Монти прислал Шурочке письмо, в котором просил её уделить ему несколько минут перед отъездом по делам службы.

Она поняла, предстоит разговор, который решит участь их отношений и её, Шурочкиной, судьбы. Она была готова к этому, и всё же сердечко дрожало, как осиновый листок на ветру.

После обеда Шурочка побежала в беседку под виноградными гроздьями.

В этой день она выглядела безупречно. На ней было лёгкое платье в нежно голубых тонах, с кокеткой под грудью, что очень ей шло. Платье придавало Шурочкиному облику женственность и романтичность. Шляпка, с цветами в тон платью, на широких лентах. Они соединяли края шляпки под подбородком, вывязываясь в бант. Законченность форм во

внешнем виде подчёркивало её внутренне состояние. Шурочка была само очарование.

Идя вприпрыжку по аллее, она издали заметила худощавую высокую фигуру Рауля, отмерявшего беседку из одного конца в другой.

Шурочка подумала:

– Волнуется.

Она и сама волновалась, её сердечко билось сильнее прежнего и рвалось наружу, как птица в клетке.

– Добрый день, синьор Дель Монти, – неслышно входя в беседку, поздоровалась Шурочка, не выдавая своих чувств.

Рауль, услышав её голосок, резко повернулся, опустился перед ней на колени и припал губами к её руке.

– Алессандра, единственная моя. Я так ждал Вас. Вы смысл всей моей жизни. Я люблю Вас, страстно, всей душой, – с места в карьер вымолвил Рауль на одном дыхании. – Я дышу Вами. Без Вас моя жизнь потеряла смысл, – вымолвил он, глядя ей в глаза. Мягкие обертоны его голоса были созвучны переливам виолончели. А Шурочке казалось, что его слова гремят в небесах фанфарами.

Рауль посмотрел на Шурочку глубоким продолжительным взглядом и сказал то, ради чего пришёл:

– Я люблю Вас! Будьте моей женой, – он повторил эти слова несколько раз, держа Шурочкины ладошки в своих больших руках. – Прошу Вас, выслушайте меня. Да, я старше Вас, но, с того самого дня, как увидел Вас на балу, помолодел лет

на двадцать. Прошу Вас, станьте моей женой, – рефреном повторил он. – Дороже Вас нет никого на свете. Я дышу Вами. Друг мой, прошу Вас, составьте моё счастье, – завершил Рауль свою прочувствованную речь.

– Хорошо, я согласна, – не томя и не испытывая Рауля, тихо ответила Шурочка, тщательно скрывая своё волнение. Она ожидала его признания, поэтому и ответ был готов.

Рауль в изумлении умолк, будто его оглушили.

– Что Вы сказали? Или мне послышалось? Так Вы согласны?! – встрепенулся он, не веря своим ушам, вскакивая с колена.

– Да. Я буду Вашей женой, – спокойно повторила Шурочка. -

Я тоже полюбила Вас, – ощущая неловкость, смущаясь, призналась она.

– О, как я счастлив! Витория! Витория! – выкрикнул он по-итальянски. – Вы спасли мне жизнь. О, счастье! Мама мия, – зашумел Рауль, как мальчишка, подхватил Шурочку на руки и стал кружиться с ней прямо в беседке.

А вокруг...

Пели птицы, перелетая с ветки на ветку, спелые гроздья винограда свисали, просясь в рот. Всё в природе ликовало, воспевая гимн радости Шурочки и Рауля.

– Сегодня же я поговорю с Вашим батюшкой, – сказал он, бережно опуская Шурочку на пол. – Теперь наша судьба в его руках, – констатировал Рауль, с трепетом, с упоением глядя

на Шурочку.

А она, ощущая на себе этот горячий, манящий взгляд, увела глаза в сторону.

– Значит, подождём решения папеньки, – ответила Шурочка, сдержанно.

– Повинуюсь, моё сокровище, – произнёс Рауль возвышенно, не выпуская Шурочку из своих рук.

Превратности судьбы

Графиня Ольга Николаевна Дорошева, знакомая княгини Осиповой, переживала драматичный период в своей жизни. Она утратила интерес к житейским забавам, к мимолётным флиртам, светским сплетням. Ольга Николаевна не так давно овдовела, мало выезжала в свет, практически ни с кем не поддерживала приятельских отношений. Единственно кого она любила, и о ком болело её сердце – незамужняя дочь. Устроить наилучшим образом судьбу дочери было наиглавнейшим в её жизни.

На балу у князей Осиповых Ольга Николаевна познакомилась с Раулем Дель Монти. Графиня за столом сидела недалеко от него. Она сразу его заметила. Он произвёл на неё хорошее впечатление, и графиня решила, что это именно та партия, как принято было говорить в её окружении, о которой она долгими вечерами мечтала для своей дочери.

После бала графиня предприняла массу усилий, чтобы расположить Рауля, исчерпав весь арсенал. А все уловки так

и остались без его внимания. Ольга Николаевна надоедала Раулю Дель Монти своими бесконечными записками, приглашениями, визитами. Он тактично, умело отклонял её знаки внимания, корректно намекая ей, что занят. Всегда был учтив, сохраняя спокойствие и выдержку. Её «ухаживания», навязчивое до тошноты поведение, вызывало у дам улыбку, у незамужних девиц – смех, у отцов семейств – раздражение и отрыжку желчью. Но Ольга Николаевна ничего не замечала или не подавала вида. У неё была цель – пристроить засидевшуюся в старых девах дочь, и она закрывала на всё глаза. Как говорится, лишь бы достичь желаемой цели.

Она и раньше завидовала сложившейся жизни княгини Осиповой. А когда узнала, что Рауль Дель Монти воспылал страстью к дочери княгини, сватался к ней, намерен жениться, в одночасье возненавидела Шурочку, которой восторгалась и симпатизировала.

Этот факт рушил её планы. И графиня стала помышлять о том, как помешать свадьбе Шурочке и Рауля, в худшем случае, устранить «объект», ставший на пути у её дочери. Безусловно, все мечтания Ольги Николаевны были результатом болезненного воображения, однако ей они казались вполне состоятельными.

Неприятный разговор

Рауль приехал к Осиповым и более часа беседовал с князем в его кабинете. Князь занял определённую позицию и

был непреклонен.

– Серж, я не узнаю Вас, – воскликнул Рауль. –

Что с Вами? Нас столько связывает. Мы с Вами были друзьями, – недоумевал Рауль Дель Монти, обращаясь к князю Осипову, желая вызвать в нём расположение.

– Моё отношение к Вам не изменилось, – блекло ответил князь. Но к делу это не относится. При всём уважении к Вам, я не позволю своей дочери выйти за Вас замуж. Посмотрите на себя, Вы немногим моложе меня... – кипел князь. –

Позвольте мне не утруждать себя сложными объяснениями. Это излишне, на мой взгляд. Считаю продолжение этого разговора бессмысленным и бесполезным, – категорично заявил Сергей Константинович и указал Раулю на дверь.

Рауль не ожидал ничего подобного со стороны князя Осипова, поэтому был обескуражен его поведением. Ему ничего не оставалось, как откланяться и покинуть кабинет князя. Он уехал разочарованный, в расстроенных чувствах и Шурочке не сообщил о решении отца.

– Значит, отказ, – думал он, сидя в карете.

Спустя время, Рауль написал Шурочке письмо, в котором изложил свою беседу с князем. В письме он утешал Шурочку, уверяя, что выход они обязательно найдут.

Вскоре он получил перевод и уехал.

Испытание разлукой

Прошёл год.

Рауль Дель Монти не приезжал в Россию. Он по делам службы находился в Бельгии. Несмотря на это Шурочку он помнил и любил. Его отношение к ней нисколько не изменилось. Намерения остались прежними. Шурочка и Рауль переписывались. Она с нетерпением ожидала его возвращения. В каждом письме он заверял её: «Потерпи, моя родная. При первой же возможности я приеду и заберу тебя».

Она верила и ждала. Её пытались сватать, но она и слышать не хотела.

Зло ходит рядом

На Рождество в доме Осиповых царило оживление. Шурочка с Мари закрылись в комнате и отдались мечтаниям. Слуги занимались подготовкой праздника. Княгиня подбирала себе туалет. Князь занимался своими делами в кабинете, дожидаясь, когда его позовут к вечерней праздничной трапезе.

Зазвонил в прихожей звоночек. Шурочка встрепенулась, вытянулась в струночку, ничего не говоря, побежала открывать.

С улицы доносился шум ряженых.

– Ура, ряженые приехали, – воскликнула Шурочка, летя вниз по мраморной лестнице. Мари побежала за ней.

Шурочка открыла тяжёлую входную дверь, и толпа ряженых ввалилась на порог дома, внося за собой морозный воз-

дух. А на рождественской метле влетел и снежок. Ряженные пели, колядовали, трясли мешками, предназначенными для гостинцев, в надежде на щедрость хозяев дома.

Один ряженный, с надетой головой коровы, прикрывавшей его лицо, подошёл близко к Шурочке, приоткрывая мешок для подарков. Второй рукой он как-то странно копошился в мешке. Ряженный незаметно вытянул мензурку, закрытую длинной узкой деревянной пробкой. Но, был так нерасторопен, что задел пробкой край мешка. Пробка выпала на пол, мензурка наклонилась и из неё на ковёр вылилась жидкость. Ряженный в панике бросил мензурку на пол, со следами ужаса на лице попятился к открытым дверям и в мгновение ока покинул дом. На ковре образовалась пена, когда она осела и впиталась в ткань ковра, в этом месте появилось выеденное пятно. Яркие ковровые краски исчезли, как и не было.

Два крепких парня, служивших у Осиповых, догнали ряженого. Он бился в конвульсиях. Поневоле выдал, что служит у графини. Она и приказала ему вырядиться в ряженого и плеснуть жидкость в лицо Шурочке.

– Чего вдруг?! Мы с графиней не ссорились, – спросила Шурочка, недоумевая.

– Не имею представления, барышня. Честное слово, – завыл ряженный, дрожа и скрежеща зубами.

– Отпустите его. Бог с ним, – распорядилась Шурочка. – А то не ровен час, того гляди, несчастный умрёт со страха.

– Мари, поднимись в буфетную. Принеси, пожалуйста,

поднос с кренделями, угостим ряженных. Праздник всё же, – попросила Шурочка, не акцентируя внимания на случившемся.

– Ах ты, Боже мой! Двери нараспашку. На дворе мороз! Простудишься, дитяtko, – запричитала подоспевшая Агаша, обращаясь к Шурочке. Она наспех закрывала входную дверь, бурча себе под нос:

– Ишь, как намело. Полным полно снега. Сейчас потаит. Ах ты, Господи. Принесло этих ряженных. Как некстати. Вечерять пора.

Агаша схватила веник и давай быстро отметать к порогу снег, затем приоткрыла дверь и в щёлку за порог выбросила его.

– Зима, а ты раздетая. Не дело это, – приговаривала она, поглядывая на Шурочку.

– Ничего, няня. Мне не холодно, – ответила она няне.

Княгиня Софья Алексеевна, узнав о происшествии, сложив на груди руки, сказала:

– Что это с графиней? У неё жар? Больна! Никак рассудка лишилась. Ой, как неприятно. И после этого, как ей доверять? Напасть какая-то. Невероятно, – не успокаивалась графиня.

– На порог не впущу, пусть так и знает, – отреагировал Сергей Константинович. Что вздумала! Завтра же сообщу в участок.

На утро князь Осипов, как и сказал, поехал в полицейский участок, где изложил всё, что накануне произошло в его доме.

Вскоре у парадных дверей дома графини Дорошевой стоял посыльный с письмом, в котором сообщалось, что её лично и слугу-нарушителя приглашают в участок к десяти часам утра следующего дня.

Графиня проигнорировала повестку:

– Ещё чего захотели, – возмутилась она.

А вместо себя послала слугу и наказала всю вину взять на себя.

– Прикинься дурачком, я дам следователю взятку и тебя вытяну.

При допросе слуга-ряженный не утерпел и открылся, что за жидкостью ездил по указанию графини к её брату.

– Как звать брата графини? – спросил следователь.

– Дмитрий Николаевич, – ответил ряженный.

– Где он служит? – продолжал допрашивать следователь.

– Не знаю, как сказать. Он был в белом халате и все вокруг тоже.

В кабинете на полках одни пробирки.

– В больнице?

– Нет, не в больнице, точно знаю, господин следователь.

Если позволите, я укажу, где находится. Объяснить не возьмусь, – сбивчиво предложил ряженный.

Следователь поднялся со стула, прошёл к двери, открыл

её и приказал кому-то:

– Войди.

Невысокого роста, приземистый, полный человек, с широким красным лицом и плешью на затылке, крадучись вошёл кабинет.

– Поедешь с ним, запомнишь адрес, расспросишь там о графе Дмитрие Николаевиче, – приказал следователь.

– Будет сделано, – с лакейским пристрастием произнёс человек, протирая полотняным платком пот с плечи.

Спустя время он вернулся. Продиктовал следователю адрес.

– А кем он там служит? – спросил следователь.

– Похоже, учёный человек, – неуверенно ответил плешивый.

– Так, понятно.

Свезёшь ему повестку.

– Не извольте беспокоиться, свезу.

На допросе брат графини, граф Дмитрий Николаевич, показал:

– В пробирке, которую я передал слуге сестры, была кислота. Сестра попросила для хозяйственных нужд. Вот я и отлил ей немного.

А что, собственно, случилось? – не понимал он.

– Вашей кислотой хотели изуродовать княжну Александру Сергеевну Осипову не далее как вчера вечером. Ваша

сестра, Ольга Николаевна Дорошева, для этой цели послала к Осиповым своего слугу, переодевшегося в ряженого. Нынче он нам всё обстоятельно рассказал.

Граф испугался.

– Что это Вы такое говорите? С чего бы это Ольге Николаевне понадобилось такое устраивать? Вы забываетесь, – возмутился граф.

– Вот это нам и предстоит тщательнейшим образом выяснить, любезнейший граф, – ответил следователь.

Вы учёный и, прежде чем давать кислоту, должны были выяснить, для каких именно целей она понадобилась Вашей сестре.

Граф сидел, как в воду опущенный, не зная, что и ответить на это заявление.

Тайное венчание

– Шура, что ты сегодня какая-то неприкаянная? – спросила княгиня, увидев, как Шурочка мечется из стороны в сторону.

Софья Алексеевна, сидя с няней и с Мари на веранде наблюдала за вареньем. Они успевали разговаривать, а няня, тем временем, варила варенье.

– Я гуляю, маменька, – коротко ответила Шурочка, а сама выжидала, чтобы улучшить момент, запрыгнуть в карету и понесть навстречу к Раулю. Он прислал ей письмецо, в котором оповестил, что договорился со священником об их вен-

чании в часовне. Венчание назначено на два часа пополудни.

В этой самой часовне Рауль впервые назначил Шурочке свидание, когда их роман только зарождался.

Помехой являлся Сергей Константинович, который должен был уехать по делам. А он, как назло, задерживался дома и не торопился с отъездом. Шурочка нервничала.

Наконец, отец отдал распоряжения слугам, спустился вниз. Во дворе у подъезда его ожидала карета. Князь, увидев дочь, подошёл к ней.

– Как себя чувствуешь, дитя моё? Ты здорова? Что-то ты сегодня бледна, – сказал он, посмотрев на дочь добрым отеческим взглядом. – Такой чудный солнечный день. Жаль, лето на исходе.

Князь поцеловал Шурочку в лоб.

– Здорова, папенька, – ответила Шурочка, не встречаясь с отцом взглядом.

Князь сел в карету и уехал.

Шурочка не спускала глаз с отъезжающей кареты. И когда та скрылась за поворотом, Шурочка подбежала к кучеру и сказала голосом заговорщика:

– Цыбулька, снаряжай карету, поедем прогуляться.

– Далеко, Александра Сергеевна? – полюбопытствовал кучер.

– Не очень, – без особого желания ответила Шурочка. – Я укажу тебе, где остановиться.

– Слушаюсь, барышня. Как скажете, – ответил кучер, уса-

живаясь на облучке, беспрекословно выполняя просьбу господжи.

Шурочка нырнула в карету и скомандовала:

– Ну, а теперь, полетели и быстрее птицы.

– Шура, ты куда собралась? – настороженно спросила княгиня, увидев, как Шурочка садится в карету.

– Хочу прогуляться, – сказала Шурочка.

– В карете? – не унималась княгиня, приподнимаясь со стула.

– Покатаюсь немного и вернусь, – ответила Шурочка матери.

– Куда это она направилась? – встревожилась княгиня Софья Алексеевна, спрашивая у Мари.

Мари пожала плечами.

– Думается мне, мон шер, зря Сергей Константинович отказал синьору Дель Монти, – задумавшись, произнесла княгиня.

– Вы думаете, она к нему на свидание поехала? – испуганно спросила Мари.

– Не знаю, не знаю. Но всё это мне очень не нравится. И как-то тревожно на сердце. Шура сегодня, сама на себя не похожа. Уж половины дня, как не было, а она словечка не обронила, всё ходила, ходила, задумчивая такая.

– Отчаялась она, вот и не делится ни с кем, даже со мною. Когда такое было?! – с досадой в голосе, произнесла Мари.

– Вот и я об этом же толкую. Какая-то она сама не своя, –

повторила княгиня. – Хоть бы не стряслось чего... – вздыхая, произнесла Софья Алексеевна. Она была озадачена любовными переживаниями дочери.

– Будет Вам беду насылать, – вступила в разговор няня. Тоскует дитяtko, вот и мечется, бедняжка, из угла в угол, – пояснила Агаша.

Ещё издали Шурочка заметила, что Рауля у часовни нет. – Дела задержали, – подумала она.

Кучер подъехал к часовне, Шурочка попросила его остановиться. Вышла из кареты, направилась в часовню, подошла к священнику и спросила:

– Здравствуйте, батюшка! А где же мой жених?

– Не знаю, Александра Сергеевна. Задерживается, видать. Подождём, – ответил ей священник и добавил, – к венчанию всё готово.

Шурочка посмотрела на него и тяжело вздохнула. Она прождала Рауля более двух часов, но так и не дождалась. Жених не приехал.

Поднялся ветер. Начался дождь. Он усиливался с каждой минутой.

– Не приедут уже, – священник подвёл черту ожидания, – не печалься, дитя мое, на всё воля Божья...

Шурочка посмотрела на удаляющегося священника. Рыдания рвались наружу. Всё в её хрупком тельце не соглаша-

лось с тем, что произошло.

– Как же так? – вопрошала она в пустом помещении.

Её душа, как истерзанная птица, желала вырваться из клетки и во что бы то ни стало полететь к суженому, непременно узнать, что стряслось? Она понимала, произошло что-то из ряда вон выходящее, но причина затаилась, пряталась от неё и она терялась в догадках. Страшные мысли посетили её, загоняя в угол, просверливали голову и не отступали.

– Рауль всегда такой исполнительный, пунктуальный, а тут даже весточки не прислал. В такой день! – думала она. – Нет, что-то не так, – повторяла она.

В подавленном состоянии Шурочка вернулась домой, ни с кем не разговаривая, поднялась к себе.

А ночью у Шурочки случился нервный срыв. Она рыдала без остановки. Её стенания разнеслись по всему дому и были слышны во дворе.

– Пошлите за доктором! Срочно! – приказала княгиня горничной, наспех набрасывая пеньюар на ночную рубашку.

– Слушаюсь, – ответила горничная и побежала выполнять.

К приезду доктора у Шурочки наступило полное торможение. Она не реагировала ни на кого. Её взгляд устремился в одну точку и застыл там.

Доктор, осмотрев больную, резюмировал:

– Нервы, знаете. Должно быть, потрясение.

– Это надолго? – спросила княгиня, озадаченно.

– Не могу знать. Всё зависит от силы воздействия. Хорошо бы узнать причину, которая повлекла за собой такие последствия. Назначу лечение. А там посмотрим.

Доктор прописал микстуры, разъяснил, как давать больной, а после добавил:

– И, пожалуйста, полный покой!!! Выводите её на свежий воздух и старайтесь отвлекать от нежелательных эмоций и от ненужных раздражителей, разумеется, – акцентируя, произнёс он последние слова.

Теперь будем уповать на время, – сказал доктор и ушёл.

Неожиданное обстоятельство

Накануне венчания Рауль ездил по неотложным делам. Он отпустил карету, а сам пешком пошёл в торговые ряды. Рауль искал Шурочке подарки. Он хотел купить что-нибудь необычное, что запомнится ей на всю жизнь. Возвращался поздно, как назло кареты не было, и Рауль попал под проливной дождь. К ночи у него открылся сильный жар.

– Ай, барин, барин. Вы, как маленький. Знаете, что Вам нужно поберечься, а забываете, – бранился слуга.

Дело в том, что в юности Рауль застудил лёгкие, и простужаться ему категорически воспрещалось.

Компрессы, настои, отвары, – ничего не помогло, температура предательски ползла вверх, и у Рауля начался бред.

Слуга послал за доктором, который служил у Рауля и всегда сопровождал его в командировках.

Рауль горел неделю. К утру восьмого дня температура снизилась, а к обеду нормализовалась. Он открыл глаза и спросил:

– Где я?

– Синьор, как я рад, что Вы пришли в себя. Признаюсь, уже не чаял, что только не делал. Как я рад, – докладывал доктор.

Рауль огляделся по сторонам, посмотрел на слугу и спросил:

– Какой сегодня день?

– Пятница, синьор, – ответил слуга.

Немного поразмыслив, Рауль опять спросил:

– А какое число?

– 28-ое августа, лето на исходе. Да и воздух осенний. Климат здешний суровый вреден Вам. Я предупреждал. А Вы не послушались, – сетовал слуга, тараторя. – У нас в Италии гораздо теплее. То, что Вам и требуется. Пора домой, – настаивал он господина. Вспомнив вопрос Рауля, он спросил:

– А что случилось, синьор? Почему Вы спрашиваете? И тут же с тревогой обратился к доктору:

– Он опять бредит?!

– Не думаю, – ответил доктор, нагнулся над постелью больного, приложил к груди деревянную трубочку и стал внимательно слушать.

Рауль немного приподнялся на локтях и спросил у доктора:

– Бартоло, и как долго я болею?

– Неделю, синьор, – ответил доктор, перенося трубку с одного места в другое.

Рауль заныл:

–Что я наделал?! Она там ждала и ничего не знала. Господи... что я наделал?!

– Синьор, попрошу Вас успокоиться, в противном случае я поднимаюсь и ухожу к себе. Я не могу гарантировать Вам выздоровление, – доктор брал на испуг, зная характер Рауля. -

Прежде всего, Вы сейчас попьёте горячее молоко со свиным жиром, я разотру Вас, а потом расскажете нам, что стряслось. Обещаю, я постараюсь Вам помочь. Всё, что будет в моих силах, – заверил доктор Рауля в своих благих намерениях.

Рауль послушался, лёг, выполнил назначение доктора и рассказал ему подробно о своей любви к Шурочке и о тайном венчании с ней.

– Да... – скажу я Вам, – протянул доктор. – Ну и дела. Учудили Вы, друг мой. Девушка, наверняка там волнуется. Надо её оповестить.

– Бартоло, дружище, поезжай к ней. Объясни всё, успокой. Умоляю тебя, – попросил Рауль.

– Хорошо, синьор. Я поеду. Черкните маленькую записочку. Если любит – поймёт. И никаких треволнений, иначе переведу на казарменный режим, – пригрозил доктор.

Рауль с трудом нацарапал несколько строк и добавил:

– Остальное на словах передашь.

– Выполню, синьор. Не извольте беспокоиться. Она понимает итальянскую речь? – спросил он, надевая крылатку.

– Да, немного говорит, пишет, читает, – сказал Рауль.

– Очень хорошо. Прямо сейчас и поеду.

– Вели закладывать, – приказал он слуге.

– Слушаюсь, – ответил слуга и удалился.

Болезнь

Шурочка все дни проводила в постели, лишь изредка поднималась по надобности. Ни с кем не общалась. На вопросы не отвечала. Почти не ела. Она ушла в себя, отгородилась от всех, кто её окружал. Княгиня делала попытки выведать у неё правду, но Шурочка замкнулась в себе и не проронила ни слова.

Время от времени она возвращалась туда, в тот день, мысленно подходила к часовне, глазами искала Рауля... и опять начинала плакать. Одна навязчивая мысль не давала ей покоя:

– Неужели он забыл меня? Значит, я больше не нужна ему? Он больше меня не любит. Ответа она не находила.

За ней неустанно наблюдали. Все в доме разговаривали тихо, иногда шёпотом и всё время прислушивались, как там за дверью Шурочкиной комнаты. Ей тут же приносили и давали выпить успокоительную микстуру, вскоре она переста-

вала плакать, продолжая всхлипывать, потом утихала и засыпала.

Прошла неделя с того дня, как Шурочка заболела.

– Сударыня, Вас там спрашивают, – доложила служанка княгине Софье Алексеевне.

– Кто? – спросила удивлённо княгиня, снимая пенсне. Служанка застала её за чтением письма от снохи.

– Не имею представления. Он не назвался. Серьёзный господин, правда, разговор у него какой-то странный, не здешний, – объяснила служанка.

– Где ты его оставила? – переспросила княгиня.

– В гостиной, – ответила служанка.

Растревоженная Софья Алексеевна сняла пенсне, поднялась с кресла и быстро направилась к неожиданному гостю.

– Добрый день, – поздоровалась княгиня, входя в гостиную, всматриваясь в лицо незнакомца. – Вы ко мне? – спросила она.

– Здравствуйте, сударыня, – поздоровался доктор. – Я Бартоло Версаче – домашний доктор синьора Рауля Дель Монти.

Доктор подошёл к княгине и поцеловал ей руку.

– Как здоровье синьора Дель Монти? – спросила княгиня для приличия.

– Он серьёзно болен, – коротко ответил доктор. И, не дав княгине произнести ни слова, доктор продолжил свою миссию:

– Княгиня, я приехал к Вам для конфиденциальной беседы. Как у вас говорят, переговорить с глазу на глаз, – сказал он, улыбаясь. При этом он резко приглушил голос, поясняя жестом, – желательно, чтобы никто не мешал и не слышал нашего разговора.

Софья Алексеевна поняла его намёк.

– Прошу Вас, – пригласила она доктора к себе.

Сергея Константиновича не было дома и они в спокойной обстановке побеседовали.

Доктор рассказал княгине во всех подробностях, что его привело к ней, и подробно пояснил суть дела.

– Но чем собственно я могу помочь? Чего Вы хотите от меня? – вспыхнула Софья Алексеевна, не повышая голоса. –

Как Вы понимаете, я желаю своей дочери счастья. Синьор Рауль вызывает у меня чувство уважения. И лично я не стала бы становиться на пути у своей дочери. Но князь категорически против. Он понимает, что, выйдя замуж за синьора Дель Монти, Шурочка поедет за ним. А Сергей Константинович не мыслит жизни без неё. Разлука убьёт его. При всём уважении к синьору Раулю и желании помочь моей дочери, я ничего не могу изменить. Надеюсь, Вы меня понимаете? – спросила княгиня, рассчитывая на солидарность и дружеское участие.

Доктор, одобряя позицию княгини, кивнул головой в знак согласия.

– Вы знаете, что Шура очень больна? – спросила княгиня

доктора.

– Нет, сударыня. Я не в курсе. Как видите и ей плохо без Рауля. Поймите, они любят друг друга. Зачем же им мешать? – доктор старался убедить княгиню.

– И что же мне прикажете делать? – резко спросила она. – Позволить Шуре бежать без отцовского благословения? – княгиня повысила голос. Доктор понял, что пора уходить.

– Сударыня, я полагаю, пока наши влюблённые не обретут силы, этот разговор бесполезен. Об одном прошу, передайте, пожалуйста, Вашей дочери вот эту крохотную записочку, – доктор достал из внутреннего кармана свёрнутый листик, продолжая добросовестно выполнять свою миссию:

– Вы увидите, она, прочитав её, выздоровеет. Вы же мать. Помогите своей дочери обрести душевные и физические силы, а там будет видно, – доктор внушал княгине доверие. Да и в логике ему нельзя было отказать.

Княгиня, глядя на него, протянула руку навстречу записке. Доктор передал, откланялся и уехал.

Служанка закрыла за доктором дверь. Княгиня вернулась к себе, быстрым шагом подошла к столику, взяла пенсне и прочила записку. Княгиню потрясло содержание записки Рауля. Нежные, ласковые, трогательные чувства, льющие из сердца Рауля, растрогали её душу, приковали внимание. Софья Алексеевна прониклась, прослезилась. Опустилась в кресло и стала думать, как же ей помочь Шурочке. Не дожидаясь возвращения князя, Софья Алексеевна направилась к

дочери.

Шурочка лежала в постели без движения и смотрела в потолок.

– Шурок, как ты себя сегодня чувствуешь? – спросила княгиня деланно бодрым голосом.

– Без изменений, маменька.

– Шурочка, дитя моё, я бы хотела поговорить с тобой.

– Пожалуйста, маменька, не надо. У меня болит голова. Мне бы не хотелось ни о чём разговаривать, – ответила Шурочка. Она желала остаться одной, поэтому отвернулась от матери.

– Послушай меня, моя дорогая. Я принесла тебе радостную весть. Приезжал доктор от синьора Дель Монти и привёз для тебя записочку. Он тебя любит... – многозначительно произнесла княгиня.

– Любит?! – повторила Шурочка.

Софья Алексеевна не успела договорить до конца, как Шура поднялась на коленки, широко распахнула свои лучезарные глаза, нагнулась к матери и стала её целовать, как прежде.

– Матушка, голубушка, дорогая моя. Я Вам так благодарна. Вы такая умница. Вы даже не знаете, какая Вы, как я Вас люблю! – говорила она, обнимая мать.

– Ожила, моя голубка. Доктор так и сказал. Хорошо, что я его послушала, – сама с собой рассуждала княгиня.

– Маменька, а кто этот доктор и что он Вам сказал? – спро-

сила Шурочка, заметно повеселев.

– Этого доктора прислал синьор Рауль с запиской для тебя. Он мне и сказал, что как только ты узнаешь правду, сразу силы к тебе вернутся, – рассказывала княгиня.

– А где же записка? Давайте и побыстрее, – попросила Шурочка. Ей не терпелось прочитать.

– Вот она, – сказала княгиня, доставая записочку из надёжно укрытого от постороннего глаза закуточка в лифе платья.

– Матушка, что же Вы записочку в декольте спрятали? И так глубоко! А если бы забыли... Она и выпала бы в самый не подходящий момент, – корила Шурочка мать, раскрывая листик.

Шурочка опустила глаза и, буквально, прилипла к почерку Рауля.

«Божество моё! Единственная, драгоценная моя!

Судьбе было угодно испытать нас, наши чувства. Но видит Бог, даже в бреду, я помнил о тебе и любил тебя. Ты навсегда в моём сердце. Самое дорогое, что у меня есть – это ты. Я считаю минуты, когда смогу увидеть тебя и прижать к своей груди.

Как только я обрету силы, мы обвенчается и уедем. Всей душой надеюсь на благосклонность твоего батюшки. Но если нам не суждено соединить наши судьбы с его благословением, мы обвенчается, как сироты. Разлучить нас никто не

в силах.

Я тебя боготворю, моя богиня. Мечтаю о встрече денно и ночью.

Навеки твой, Рауль».

Шурочка читала и плакала от счастья. Её душа трепетала от безграничной радости, которая вливалась в неё жизнь и уверенность в главном – они будут вместе.

– Он меня не забыл. Он меня любит, маменька. И я буду его женой, – произнесла она утвердительно.

– Шурочка, он действительно тебя любит. А как же папенька? – спросила княгиня.

– Маменька, придёт время, и папенька всё поймёт, вот увидите, – сказала Шурочка с надеждой.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, – согласилась Софья Алексеевна. – Но как быть сейчас, до Вашего венчания? Ох, и нелёгкая доля мне досталась. Сергей Константинович ведь и слышать не хочет, – повторила княгиня.

– Ничего, маменька. Надо подождать. Он поймёт. Папенька добр, великодушен, я знаю, – воодушевилась Шурочка.

– Ну, раз так. Душа моя, давай, поднимайся с постели. Скажу Агаше, чтобы принесла тебе порцию каши. Хватит болеть. Ты у нас давеча чуть под венец не пошла. А теперь тебе предстоит уговорить папеньку. Так что нет времени для болезней, – подбадривала княгиня дочь.

– Хорошо маменька. Я постараюсь. Я ещё слаба, но всё же

мне лучше, чем было, – поделилась Шурочка.

– Ну, вот и славно. На воздух, на воздух, дитя моё. Там и силёнки вернутся, – наставляла княгиня дочь.

Мать и дочь ещё долго беседовали, строили планы, мечтали.

Софья Алексеевна взбодрилась, увидев Шурочку в хорошем настроении.

Выбор сделан

Шурочка обвенчалась с Раулем. Князь, под натиском врача, скрепя сердце, дал своё благословение. Она собиралась в дорогу. Настал день прощания.

Вошёл князь. Посмотрел на княгиню, перевёл взгляд на Мари, затем на Шурочку.

– Александра, останься, – приказал отец.

Князь Осипов никогда не называл свою любимую дочь полным именем, для неё у него были припасены всевозможные варианты уменьшительно-ласкательных имён.

Сейчас Сергей Константинович был настроен в боевом духе и не был расположен к ласке.

Шурочка впервые в жизни поступала так, как велело ей её сердце. Она совершенно сознательно шла на открытый конфликт, забывая обо всём и обо всех, кого она так любила и кем так дорожила. В назревшей ситуации она не могла и не хотела поступить иначе. Шурочка безумно любила Рауля Дель Монти, всем сердцем жаждала связать с ним свою

жизнь. И какие-либо помехи не в силах были помешать её решению. Да, впервые в жизни она принимала судьбоносное решение, которое шло в противовес желанию её самых близких. В ней проснулись отцовские гены. И в полной мере проявился характер Сергея Константиновича: его воля, его упорство в достижении цели, и это придавало ей силы.

– Ты слышишь, я требую, я настаиваю, останься! Я не позволю тебе покинуть родительский кров. В конце концов, твой итальянец мог бы жить в России. Здесь, с нами, если ты действительно ему дорога, – пренебрежительно отозвался князь о Рауле и перешёл на личности, чего он себе никогда не позволял.

– Я смирился с твоим выбором, хотя мечтал для тебя о другой партии. Закрыв глаза на то, что он намного тебя старше. Останься, послушай меня, – убеждал и упрашивал отец непослушную дочь.

Окончательно разуверившись в успехе, князь посмотрел на Шурочку свирепо. Таким Сергея Константиновича никто и никогда не видел. У княгини в глазах появился испуг.

– Я прокляну тебя, если ослушаешься, – переходя на крик, выдвинул ультиматум отец.

– Папенька, как же Вы не понимаете? Мой выбор сделан. Я люблю Рауля. Для меня не имеет значения, где жить. Я готова пренебречь даже тем, что мне дорого, только бы он был рядом. Поймите, наконец, это моя судьба и с этим ничего не поделаешь. Вы свидетель, я долго боролась. Видит Бог, я ис-

пытывала себя, но мои чувства к моему избраннику оказались сильнее всего и выше предрассудков. Он – мой суженный. Мне очень больно расставаться с Вами, с матушкой, с Мари, с тётушкой, с братьями, с нашим домом, но я не могу поступить иначе. Я без него умру, – вымолвила Шурочка с надрывом в голосе, с огромным трудом сдерживая слёзы.

– Сергей Константинович, прошу Вас, умоляю, отпустите её. Сжальтесь надо мною. Я этого не перенесу, – взмолилась княгиня Софья Алексеевна.

– Поймите, наконец, – свирепо посмотрел он и на княгиню. – Она – княжна!!! А не девка с постоялого двора, – крикнул князь.

У него вырвалось всё то, что накопилось за долгое время.

После этих слов князь умолк, взглянул на княгиню отстранённо, вышел из комнаты, хлопнув дверью. От этого стука все, кто находился в помещении, вздрогнули и посмотрели друг на друга. Одна лишь Шурочка была спокойна и тверда, как камень.

Любовь превратила её из хрупкого, робкого, изнеженного существа в сильную, стойкую женщину.

Дела земные

У Цезаре выдался относительно свободный день. Он решил посвятить его делам, которые отложил, не доведя до конца, из-за предыдущей поездки.

Нынче он направился к портному. Давненько Цезаре по-

лучил от него весточку, в которой тот сообщал, что костюм готов.

По возвращению домой, Цезаре примерил новый костюм-тройку. Крутился у зеркала, рассматривая себя в нём. Он остался доволен работой портного. Цезаре по складу характера был постоянен даже в таких мелочах. С этим портным он был знаком много лет и делал заказы только у него. Помимо того, что Цезаре ценил профессиональный уровень портного, его опыт, он был связан с ним дружескими узами, личной симпатией.

Цезаре примерял костюм, меняя сорочки, то с жилеткой, то без неё. То с манишкой, для присутственных мест, то без. Для выездов в театр у него был фрак. А Пауло, тут как тут, комментировал, любуясь:

– Синьор, Вы красавец! Настоящий кабальеро! Ни одна дама, не пройдёт мимо Вас. Шучу, шучу, – тут же оговорился Пауло, перехватив на себе взгляд с укором.

– Вот сказал и не подумал, – отреагировал Цезаре.

И, какой я тебе кабальеро?! Твоё желание хвалить меня при каждом удобном случае, перешло все границы. Ты что не видишь разницы?

Я чрезмерно упитанный, а кабальеро подтянут, строен. Издеваешься...

И с чего это ты вдруг стал меня примерять на испанский манер?

После этого вопроса, Цезаре выдержал длинную паузу, а

Пауло боялся раскрыть рот, опасаясь опять сболтнуть что-то не по делу.

У него сегодня не задался день, всё не ладилось. Он пребывал в подавленном состоянии.

Тем временем, Цезаре продолжил свою мысль:

– Хотя и я люблю испанцев за их темперамент и красоту. Однако, благодаря тебе, мой достопочтенный друг, – начал Цезаре с усмешкой, – мой живот вырос выше носа. При этом он направил указательный палец на иллюстрируемый предмет.

Перекривливая Пауло, Цезаре стал перечислять, потешно отбивая реверансы:

– Синьор, извольте откусать рыбки под соусом «Pesto alla Genovese», настоящее объедение! Или, под соусом «Salsa alla Bolognese», пикантейшая штукавина.

Синьор, какой десерт приготовила Ваша супруга, отведайте, пожалуйста. Пальчики оближешь...

Синьор, не желаете кусочек солнечной поленты с сыром горгонзола, что родом из Пьемонте? А, может быть, Вы откажетесь опробовать чудесного сыра «Parmigiano». Ох, как вкусно...

А синьор – болван! – произнёс Цезаре в сердцах, делая акцент на последнем слове, – всё ест да ест. Пухнет и пухнет! А Пауло хоть бы что. Сам вон какой, ни грамма лишнего.

Цезаре бубнил, ругался, что-то доказывал. Он в этой сцене выглядел очень комично.

А Пауло пояснял, периодически хихикая, глядя на Цезаре.

– Так я ж постоянно в движении, оттого и не поправляюсь, а у Вас работа такая. Когда ж Вам двигаться? – поспешно вставил Пауло несколько слов в своё оправдание.

Цезаре, пропуская мимо ушей слова Пауло, продолжил в том же духе:

– Вот уеду от вас на юг. Там жарко, особенно летом. Аппетит быстренько исчезнет, не напоминая о себе. Попью прохладительные ягодные напитки. В них витамины. Между прочим, в которых ты мне отказываешь. Видите ли, чтобы я не простужался, – недовольно припомнил Цезаре дотошному слуге.

– Каждый день буду плавать и оставлю там весь накопленный резерв.

Тебя с собою не возьму. Так и знай, – угрожая, предупредил Цезаре.

– А то ты, где угодно заставишь меня соблюдать режим питания, чередующийся со сном, – продолжал Цезаре с сарказмом. -

Вот тебе и результат, – горячился он.

– Между прочим, эти назначения Вам приписал доктор Бускони, – вставил реплику Пауло.

А Цезаре, опять игнорируя его слова, талдычил своё:

– У меня и без того малоподвижный образ жизни. Благодаря тебе, мой милый Пауло, – ехидничал Цезаре, – ношу на себе такой непосильный груз и видит Бог, наживу себе

подагру, тогда вообще двигаться не смогу, – прогнозировал Цезаре.

– Упаси Вас Бог! Что это Вы такое вздумали? Не следует говорить так. Не гневите Всевышнего. И не накаркайте себе лишних болезней, – причитал Пауло.

Цезаре закончил демонстрировать новый костюм, снял его. И решил сменить гнев на милость.

Он подошёл поближе к Пауло и тот не заметил, как Цезаре пустил в ход свои шутки.

– Синьор, перестаньте, – взмолился Пауло. – Я боюсь щекотки, Вы же знаете. Ой, ой, ой, не надо... ой, не могу, – завопил он.

А Цезаре не унимался.

– Си-и- нь-ор, не надо. Ай, хв-а-тит, – умолял Пауло. – Пожалуйста, прошу Вас, – изворачивался он.

А между тем, музыкальные пальцы Цезаре свободно бегали по его спине, как по клавишам пианино, исполняя технические пассажи в темпе – *prestissimo* (очень быстро).

Пауло стонал, а Цезаре бегал за ним и щекотал, испытывая при этом большущее удовольствие, заливаясь громким задорным смехом.

– Ладно, отпускаю тебя. Садись, переведи дух, поговорим по душам. Помнишь, я тебе рассказывал о моей встрече с датским писателем, поэтом, сказочником. Редчайшее дарование, талантище! Ну, помнишь, с которым мы подружи-

лись?

– Это Вы о синьоре Андерсене, с такой теплотой отзываетесь? – спросил Пауло, попав в точку.

– О нём, дружище. Конечно, о нём. Сегодня получил от него письмо и новое произведение. Так приятно, не забывает старина, – делился Цезаре.

– Синьор, а почему Вы ничего не рассказываете о нём? Мне же интересно, – спросил Пауло.

– Ты прав, уже исправляюсь, – ответил Цезаре.

Ты знаешь, из бесед с ним мне запомнилось, что он родился 2 апреля 1805 года в Оденсе, на острове Фионии. Мы с тобой там ещё не были, но у нас всё впереди, – подметил Цезаре.

– Разумеется, – подтвердил Пауло.

– Представь себе, мой милый, что его отец был бедным сапожником. О матери Ганс умолчал. Я по некоторым намёкам понял, что там произошла какая-то трагедия. Якобы его отец не своей смертью умер.

– Что Вы говорите?! – поразился Пауло.

– Как ты понимаешь, неудобно расспрашивать в таких случаях. Как-никак дела семейные. Да, так вот. После смерти отца, Ганс в четырнадцатилетнем возрасте переехал в Копенгаген. Он очень бедствовал. Совсем мальчик. Не удивительно. Однако ему повезло, он познакомился с профессором консерватории Сибони, который

впоследствии стал его покровителем. Также ему помога-

ли композитор Вейзе, поэт Гольдберг и советник Коллин. В этом было его спасение. При их содействии Ганс поступил в театральное училище, а спустя время, именно эти покровители нашли средства для его дальнейшего образования. Уже в гимназии, своими стихотворениями Андерсен обратил на себя внимание публики. Ещё до поступления в университет он становится известным. В университете он пробует писать сатирические рассказы и усовершенствует свой поэтический стиль. Эти произведения отчасти были написаны в Дании, также и в период его путешествий. Произведения Ганса Христиана регулярно издаются. Их много. Он пишет и драматические произведения, которые идут на сценах театров, также пишет эпические циклы, выдающиеся романы.

– Одарённый человек! – сказал Пауло.

– О его сказках можно говорить бесконечно. Искромётный юмор, детская наивность, доброта. Я бы сказал, они написаны высоким поэтическим стилем. Он дарование – всё раскрылось в его сказках. Я упиваюсь, когда их читаю. Андерсен – мастер! – восторгался Цезаре. – Какую нужно иметь светлую нетронутую душу, чтобы писать для детей? Вспомнишь мои слова, эти произведения войдут в золотой фонд мировой литературы. Они написаны с глубоким чувством, наделены богатейшей фантазией. А сколько в них души! Цезаре говорил, говорил и не мог наговориться.

– Между прочим, дорогой мой соплеменник. У Андерсена есть роман «Импровизатор», который он написал, нахо-

дьясь под сильным впечатлением, вернувшись из Италии. Как видишь, о нём я могу говорить часами, – подытожил свой рассказ Цезаре.

– Синьор, как приятно осознавать, что где-то рядом живут и творят такие даровитые люди, – заключил Пауло.

Италия

Мечты сбываются

Рауль привёз Шурочку в их родовое старинное имение на севере Италии. Здесь он родился, вырос и всегда возвращался сюда после долгих командировок.

На этот раз, возвращаясь с Шурочкой, Рауль продумал всё до мельчайших деталей. Он, ещё находясь в России, выписал повара с русскими корнями, чтобы Шурочка себя комфортнее чувствовала.

А она и не подозревала, что именно здесь её ожидает самый большой сюрприз.

– Дорогая моя! Я хочу тебе показать кое-что. И Рауль поднялся с Шурочкой на второй этаж, подвёл к одной из дверей. Шурочка уронила взгляд на двери и сразу поняла: «За ними живёт сказка!»

Рауль сказал:

– Здесь твой будуар, о котором ты мечтала. Я обставил его по твоему вкусу. Помнишь, как-то гуляя в роще, ты рассказала мне свой дивный сон. За этой дверью его отражение. Всё так, как ты хотела, как мечтала, – повторил он.

Шурочка стояла в изумлении, она была ошеломлена признанием Рауля. Значит, он уже тогда знал, что они будут вместе.

Она посмотрела на своего избранника, приоткрыла тяжёлую дверь, на цыпочках осторожно вошла в комнату, опасаясь спугнуть сон. Огляделась и пришла в полный восторг. Перед её глазами предстал тот дивный сон из далёкого детства.

Маленькая ремарка

Шурочка росла в роскоши и одновременно в строгости. Дети в их доме с раннего возраста заучили – то, что разрешено взрослым, недоступно им.

Это условие было неоспоримо. Именно поэтому Шурочка и восприняла свой дивный сон как сказку.

Она прошлась, ещё раз осмотрелась и убедилась, что перед ней не что иное, как воспроизведение того сна, тех детских грёз, мечтаний. Тогда ей так хотелось мгновенно стать взрослой и обрести всё то, что ей пригрезилось.

Шурочка открыла небольшой саквояж, в который упаковала перед отъездом и привезла с собой маленькие детские радости и кусочек той жизни. Она достала из него старые фотографии, на которых были запечатлены Сергей Константинович и Софья Алексеевна в дни их молодости. В ту пору они ещё не были мужем и женой. Князь только что сде-

лал предложение княгине, и они на память увековечили этот день. Также она захватила фотографии своей бабушки и тётушки Лидии Константиновны – родной сестры её отца, с которой Шурочку помимо родства связывали добрые дружеские отношения.

Она расставила фотографии на полке у зеркала и с облегчением вымолвила:

– Теперь мой сон сбылся. Трудно поверить. И всё благодаря тебе, мой любимый.

Шурочка повернулась. Рауль стоял рядом и трепетал от счастья.

Он сам собственными руками создал для неё это чудо – крошечный уголок её Родины.

А в столовой её ожидал другой сюрприз. Шурочка на какой-то момент потеряла дар речи, когда увидела накрытый сервированный стол, точно также как у них дома. На её глазах внесли супницу и горничная, приоткрывая крышку, из которой потянулся тоненькой соломкой парок, с большим трудом выговорила:

– Синьора, борэщ сь кулэбака...

Перейдя на итальянский язык, она, обращаясь к Раулю, добавила:

– Как заказывали, синьор. Повар учёл все Ваши пожелания.

– Спасибо, Эльда. Я вполне удовлетворён, поблагодарите от моего имени повара. Надеюсь, что синьора Алессандра

тоже будет довольна обедом, – высказал Рауль своё предположение. И как не понять? Ему очень хотелось угодить Шурочке.

– Я уже довольна, всем довольна. Большое спасибо. Так и передайте, пожалуйста, повару, – перехватила эстафету Шурочка, до глубины души растроганная вниманием Рауля.

В тени дубрав,
В тени аллей
Мне не забыть твой образ милый.
С тобой вдвоём, всегда вдвоём
Любимая – любимый.

Эти строки Рауль написал в период их медового месяца.

Романтика на воде

В один из тёплых весенних дней Рауль повёз Шурочку в Венецию. Лошади передвигались довольно быстро, и наши путешественники, проведя время в приятной беседе, добрались до пункта назначения.

Рауль с Шурочкой долго бродили по городу, он знакомил её с историей Венеции, затем предложил покататься на гондоле, проплыть по каналу. Шурочка согласилась. Здесь для неё всё было впервые.

Они спустились в гондолу, присели на сидение. Красивый юный гондольер направил весло в воду, провёл им. На во-

де появилась зыбкая рябь и мелкие волны, а гондола плавно отошла от причала.

Проплывая под мостом, гондольер запел баркаролу.

Берег земли далёкой, в дымке вечерней тает.

В небе луна сияет, спит голубой прибой.

С тобой одной мы вдаль плывём, куда не знаю, я...

А... ах!

Пой волна, свети луна, лети моя ладья.

А... ах!

Пой волна, свети луна, лети моя ладья.

Гондольер пел так проникновенно, выпевая фразы и каждую ноту, в отдельности, где требовалось по смыслу усилить или же выделить значение того или иного слова – звука.

Шурочке показалось:

«Он поёт для меня, вкладывая в исполнение баркаролы свои чувства, свои переживания, свои тревоги, обращённые ко мне, к Шурочке».

От воды потянуло свежестью. Ветерок забирался под сладки платья, под уложенные волосы, раздувая изнутри причёску.

Шурочка прижалась к Раулю. Он посмотрел на неё, быстро снял с себя сюртук и набросил ей на плечи.

– Ты продрогла, дорогая? Тебе холодно? – заволновался он.

– Нет, нет, ничего. Песнь растрогала меня. Её мелодия пронизывает душу. Она заглянула в меня, растревожив. Мне показалось, что переливы воды зашумели, забурлили в моём сердце. Всё во мне встрепенулось. Я сразу и не поняла, что со мной? – эмоционально объясняла она. – Гондольер очень красиво поёт, не правда ли, Рауль? – спросила Шурочка.

– Да, дорогая. Ты абсолютно права. Баркарола, это и есть песнь на воде. В основном они повествуют о любви, замечу, не всегда счастливой. Встречаются среди них грустные, печальные баркаролы. Но ты знаешь, и они очень задушевные. Частенько их сочиняют сами гондольеры. И у наших итальянских композиторов написано много замечательных баркарол. Тебе предстоит всё это услышать самой, моё солнышко, – рассказывал Рауль.

– С удовольствием послушаю их. Спасибо, дорогой. Такая чудесная музыка, я влюбилась в неё, – радостно делилась своими впечатлениями Шурочка.

Рауль, глядя на неё, расцветал. Он дышал ею. Находится рядом с Шурочкой, вдыхать в себя запах её бархатной кожи, согреваться её душевным теплом, вслушиваться в её голос, подобный флейте, – было для него истинным счастьем, на которое он уже и не рассчитывал. Он смотрел на неё глазами преданной собаки.

Тем временем, гондольер запел другую баркаролу:

Море лазурное, душу ласкает,
Ветер баюкает, лодку и нас.
Вечно любимая, вечно красивая,
ты обещала ждать всегда меня.
Вечно желанная, вечно любимая,
ты обещала ждать всегда меня.

Как расставались и как потерялись,
знает лишь море, свидетель луна.
Вечно любимая, вечно красивая
ты обещала ждать, всегда меня.
Вечно желанная, вечно любимая,
ты обещала ждать, всегда меня.

Снова акации, зацветут в мае,
но и на этот раз, не для меня.
Вечно любимая, вечно красивая,
Ты земля моя сирота,
Вечно желанная, вечно любимая,
ты обещала ждать, но не ждала.

– Как грустно. Мы чуть ли не каждый год ездили на юг к тётушке Лидии Константиновне – родной сестре папеньки. И там расцветали акации. У них такой чудный тонкий неповторимый запах. Ни с чем несравнимый.

Эта баркарола вернула меня туда. Напоила прекрасными

моментами. Напомнила золотое время моего детства и юности.

Как это упоительно! – восхищалась Шурочка.

– Ты загрустила, Алессандра? Не надо, друг мой. Придёт время, твой папенька, князь Осипов, успокоится, смирится. Я верю. Мы навестим твоих родных и места столь дорогие твоему сердцу, – внушал и успокаивал Рауль Шурочку.

– Ты думаешь, он когда-нибудь смирится с моим побегом? – спросила Шурочка, глядя в глаза своему избраннику.

– Я очень на это надеюсь, ибо понимаю, что тебе без них и без любимых мест трудно будет, – с надеждой высказался Рауль.

Гондольер, услышав рассказ Шурочки, вступил в разговор:

– Вы правы, синьора. Стихи этой баркаролы написал мой друг. Он родом из России. Из тех мест, которые описаны в баркароле.

– Давно Ваш друг живёт в Италии? – спросила Шурочка заинтересовано.

– Давно, синьора. Думал, привыкнет. А он всё тоскует по родным местам. Это одно из его ностальгических стихотворений. Мне оно очень понравилось, легло на душу, и я сочинил для него музыку. Получилась итальянская баркарола, – рассказывал гондольер. – Вот и Вы взгрустнули. Заговорил я Вас. Буду петь. Это куда приятнее, – завершая диалог, сказал гондольер.

Предсказание, перевернувшее всю жизнь

На причале, откуда ни возьмись, появилась толпа цыган. Одна бойкая шумная цыганка внезапно оторвалась от толпы, подошла к Раулю и Шурочке.

На ней была большая чёрная шаль с длинной бахромой и много разноцветных украшений: бус, браслетов, серьги. Она схватила Шурочку за руку и стала приставать:

– Красавица! Давай на судьбу твою погадаю.

Поначалу Рауль опешил от её наглости и учтиво попросил цыганку:

– Уважаемая, отойдите, пожалуйста, от моей супруги.

– А ты не прогоняй меня. Не прогоняй! Я скажу то, что твоя суженная знать должна. После этих слов цыганка вцепилась глазами в Шурочку и стала прожигать её взглядом.

Шурочка испугалась и отстранилась от неё.

– Так вот, – начала цыганка. – В твоей жизни всё сложится хорошо. Рядом с тобой будет любимый человек. Вы будете жить в полном согласии. Но один факт искалечит вашу жизнь, – она сделала акцент на последних словах.

– Попрошу Вас, милейшая, оставьте мою супругу в покое. В противном случае, я вынужден буду призвать стражей порядка, чтобы они освободили нас от Вашего насильственного вмешательства, – настоятельно требовал Рауль.

– Не кричи! – приказала она. Я же сказала, она должна знать правду, – настаивала цыганка, повышая голос, принуж-

дая их слушать.

– Послушай меня, синьора. У тебя в жизни всё сложится хорошо, – повторила цыганка, приковывая Шурочкино внимание к себе.

Родится у вас мальчик, удачный ребёнок. Его ожидает всемирная слава! Ты знаешь, что это такое? – размахивала руками цыганка.

Шурочка посмотрела на Рауля и улыбнулась. А он, не доверяя цыганке, насторожился и даже в ответ Шурочке не смог улыбнуться. Рауль не знал, как себя вести, что ему предпринять. Ничего хорошего от уличных цыган он не ожидал.

– Но ты этого не увидишь, – громко добавила цыганка. – Потом у вас родится девочка. Она будет болеть, тяжело расти. Ты всё преодолеешь. Когда она вырастет на её пути встанет человек, плохой человек, у которого не сложатся отношения с казённым домом. И он украдёт у вас дочь, – нагнетала обстановку цыганка. -

В конце концов, она погибнет. Тебе не удастся вырвать её из рук смерти, – произнесла цыганка приговор судьбы и в мгновении ока скрылась из вида. В воздухе повисла зловещая пауза и могильная тишина.

После этих слов, Шурочка от сильного испуга упала в обморок. Рауль подхватил её. Вынул из кармана носовой платок, попросил служивого, подбежавшего на помощь, смочить водой. Тот без промедления выполнил. Рауль приложил влажный прохладный платок к вискам и ко лбу Шурочки.

Он смотрел на неё, не отводя глаз.

Шурочка приоткрыла глаза, но взгляд её был мутным, расплывчатым.

– Что это было? – тихо спросила она.

– Ничего, дорогая. Ничего, тебе показалось. Жарко сегодня, очень жарко, вот тебе и стало дурно.

– А цыганка? Она здесь? – опять спросила Шурочка.

– Нет, дорогая. Никакой цыганки нет и никогда не было. Я же говорю, тебе показалось. Это всё результат перегрева. Ты утомилась. Немедленно едем домой. Карета проследует в тени деревьев, там прохлада и ты придёшь в себя. Успокойся, моя единственная.

Рауль стремился отвести удар, ему не удалось. Сейчас он желал сделать всё, чтобы этот страшный эпизод навсегда был забыт Шурочкой.

Благотворительность по наследству

– Пауло, я приготовил поклажу для синьоры Чиары, ты не забыл её уложить в карету? – поинтересовался Цезаре, уже в пути, далеко от дома. Там Мария собрала для её детишек много подарков, в чём они так нуждаются, – пояснил он.

– Не забыл, синьор, – сердито ответил Пауло. – Вы опять собираетесь посетить нищий район? – недовольно спросил Пауло.

– Не нищий, а старый. Научись различать, пожалуйста. Эти люди не виновны в том, что обстоятельства оказались

выше их желаний. Кто им поможет, если не я? – укоризненно спросил Цезаре. -

Признаюсь, я немало обескуражен. Мне непонятен твой вопрос, ещё больше твоё отношение к этим людям. Что это с тобой? – удивлялся Цезаре не свойственной манере поведения слуги.

– Да не жалко мне, совсем не жалко. Помогайте, на здоровье. Только зачем самому туда ехать? Пошлите посыльного. Уверен, они будут безмерно счастливы и благодарны Вам.

В прошлый раз у синьоры Чиары болели дети. И вздумалось же Вам подняться к ним на чердак. Нет, чтобы кто-то спустился и забрал поклажу. Так нет, Вы самый молодой и самый крепкий... – завёлся Пауло, вполоборота. – Ну и что? Кому Вы сделали? Побыли там и заразились. На следующий день жар...

И слегли на постоялом дворе, на целый месяц, шутка ли сказать! – негодовал Пауло. – Я с ног сбился, пока нашёл стоящего лекаря. И кому Вы сделали хорошо? Помню, сколько намучился, пока Вас выходил. А страху какого набрался, – проявлял красноречие Пауло, чтобы убедить Цезаре не повторить старых ошибок.

– Хорошо, хорошо. Убедил. Не буду подниматься, – согласился Цезаре.

– Посмотрим. Знаю я Вас. Сами говорите, а потом, всё равно о себе забудете, – недоверчиво отреагировал Пауло.

– Сказал, не стану подниматься, и покончим на этом, –

раздражённо повторил Цезаре.

Карета продвигалась узенькими улочками в старый забытый Богом и людьми район. Наконец, они въехали в тесный дворик с облущенными потёртыми стенами, покосившимися рамами окон, скрипучей лестницей, практически без перил.

Цезаре вышел из кареты и обратился к Пауло:

– Приготовь поклажу, а я позову синьору Чиару.

Пауло пошёл исполнять. А Цезаре подошёл к лестнице и позвал, что было силы:

– Синьора Чиара. Синьора, Чиара.

На верхнем этаже скрипнула дверь, и на длинном балконе появился кучерявый брюнет – мальчик, лет одиннадцати.

– Мама. Мама. Синьор Цезаре подарки привёз.

На балкон, раскачиваясь «выплыла» очень полная, дородная женщина, в тёмном платье с неглубоким декольте.

– А, синьор Цезаре. Как я рада Вас видеть. Что-то Вы рано, ещё два месяца до рождества, – на весь дворик зашумела она.

– Чиара, я ещё летом собирался навестить Вас, но как-то всё не получалось. Мои рабочие поездки растянулись, и я не уложился в намеченный график. Много дел, – объяснял Цезаре матери девяти детей.

Он частенько им помогал. И не только им. Цезаре не мог жить по-другому. У него это качество было заложено генетически. Кроме этого, он с детства впитал в себя необходимость помогать

малоимущим. Так поступал его отец, его мать.

– Пришли своих старшеньких, пусть они поднимут поклажу в дом. Здесь на всех хватит. Я там и гостинцев детям привёз. И денег тебе на разные нужды положил. А одежды много, раздай соседям, пусть и у них радость будет, – растолковывал Цезаре.

– Ой, спасибо Вам. Как Вы добры. Век помнить и благодарить

буду, – лилейно произнесла Чиара, смягчая свой зычный голос. -

А что сами, не поднимитесь в дом? Угощу Вас нашим сыром с булочкой и чашечкой кофе. Я сыр сама готовлю. Ох, и вкусный получается. Моя детвора его очень любит. Может быть, всё же зайдёте? – уговаривала Чиара гостя.

Цезаре повернул голову, посмотрел на Пауло. Тот от напряжения втянул шею в плечи и своим взглядом показал Цезаре, что не одобряет его слабостей.

– Спасибо, Чиара. Как-нибудь в другой раз. Мы торопимся, – ответил Цезаре.

Пауло вздохнул с облегчением.

– Пойдёмте, синьор. Нам пора, – на всякий случай поторапливал он Цезаре, опасаясь, что тот, по доброте душевной, передумает и поднимется в дом к беднякам.

– Как там твой певец поживает? – между делом, спросил Цезаре, направляясь к карете.

– Ой, синьор, что Вам сказать. Вы не поверите. Ещё гром-

че стал петь. Целыми днями орёт, сил нет, – выразила недовольство Чиара.

– Я переговорю со своим старинным другом, надеюсь, удастся пристроить твоего певца. Ему нужно серьёзно заниматься музыкой. Предоставь это мне. Как вопрос будет улажен, я сообщу тебе, чтобы ты собрала его в дорогу, – предупредил Цезаре.

– Спасибо, синьор. Вы так добры. Век помнить буду, – повторяла она одни и те же слова благодарности. – Вы наш ангел-хранитель, – произнесла Чиара прочувственно.

– Счастливо Вам оставаться, – попрощался Цезаре. Сел в карету и они уехали.

– Синьор, Вы умница. Снимаю шляпу, – воскликнул восторженно Пауло, когда они были далеко от тех мест. – Простите меня, я Вас недооценивал, – сконфуженно проговорил Пауло.

– Ты это о чём? – спросил Цезаре.

– Я понял. Вы, помогая сыну синьоры Чиары, хотите исправить ту несправедливость, которая случилась со мной, тем самым, избежать в дальнейшем неприятных последствий для него. Не так ли? Я прав? – покрасневшись, возбуждённо спросил Пауло.

– Абсолютно, ты угадал, – односложно ответил Цезаре, укладываясь на сиденье. – И ничего особенного в этом не вижу. У мальчика красавец – голос. Великолепный альтино!

Он многого добьётся, если попадёт в хорошие руки. Мы будем в Милане, я поговорю со своим закадычным другом. Он капельмейстер. Надеюсь, поможет. Возьмёт его к себе. Зачем мальчику оставаться в семье? Тянуть жалкое существование. Когда в это же время, он может для себя и для других, заниматься полезным делом.

– Совершенно верно синьор, – воскликнул Пауло. – Но как это благородно с Вашей стороны! Мальчик то чужой. Видимо, ему выпало большее счастье, нежели мне когда-то в далёком детстве, – грустно подметил Пауло.

– По всей вероятности так. Но я хочу, чтобы ты понял меня правильно. Ничего особенного я не предпринимаю. Только то, что должен делать. Не столкнувшись с талантливым ребёнком, я бы и не знал о его существовании. А раз он встретился на моём пути, значит, я являюсь проводником и обязан помочь ему, – завершил Цезаре.

Пауло раскрыл широко глаза. Цезаре совершенно неожиданно отрылся ему с новой незнакомой стороны, и он в изумлении констатировал:

– Цезаре! Мой дорогой Цезаре! Оказывается, прожив вместе с вами длинную жизнь, я Вас совсем не знаю. Вы покорили моё сердце. Я не перестаю Вам удивляться. Вы такой благородный, синьор.

– Ну, ну, не выдумывай, – жестом остановил его Цезаре. – Всё в порядке привычных вещей и не надо преувеличивать. На моём месте, ты бы поступил точно также, – теперь Цезаре

спускал своего старинного друга с небес на землю.

– Спасибо Вам, мой дорогой, за Ваше доверие. Я тронут, – Пауло растрогался, настроился на возвышенно-лирическую волну и никак не мог вернуться в привычное состояние.

Немного придя в себя, Пауло лукаво спросил:

– Цезаре, а это случайно не тот самый друг, который угощал нас вкуснейшим ризотто?

Цезаре посмотрел на него, покачал головой и сказал:

– Пауло, какая у тебя память! Удивительно! Так это же было в дни моей юности, при царе Горохе, – засмеялся Цезаре. – Да, мой дорогой, ты не ошибся, это у него нас так славно потчевали, – подтвердил Цезаре.

– Синьор, чему Вы собственно удивляетесь? Разве Вы не знаете моих кулинарных пристрастий? Благодаря им, я и людей запоминаю, – шутливо ответил Пауло.

– Вот хитрец, – воскликнул Цезаре. – Тоже мне мотивчик придумал.

А ризотто у них в Милане готовят действительно знатное. Ты прав.

– Пауло, ты знаешь, я сейчас пишу трактат об итальянском учёном. Не помню, я тебе рассказывал или нет? – спросил Цезаре, листая свои тетради.

– Нет, синьор, пока нет. Буду рад послушать, – проявил сиюминутную готовность Пауло.

– Так вот, – начал Цезаре, без предисловий. – Сразу пре-

дупреждаю, материала маловато, разбежаться некуда.

Луиджи Гальвани – итальянский анатом и физиолог, один из основателей учения об электричестве, основоположник электрофизиологии. – Совсем немного мне удалось найти, а хотелось бы написать солидный труд, – повторил Цезаре. –

Но я продолжаю поиски. Очень привлекает меня род его занятий. Стремлюсь узнать о его деятельности и о нём самом, как можно больше и глубже, – делился Цезаре.

– Понимаю, синьор. Расскажите, что Вам удалось наскрести, – пошутил Пауло.

– Итак, – произнёс Цезаре. – Опускаю детство, родителей. Так, так, так...

Вот, слушай. Образование Гальвани получил в Болонском университете, там же преподавал медицину. Первые работы Гальвани посвящены сравнительной анатомии. Тебе это о чём-то говорит? – спросил Цезаре по ходу, а сам, не дожидаясь ответа, продолжил:

– В 1771 году он начал опыты по животному электричеству; исследовал способность мышц препарированной лягушки сокращаться под влиянием электрического тока; наблюдал сокращение мышц при соединении их металлом с нервами или спинным мозгом, обратил внимание на то, что мышца сокращается при одновременном прикосновении к ней двух разных металлов.

Ты что-нибудь понимаешь? Или тебе объяснить? – переспросил Цезаре.

– Синьор, дочитайте, пожалуйста, документ до конца. А потом обсудим, – деловито, с пониманием дела, ответил Пауло.

Цезаре посмотрел на Пауло и продолжил читать:

– Эти опыты были правильно объяснены А. Вольта и способствовали изобретению нового источника тока – гальванического элемента. В 1791 году Гальвани опубликовал “Трактат о силах электричества при мышечном движении”.

Теперь слушай внимательно, – скомандовал Цезаре, сфокусировав внимание Пауло на следующих фактах.

– Новыми опытами Гальвани доказал, что мышца лягушки сокращается и без прикосновения к ней металла – в результате непосредственного её соединения с нервом. Исследования Гальвани имели значение для медицинской практики и разработки методов физиологического эксперимента.

– Пока всё, очень мало для серьёзного опуса, понимаю, – подытожил Цезаре без энтузиазма, отложив записи в сторону. Удобно уселся в кресле и сказал, – теперь спрашивай. Что знаю, отвечу.

– Синьор, написано кратко, но доступно для понимания. Знаете, пока Вы читали, я думал. Интересно, а как бы повёл себя человек, если бы на нём провели такие опыты? Там упоминается лягушка, – Пауло повернул разговор в иное русло.

– Должен заметить, мой друг, ты не далёк от истины. Я тоже думал об этом и вот, что я тебе скажу. Придёт такое время, когда таким и другими способами будут проводить

исследования на людях. Это поможет в своевременном и более точном установлении диагноза. Стало быть, люди будут меньше болеть, – заключил Цезаре.

– Поразительно, синьор. Неужели придут такие времена? – недоверчиво спросил Пауло.

– Обязательно придут. Учёные неустанно трудятся в этом направлении. Я знаком со многими из них. Мне думается, человечество ещё недооценило их труды, – подметил прозорливый Цезаре.

Письмо Шурочки

Моя милая Мари!

Спешу сообщить тебе, что у нас всё хорошо. Я беременна. Чувствую себя неплохо. Рауль заботится обо мне, оберегает от всего. Но иногда на меня что-то находит, и я грущу. Тоска вторгается в мой мир, наполняет душу и развеять её или прогнать не удаётся.

Рауль периодически отсутствует по службе. Ты знаешь, когда я остаюсь одна, я веду дневники, пишу стихи. Так я коротаю время.

У меня появились новые знакомые, жёны сослуживцев Рауля. Они по праздникам и летом навещают нас. И неподалёку от нашей усадьбы живут приятные милые люди. Они дружны с Раулем. Когда его нет, они проводят со мной вечера. Вот так и живём.

Да. Совсем забыла написать. Ждём мальчика.

Помнишь, я написала эти строки в пору наших романтических свиданий с Раулем?

«Жаркие речи, сильные страсти,
тайные встречи, дерзкие планы.
Всё это было... детское счастье.
В тени у ручья, мечты до утра
в душе меня».

Обнимаю, твоя Шурочка.

Поездки к тётушке

Шурочка вела переписку со своей тётушкой – княгиней Лидией Константиновной, которая жила на юге России. Ей Шурочка также пересылала письма для матери и для Мари, а тётушка под своим именем отсылала их по назначению. Княгиня Софья Алексеевна была в курсе всех дел. Женщины соблюдали конспирацию, чтобы не волновать Сергея Константиновича.

Дело в том, что после отъезда Шурочки, князь занемог. Он сильно сдал, долго не мог восстановиться. В силу этого обстоятельства, было решено, что с тётушкиной помощью, Мари и маменька получают Шурочкины письма со вторых рук. Шурочка адресовала их княгине Лидии Константиновне, а та знала, что с ними дальше делать. Таким образом

велась их переписка.

С маленьким Цезаре Шурочка приезжала в гости к тётушке. Она навещала её, когда муж отправлялся в командировки в том направлении. Рауль доставлял Шурочку с сыном до места назначения, и уезжал по своим делам. На обратном пути он забирал семью, и они все вместе направлялись в Италию, домой.

Лидия Константиновна заранее сообщала Софье Алексеевне о приезде Шурочки и княгиня в сопровождении Мари приезжала повидаться с дочерью и внуком.

Князь ничего об этом не знал. Княгиня строго в тайне держала от него её встречи с дочерью. Ему она говорила, что едет вместе с Мари на воды.

Письмо Шурочки
Милая Мари!

У нас родилась дочь. Маленький прекрасный цветочек. Я так её и назвала – Фиорелла, это дословный перевод слова «цветочек» на итальянский язык.

Роды были тяжёлые. Девочка родилась слабенькая и болезненная. Рауль выписал специалиста в области детских болезней. Я вся в заботах о дочечке. Устаю, конечно. Но чувства, вызванные появлением на свет моего цветочка, переполняют меня.

Цезаре – хороший добрый послушный мальчик. Радует

нас своими успехами. Рауль по-прежнему добр ко мне.

Наша с Раулем любовь с каждым днём крепнет и становится нежнее. Я счастлива.

Обнимаю, твоя Шурочка.

Миновали годы...

Шурочка в житейской суете, семейных радостях отдалась от того страшного рокового эпизода и забыла о предсказании цыганки.

Лиловый плотный шатёр распостёрся над землёю. Лишь изредка, выплывала полная белёсая луна и вновь пряталась, скрывая своё прямое предназначение. В эту ночь её появление не предвещало покоя. Всё в природе замерло, и не сулило хорошего исхода. Воцарилась глухая тишина. Деревья застыли в напряжённом ожидании.

Зловещее пророчество сбывалось, нанося страшнейший урон, уничтожая налаженную жизнь ни в чём не повинной благороднейшей семьи.

Час пробил... рок настиг свою жертву.

В эту ночь в доме Рауля Дель Монти никто не спал. Фиорелла объявила родным, что уходит навсегда из родительского дома и уезжает со своим знакомым, который оказался контрабандистом.

Родители были поставлены перед фактом. И сколько Шу-

рочка не пыталась её удержать, мотивируя неопровержимыми фактами, доказательствами, ничего не помогало.

Рауль попытался убедить дочь, пустив в ход все аргументы:

– Ты не в себе, Фиорелла. Здравомыслящий человек не поступает таким образом. Ты подумай, и всё хорошенечко взвесь, прежде чем, принимать решение. С кем ты собираешься уезжать? Твой знакомый – преступник. Не ровен час, его схватит полиция. И что ты тогда будешь делать? Он не надёжен.

Ты выросла в благополучном окружении, в богатстве. Ты аристократка, никогда не знала нужды. Как ты думаешь жить?

Его окружение живёт по другим законам. Ты не готова к такой жизни. Сегодня тебе это кажется романтикой, но это далеко не так. Поверь моему опыту. Эти люди скрываются от властей. Они не могут жить открыто. Их жизнь – пытка. Они находятся в постоянном страхе. Ты не сможешь жить в такой обстановке, в таких условиях. Заметь, отношения в их семьях складываются иначе, не так, как у нас. Они не наделены ценностями, которые ты впитала с детства с молоком матери. Порой ситуация поворачивается так, что они вынуждены расставаться, даже с самыми близкими. Ты не понимаешь, на что себя обрекаешь. Подумай хорошо, не торопись. Легко совершить опрометчивый поступок, потом всю жизнь за него расплачиваться, – отец говорил, не останавливаясь,

спокойно, не повышая голоса.

– Прошу Вас, отец, не нужно. Всё решено.

Фиорелла посмотрела на мать и умолкла. Невооружённым глазом не трудно было разглядеть, как её мучили сомнения. Она делала над собой колоссальное усилие, чтобы промолчать о том, о чём хотела сказать. Но, как видно, желание соединить свою жизнь с Энрико (так звали её возлюбленного) было столь велико, что она не пощадила никого и бросила в лицо родным и их обществу вызов и свой укор. Этот аргумент подействовал, возымел силу и эффект разорвавшейся бомбы.

– Когда мама предпочла Вас своим родным, это было правильно? – уничижительно произнесла она. – Почему же Вы не даёте мне поступить так, как велит мне моё сердце? – пренебрегая устоями и родовыми традициями, нарушая все догмы в отношениях, годами, выстроенные в семье, – спросила Фиорелла.

Отец вспыхнул:

– Да как же ты можешь? Кто тебе дал право унижать наши чувства? Это не поддаётся сравнению, – яростно выкрикнул отец.

– Фиорелла, цветочек мой дорогой. Ты не права. Я безумно любила и люблю твоего отца, поэтому решила на такой отчаянный шаг. И никогда об этом не пожалела. Лучше твоего отца я не встречала. И как ты можешь сравнивать своего отца с контрабандистом? Это жестоко, наконец, – плака-

ла Шурочка. – Ты несправедлива к нам. Мы не заслужили такого отношения. Это грех, большой грех, – возразила она дочери, а сердце её рвалось на части.

Её любимица, та, ради которой она пожертвовала всем. Та, ради которой она забывала обо всём, только бы дочери было хорошо. Её кровиночка позволила себе поставить чужого недостойного человека, лишённого элементарных понятий о совести, о чести над их семьёй. Как такое могло случиться? Как? – спрашивала она себя, неустанно и не находила ответа.

– Да, я вправе тебя запереть и в придачу наказать по всем правилам. Ты не знаешь, что это такое? Тебя холили и нежили, избалованная девчонка. Так узнаешь, – пригрозил отец.

– Вам ничего не поможет. Не дадите уехать сейчас, сбегу при первом удобном случае, не попрощавшись, – отпарировала Фиорелла отцу.

– Рауль, любимый. Не надо. Пусть она едет, куда хочет. Она не понимает, что творит, – произнесла Шурочка, как приговор.

История возвращается на круги своя. Шурочка поступила так, как когда-то поступила её мать, поставив точку в решении вопроса.

Но это сравнение было спорным. Шурочка действительно уходила к любимому, самому дорогому человеку своего круга. Фиорелла же пошла на поводу у юношеского эгоистичного желания. Она жаждала, во что бы то ни стало, выйти из-

под родительской опеки. Какой-то бес вселился в неё, и она не ведала, что творила. Для этой цели контрабандист оказался, как нельзя кстати.

Фиорелла познакомилась с ним, когда они всей семьёй ездили во Францию по делам отца. На вокзале, ожидая дилижанс, она присела на скамейке. Шурочка с Раулем разговаривали в стороне о своих насущных делах.

Энрико подошёл к Фиорелле, под невинным предлогом заговорил с ней, затем представился. Тогда он не рассказал ей о роде своего основного занятия. Выглядел он, вполне прилично, назвался студентом. Прощаясь, он попросил у Фиореллы адрес. На этом они расстались. Так случайный знакомый вошёл в жизнь Фиореллы. Периодически от него приходили милые письма. Фиорелла отвечала.

Шурочка не предала этому знакомству никакого значения. А в письмах, Энрико постепенно открылся Фиорелле, у них завязались отношения. Так он и уговорил её покинуть родительский дом. Фиорелла уехала, оборвав самую тонюсенькую нить, соединяющую её с родными, не оставив им крошечной надежды на своё возвращение.

Возвращение Фиореллы

Прошло немногим больше года.

В этот день всё складывалось хорошо и ни что не предвещало безрадостных событий. Стояла прекрасная тёплая весенняя погода. Шурочка сидела с книгой в саду. Рауль за-

нимался своими делами в доме. Слуги суетились, выполняя свои обязанности.

– Как-то странно за скрипело за оградой. Непривычно, – показалось Шурочке. – Похоже, старая скрипучая телега подъехала. Кто бы это мог быть? Как странно, – подумала Шурочка, отложила книгу и подошла к калитке.

Ей навстречу направлялся немолодой мужчина. Его обветренное лицо выдавало род занятий. Он подошёл к калитке. Поздоровался и, теребя ладони спросил:

– Вы синьора Дель Монти?

– Да, я, – осторожно ответила Шурочка. – А почему Вы спрашиваете?

– Синьора, я посторонний человек. К делу не имею никакого отношения. Меня попросили выполнить просьбу, я не хотел, но меня очень просили, – рассказывал незнакомец, топчась на одном месте, всё также, теребя обветренные ладони. По его поведению не трудно было догадаться, он нервничал.

– Да в чём же дело? – заволновалась Шурочка. – Кто Вас прислал?

– Синьора, я не буду ходить вокруг да около. Там в телеге девушка, – указал он рукой. Она очень больна, задыхается. Просили доставить её до места и передать из рук в руки, что я и делаю. Больше ни о чём меня не спрашивайте, очень Вас прошу.

Шурочка открыла калитку, подбежала к телеге и увидела

Фиореллу. Её трудно было узнать.

– Доченька, Фиорелла. Как же так? Что с ней? – попутно спросила Шурочка у сопровождающего.

– Не знаю, синьора. Меня не поставили в курс дела, – повторил он. Посмотрев исподлобья на Шурочку, он добавил:

– Сказали, похоже на чахотку.

– Что?! – вскрикнула Шурочка.

Она посмотрела на сопровождающего. От его слов ей стало страшно. Мороз крупными мурашками забегал по коже. Шурочка вернулась в дом, стала звать Рауля, Цезаре, слуг, всех подряд.

Тот час Фиореллу перенесли в дом. Рауль расплатился с сопровождающим и послал за доктором.

Тщательно осмотрев больную, доктор вынес свой вердикт:

– Да, синьора, это действительно так, чахотка, – подтвердил доктор диагноз. – Полагаю, до этого заболевания Ваша дочь перенесла лихорадку. Могу констатировать с сожалением – её никто не лечил. Более того, чахотка осложнилась вторичной инфекцией, – доктор произнёс свои мысли вслух и задумался. – Сейчас мы можем только догадываться, – огорчённо добавил он. Доктор посмотрел на Шурочку. Что-то останавливало его дать полный анализ случившемуся, но он, сделав над собой усилие, пояснил коротко:

– Суммируя объективные факты, могу заключить. По состоянию волос, кожи, Ваша дочь жила беспокойно, беспорядочно и очень бедно. Скорее всего, недоедала, плюс к этому

сильное переохлаждение. И как результат... Мы примем меры, но... – протянул он.

– Что Вы хотите этим сказать? – встревожилась Шурочка.

– Пока ничего. Но будьте готовы к любым осложнениям. Прогноз неутешительный, – выдавил из себя доктор. Ему так не хотелось говорить этого. Он симпатизировал Шурочке, с Раулем его связывали давние дружеские отношения. Но профессиональный долг заставил поставить в известность родных больной.

– Я надеюсь, Вы примите меры для нормализации состояния дочери? – спросил Рауль.

– Я попытаюсь, но ничего обещать не могу. У Вашей дочери очень ослаблен, я бы добавил, истощён организм. Не забывайте, она унаследовала от Вас слабые лёгкие. Именно поэтому бороться с запущенным недугом очень сложно. Повторяю, нужно быть готовым к любым осложнениям. Прошу простить, я искренне сожалею, – подчеркнул доктор своё отношение к происходящему.

– Рауль, что же будет? – спросила Шурочка с тревогой.

– Ничего дорогая. Мы сделаем всё возможное, чтобы поставить Фиореллу на ноги. Доктор немного утрирует, пугает нас, чтобы мы не теряли бдительности. Не волнуйся, пожалуйста.

Рауль посмотрел на доктора, взглядом намекая, что тот погорячился и перешёл дозволенные границы. В присутствии Шурочки, он мог бы этого не говорить. Рауль и сам не

верил в летальный исход. Он не мог об этом даже думать. Ему так хотелось, чтобы Фиорелла выздоровела.

Доктор понимающе опустил голову. Он в этой ситуации чувствовал себя неуютно.

– Синьора, я назначу порошки и микстуру. Давайте регулярно после приёма пищи, три-четыре раза в день. Ей нужны лёгкие бульоны, отвары, каши не густые. Давайте ей фруктовые морсы и выжимайте в каши немного апельсинового сока. Тяжёлую пищу не давайте. Да она и сама не станет есть, – советовал доктор.

– Вы знаете, у неё сильный кашель, просто заходится, бедняжка, – сказала Шурочка.

– Я назначил очень хорошую микстуру. Она облегчит кашель, – ответил доктор.

– Спасибо Вам, доктор, – поблагодарила Шурочка и присела на краю постели дочери.

– Фиорелла, цветочек, как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Ничего, спасибо, мама, – слабым голосом ответила дочь.

– Скажи, может быть, ты что-то хочешь? – Шурочка пыталась вызвать у дочери интерес к жизни.

– Ничего не надо. Нет аппетита, – тускло ответила Фиорелла.

– Сейчас я принесу тебе свежего сока, ты выпьешь, и аппетит появится, – создавала Шурочка оптимистичный настрой.

Они делали всё, чтобы Фиорелла находилась в комфортном микроклимате, ни единым словом, малейшим намёком не возвращая её в прошлое.

Шурочка не отходила от дочери ни днём, ни ночью. В какой-то момент ей показалось, что лицо Фиореллы немного просветлело, и она понадеялась, что болезнь отступает, а состояние дочери улучшается.

На самом деле, заболевание прогрессировало. У Фиореллы появились пенистые кровянистые выделения, которые тяжело отходили с кашлем или с мокротой. Несмотря на прекрасный уход, она продолжала терять в весе, просто таяла на глазах. Она высохла и перестала походить на себя – прежнюю Фиореллу.

Доктор навещал больную ежедневно, корректировал её состояние. Понимал, что в этой схватке с тяжелейшим смертельным недугом, он вряд ли выиграет. Но честно выполнял свой профессиональный долг.

На семейном совете было решено, что они повезут Фиореллу на знаменитый курорт, куда ездят больные чахоткой. Они всё ещё тешили себя надеждой, что там её подлечат. Доктор встретил это решение с одобрением, хотя в глубине души понимал, что все усилия напрасны. Он ежедневно прослушивал лёгкие Фиореллы, поэтому знал, конец не за горами.

В один из тёплых солнечных дней, Рауль с Цезаре вынесли Фиореллу в сад.

– Как хорошо здесь! – сказала она с наслаждением, подставляя солнцу своё личико. Как давно я здесь не была. Я так тосковала по нашему саду. Мне очень жаль, что я тогда не послушалась вас, – с сожалением призналась Фиорелла.

– Не надо об этом, – сказала Шурочка. – Теперь ты дома и всё будет хорошо.

– Нет, так, как было, уже никогда не будет! – мрачно ответила Фиорелла.

– Не грусти, дорогая. Ты молода. Выздоровеешь и будет ещё лучше, чем было, – сказал Рауль, поддерживая дочь.

Они разговаривали, строили замки на песке. Шурочка и Рауль стремились поднять жизненный тонус дочери. Но все усилия оказались напрасными. Ночью у Фиореллы открылся сильнейший кашель, перешедший в удушье, остановить который не удалось. В завершение приступа у неё ртом пошла кровь.

Рауль разбудил доктора. Тот, осмотрев больную, подвёл черту:

– Мужайтесь, это конец. Я очень сожалею. Фиореллы не стало.

А Шурочка, сидя у её постели, повторяла:

– Завял цветочек... завял.

Горе

С уходом Фиореллы Шурочка превратилась в изваяние. Она стала чернее тучи. Все, кто знали её прежде, не узнава-

ли. Она постарела на глазах. Взгляд потух, лицо приобрело застывшее выражение, будто кто-то повесил на него маску. Губы свела страдальческая гримаса.

Обаятельная улыбка, некогда покоровившая сердце Рауля, навсегда покинула её лицо. Шурочка больше не укладывала свои локоны в причёску, безразлично шпилькой стягивая в античный узёл, капну волос на затылке. Она перестала заботиться о своей внешности. Что касается гардероба. Вещи светлых и цветастых тонов она больше не носила. Всё в доме погрузилось в траур.

Шурочка ничем не занималась, ей всё опостылело. Она часами сидела у окна и смотрела куда-то вдаль, не переводя взгляда. Ничто не вызывало у неё интерес.

Рауль сопереживал ей всей душой. Потеря любимой дочери подорвало и его силы. Но Рауля ещё более удручало Шурочкино состояние. Он немедленно подал прошение об отставке, желая не расставаться с ней и остаток дней посвятить только Шурочке.

Цезаре к тому времени возмужал и не нуждался в родительской опеке. Рауль понимал, что Шурочка сейчас, как никогда раньше, нуждается в его неустанном внимании и заботе. Для этой цели он высвободил время, уйдя со службы. Рауль знал, что в данный момент нужен ей. Однако все его старания, все знаки внимания были напрасными. Шурочка не воспринимала ничего. Она постепенно сходила с ума. Каждый день она перебирала вещи дочери, её фотографии, дет-

ские игрушки, которые та любила и хранила.

Жизнь для Шурочки остановилась в тот момент, когда перестало биться сердце Фиореллы. Шурочка не смогла согласиться с этой реальностью. Что-то оборвалось в ней самой. Незаживающая рана подтачивала её силы.

А тут как назло...

Событие, которое подоспело внезапно, как кинжал в спину, явилось окончательным и бесповоротным приговором, и обжалованию не подлежало.

– Синьоре депеша, – громко объявил посыльный.

– Спасибо, – ответила служанка, закрывая дверь, и возвращаясь в дом.

– Синьора, просили Вам передать, – сообщила служанка, входя в гостиную.

– Что там? – безучастно спросила Шурочка.

– Посыльный принёс депешу, – ответила служанка.

– Передай, синьору, – попросила Шурочка.

– Синьор Дель Монти уехал по делам, – доложила служанка.

– Ну, тогда, давай, – сказала Шурочка. Она жаждала уединения, а назойливая служанка приковывала к себе её внимание.

Служанка поднесла пакет и передала его Шурочке.

– Спасибо, – произнесла Шурочка и положила пакет рядом на диван.

– Эльда, – пожалуйста, сделайте мне чаю. Сегодня холод-

но, меня знобит, – попросила Шурочка.

– Слушаюсь, синьора. Вы придёте в столовую или подать сюда? – спросила служанка.

– Сюда. Я постелю салфетку на столе и здесь попью чай, – ответила Шурочка, поднимаясь с дивана. И тут её взгляд задел пакет. Она увидела почерк её матушки.

– Как матушка рискнула из дома отправить? – засуетилась Шурочка. – Наверное, тётушка в отъезде, тогда к чему такая срочность? Неужели тётушка захворала, и матушка вынуждена была пойти на такой риск, – терялась в догадках, Шурочка.

Она вскрыла конверт, в нём обнаружила увесистое письмо, оно приковало её внимание. В нём княгиня Софья Алексеевна, во всех подробностях сообщала дочери о безвременной кончине князя Сергея Константиновича. Прочитав эти строчки, Шурочка сказала:

– Это я убила его. И рухнула на пол, без чувств.

Расставание

Ты прошла сквозь облако тумана.

На ланитах нежные румяна.

Светит день холодный и недужный.

Я брожу свободный и ненужный...

Злая осень ворожит над нами,

Угрожает спелыми плодами,

Говорит вершинами с вершиной

И в глаза целует паутиной.

Как застыл тревожной жизни танец!

Как на всем играет твой румянец!

Как сквозит и в облаке багряна

Ярких дней зияющая рана.

Когда Рауль вернулся, служанка, дрожа от страха, доложила ему в дверях:

– Синьора попросила чаю. Её знобило. Я отлучилась и когда вошла, она лежала на полу. Я к ней, – синьора, синьора, а она молчит.

Рауль перепуганный вбежал в гостиную. Он застал Шурочку лежащей на полу недалеко от дивана. Рауль нагнулся к ней, стал звать, но она не ответила ему. Он прикоснулся к ней и почувствовал слабое дыхание. Вместе со слугой они аккуратно подняли Шурочку с пола и уложили на диване. Рауль поехал за доктором.

– Удар, – вынес доктор свой вердикт.

Он ещё раз поочерёдно поднял одну за другой ноги Шурочки, убеждаясь в правильности диагноза.

– Это очень опасно? – спросил Рауль.

– Да, – односложно ответил доктор.

– Мы можем ей помочь? О средствах не думайте. Всё, что понадобится, я сделаю. Только помогите, прошу Вас, – умолял Рауль.

– Синьор Дель Монти. К сожалению, я вряд ли смогу помочь Вашей супруге. В данный момент она не реагирует, ре-

флексы отсутствуют, – констатировал доктор. – Вернётся ли она в сознание, неизвестно, – рассуждал он. – И поднимется ли? Трудно сказать. Осложнения этого заболевания различны и тяжелы. Распространённым является паралич, – заключил доктор.

– Ну, что-нибудь Вы можете сделать?! – тихо спросил Рауль.

– В таких случаях принято говорить, медицина бессильна. Я понимаю Ваше горе, синьор Дель Монти. Сколько ей отпущено, она пробудет в таком состоянии. Чудес не бывает, – ставил в известность доктор, оглашая свой приговор. – Кто-нибудь видел, как Ваша супруга упала? – спросил он, прослушивая Шурочку деревянной трубкой. Одновременно он мысленно что-то обдумывал, взвешивал, анализировал.

– Меня не было дома, когда это произошло. Я был в отъезде. Теперь меня будет терзать мысль, что всему виною я, – сказал Рауль.

– Не надо, синьор. Не корите себя. От судьбы не уйдёшь, – произнёс доктор на латыни.

Рауль не отходил от Шурочки. Он надеялся на чудо и ждал его. Но...

На третьи сутки, ближе к вечеру, Шурочка тяжело задыхалась. Как-то неестественно поднималась её грудь, задёрнулись веки, задрожали щёки, заваливались глазные яблоки. Синюшными стали губы.

Доктор находился рядом. Он прослушал её и сказал:
– Синьор, это агония.

Шурочка ушла тихо, никого не беспокоя, ни с кем не попрощавшись.

Рауль и Цезаре стояли у её постели, обнявшись, и рыдали. Пауло плакал за портьерой, чтобы никто не видел. Горе безутешно...

Похоронив Шурочку, Рауль потерял вкус к жизни. Всё померкло. Некогда светлый, просторный, в любое время года залитый солнечными лучами дом, утонул во мраке. По требованию Рауля слуги весь дом завесили тёмными плотными шторами, которые никогда не поднимались. Сад, где они всей семьёй любили проводить время, пришёл в запустение. Скрипели поржавевшие качели. Деревья, некогда цветущие и плодоносящие, погибали, засыхали, ими никто не занимался. За окнами свирепствовал сквозной ветер, а в доме мёртвая гробовая тишина будоражила мозг, заполняя его скорбными мыслями. Жизнь покинула этот очаг.

Цезаре с Пауло разговаривали полужёпотом, чтобы не беспокоить отца. Горничная передвигалась на носочках, почти беззвучно, бесшумно, боясь нарушить тишину и потревожить синьора.

Цезаре, видя страдания отца, предложил ему:

– Давай продадим наш дом и уедем.

– Это родовое имение, – чуть слышно ответил Рауль. – В нём проживало несколько поколений нашей семьи. Куда я

поеду?

Нет, дорогой Цезаре, что суждено, тому и быть. Здесь доживу свой век. И чем виноват дом? Мы были в нём счастливы. Эти стены помнят лучшие моменты нашей жизни, – сказал Рауль, подняв глаза на стены. Там висели их фотографии, на которых все были молоды, жизнерадостны, сияли от счастья, улыбались друг другу.

– Всему виновата цыганка. Она прокляла твою маму. Вот поэтому всё так и стряслось. Не уберёг я Алессандру. Моя вина, – глотая слёзы, вымолвил Рауль. Он закрыл лицо руками и тихо плакал. Попеременно вздрагивали его плечи, он изредка всхлипывал. Цезаре удалился, чтобы не мешать отцу выплакать горе.

Больше никогда проникновенные, тёплые интонации Шурочкиного голоса не прозвучат в их доме, приковывая к себе внимание Рауля.

Больше никогда синева её бездонных лучезарных глаз, не прикоснётся к его сердцу, успокаивая, лаская и согревая его. Горе безутешно.

Эта потеря для Рауля была невосполнимой.

От радужных надежд, огня желаний,
веселых беззаботных дней, нет больше ничего...

Утеряны на век любимые черты, угас надежды лучик,
лишь дымка – образ твой, мне рану теревит.

Как жить мне без тебя? Как мне дышать, родная?

Ты отзовись на крик души моей.

Эти строчки Рауль записал в своём дневнике те самые трагические дни.

Право на личную жизнь...

– Не могу с Вами согласиться, мой друг. Это глубокое заблуждение, думать, что если человеку свыше отпущен неземной дар, благодаря которому он творит для других, в обычной жизни этого человека надо лишить прав на ошибки. Одарённый человек, прежде всего такой же человек, как мы с вами. И он точно также подвержен соблазнам. Точно также может ошибаться, спотыкаться, заблуждаться в поиске истины. Его терзают бесконечные сомнения. Вы себе не представляете, как это мучительно. Мои друзья, давние приятели, о которых я веду разговор, делились со мною этими чувствами. И скажите мне на милость, почему простому смертному позволительно оступаться, совершать плохие, недостойные поступки, а великим, воспрещается? – Цезаре завёл разговор на тему, которая давно не давала ему самому покоя.

– Я полагаю, синьор, в этом вопросе никогда не будет единой точки зрения. Среди людей укоренилось расхожее мнение. А всё потому, синьор, что на гениев возложена огромная ответственность за их талант. За дело, которое они несут людям посредством своего дара. Я бы сказал, некая миссия, –

рассуждал Пауло. – Они на виду, на них равняются, с них берут пример, им подражают. У них масса поклонников, которые их обожают и ради них готовы на всё. Перед ними преклоняются. Не забывайте этого. – Кумиры всегда должны быть на высоте. Что называется, держать марку, – разговаривал Пауло.

– Да, да. Когда-то я уже нечто подобное слышал, – задумчиво произнёс Цезаре. – Твои рассуждения напомнили мне беседу с моим другом Фернандо, который, узнав об истории любви русского писателя Ивана Тургенева и несравненной певицы, актрисы, педагога Полины Виардо-Гарсия, пришёл в тихий ужас, – внезапно вспомнил Цезаре.

– От чего же, синьор? – заинтересовался Пауло.

– Как от чего? От того, что они позволили себе любить друг друга, будучи связанными словом с другими людьми.

– Я что-то не припомню подробностей этой печальной истории. Кто-то из них был женат, если я не ошибаюсь, кажется так. Да, Цезаре? – терялся в догадках Пауло.

– Что значит, кто-то? Полина была замужем. Её супруг известный журналист – Луи Виардо, чудесный человек, общественный деятель. У них и дети были к моменту встречи Полины с Тургеневым. Но разве чувства спрашивают? Разве им запретишь? Прикажешь? – разволновался Цезаре, отставляя права знаменитых, публичных людей на любовь.

– В этой истории смешанные чувства у меня вызывает судьба самого Ивана Тургенева. Непревзойдённый в своём

роде мастер слова, одарённый, красивый, светлый человек. Личность! Полагаю, он, попав в такое двусмысленное положение, ощущал себя потерянным, несчастным. С другой стороны, скажу я Вам, это настоящий подвиг! Как надо любить, чтобы всю свою жизнь посвятить одной женщине. Раствориться в её судьбе. Да, не каждому дано такое, снимаю шляпу, – произнёс Пауло с чувством почтения и большого уважения.

– Вот и мать Тургенева думала и полагала, как ты. И она считала, что её сын глубоко несчастен. Не зря она прозвала Полину – цыганкой.

Мужественный шаг Тургенева – выбор рыцаря, неординарного человека. Он не подпадает под понимание рядового каждодневного поступка. По всей вероятности, нужно родиться Иваном Тургеневым, чтобы понять величие его души, целостность натуры, распознать глубину его переживаний, – с чувством преклонения, выразил Цезаре свою точку зрения и отношение к данному вопросу.

Откровение

– Пауло, Пауло, ты где? – звал Цезаре слугу.

В ответ – тишина.

– Неужели ещё спит? – вслух спросил Цезаре, лениво сползая с постели, засовывая ступни ног в домашние туфли.

– Звали, синьор? – спросил Пауло, запыхаясь, входя в комнату.

– Где ты пропадаешь? Я зову, зову, а тебя всё нет, – приставал Цезаре недовольным тоном.

– Помогал во дворе, – ответил Пауло.

– Они что, сами не справляются? У тебя своих дел предостаточно, – бубнил Цезаре.

– Слушаю Вас, синьор, – Пауло подошёл к Цезаре, пропуская мимо ушей его недовольства.

– Я нашёл в отцовских дневниках удивительнейшую историю. Она настолько потрясла меня... я за всю ночь не сомкнул глаз. Прилёг совсем недавно, – Цезаре загнулся, просматривая записи. – Сегодня ночью я записал её. До сих пор не могу успокоиться, эта девушка покорила моё сердце. Со мною давно такого не случалось.

– Кого Вы имеете в виду, синьор? Кто эта девушка? – допытывался Пауло.

– Не спрашивай. Ни о чём не спрашивай. Присядь к столу и почитай. Рукопись открыта в самом начале. Я ждал тебя, – пояснил Цезаре.

– Хорошо, синьор. С интересом почитаю, – ответил Пауло и направился к столу. Я, правда, ещё не завтракал, однако Вы, синьор, разбудили во мне интерес. Я очень любопытен, Вы же знаете, – говорил Пауло, усаживаясь за стол.

Цезаре в своём творчестве достиг той высоты, той планки, когда творят блаженствуя. Он оставлял на бумаге своё сердце. И после каждого нового произведения, его сердце уменьшалось в размере, но величие Цезаре – писателя возрастало

многократно.

Чужая кровь

«Даже в самых благополучных семьях случаются ситуации,

когда вельможные особы допускают роковые ошибки, за которые приходится расплачиваться не только детям, но и внукам.

Мы переносимся с вами, мой дорогой читатель, во вторую половину 18-ого века. Италия-страна неопикуемой красоты!

Родина выдающихся личностей, неповторимых, уникальных талантов.

Поместье графа – Риккардо Делла Конти.

Лето. Раннее утро. Солнце поднялось высоко-высоко, и его мягкие лучи нежат тружеников полей, согревая своим теплом спины пахарей. Они от зари до зари проводят в поле. С рассвета косят траву, собирают знатный урожай пшеницы. Хлеб уродился на славу!

Служанки проветривают на верандах подушки, простыни, покрывала, недовольно бурча себе по нос. Им бы хотелось ещё часок другой покомарить, однако управляющий строг, да и работы много. Вот и приходится вставать с зарёй, чтобы успеть переделать всю работу. А укладываться только тогда, когда господа угомоняться и заснут.

На кухне вовсю кипит работа: жарят, шкварят, томят, – торопятся приготовить к завтраку и обеду любимые блюда графа и графини.

Главный повар предусмотрителен, он не забыл и о предпочтениях сослуживцев графа Риккардо, которые заехали накануне погостить в поместье.

Король кастрюль, так прислуга называет главного повара, старается изо всех сил, ему так хочется угодить господам. Он большой выдумщик, каждое его новое блюдо – шедевр.

Розина – баловница, хохотушка, совсем ещё юная девушка.

Красотка с пышными формами, но не толстушка, прекрасно сложена. Всё при ней, как говорится. Розовощёкая, белокожая. А летом её кожа приобретает кремовый оттенок, и её личико напоминает спелый персик. Облик Розины напоминает персонажи полотен великих живописцев, которые умели ценить женскую красоту.

Когда она родилась, отец, увидев её, пришёл в полный восторг и произнёс, обращаясь к своей жене:

– Анна, дорогая!

Ты привела на свет красивейший цветок. Я назову её – Роза. А ласково будем звать дочку – Розиной.

Девочка росла нежной, доброй, ласковой, приветливой, никому не докучая. Она с детства, с молоком матери, впитала в себя любовь и щедро ею делилась. В подростковом пе-

риоде у Розины проявился лёгкий уживчивый характер. Вот и сейчас, она не умеет грустить, печалиться. У неё завидный нрав. Ей всё нипочём. Она резвится в своё удовольствие, не ведая усталости, скуки и печали.

– Ой, не могу. Ха-ха-ха-ха-хаааааа, – как россыпь звуков арфы, разнеслись раскаты заразительного смеха.

Это Розина несётся по широкому коридору, хохоча на ходу. Ей навстречу степенно передвигается старый граф – Пасквале Делла Конти. Он направляется на утренний моцион.

Розина поравнялась с графом, резко умолкла, с трудом сдерживая душащий её смех.

– Доброе утро, синьор! – поздоровалась она, присев в реверансе.

Как самочувствие Ваше? Как спалось? Ночь была душной, не правда ли? – Розина забросала старика вопросами, стараясь скрыть своё состояние.

Старый граф посмотрел на неё через пенсне, разгадал тайну Розины и ответил вопросительно, но сдержанно:

– Что это с тобой, Розина? Чего ты несёшься по коридору, как лошадь под наездником. Тебе больше нечем заняться? Так я сию минуту пошлю с докладом к молодой графине Патриции, она подберёт тебе работу. Завершив последнюю фразу, он с недовольным выражением лица проследовал дальше.

Розина, чуть не лопааясь от напряжения, прикрыла ладонью нос и рот, провожая его взглядом. Затем пожала плечи-

ками и понеслась дальше. Она не умела грустить. Её веселило всё. Розина никогда не унывала. Такова была её натура, её человеческая сущность.

Заскочив в кухню, она выпалила:

– Что-то старый граф с раннего утра не в духе. С чего бы это?

И опять расхохоталась. Схватила на ходу, только что испечённую булочку и запихнула кусок в рот.

– Ой, горячо, – с полным ртом выговорила она.

– Чего ты торопишься так? Всё успеешь, день только начался, – поучал её повар.

А она, не слушая его, побежала, напевая ритмичную канцону, одновременно жуя.

Розина сравнительно недавно служит в графстве. Её отец при старом графе очень давно, он служит здесь конюхом. Она росла возле него.

Мать Розины умерла, и, с тех самых пор, девочка очень привязалась к отцу. А как подросла, стала проситься на работу, чтобы помочь ему.

Молодая графиня Патриция Делла Конти без промедления взяла её и приставила к своей кухне Флоренс.

Дело в том, что родители девушки трагически погибли, когда она была совсем маленькой. В связи с этими печальными событиями, девочка росла и воспитывалась у кузины Патриции, в доме графа Делла Конти. Флоренс по возрасту была гораздо моложе своей кузины. Очень её любила, почи-

тала старого графа и благоговела к мужу Патриции, графу Риккардо.

Графиня, поразмыслив, решила, что Флоренс нужна молоденькая расторопная служанка. Они с Розиной ровесницы. Девушки подружились. Флоренс искренне полюбила Розину. Обучала её грамоте, языкам. Прививала любовь к поэзии, музыке. Много рассказывала ей о правилах этикета. Вызывала интерес к живописи и красивым туалетам. Дарила ей свои платья, туфельки, аксессуары. Учила красиво укладывать волосы. Девушки часто и подолгу беседовали, проводя время на природе. Иногда они вместе пели. Флоренс доверяла Розине свои душевные тайны. Синьор Марио де Росси давненько занимал её мысли. Они дружили с детства. Он старше Флоренс на шесть лет. Его родители приезжали с визитом к графу Риккардо Делла Конти. Дети графа и его друзей частенько проводили вместе время в играх и своих забавах. Граф Риккардо любил Флоренс, считал членом своей семьи, относился к ней покровительственно.

Флоренс очень привязалась к Марио. Была влюблена в него. Посвящала ему поэтические строки. С нетерпением ожидала его приезда к графу. Синьор Марио де Росси и сам проявлял знаки внимания по отношению к хорошенькой, приветливой и доверчивой Флоренс. Выделял её из дочерей и родственниц графа Риккардо Делла Конти и его супруги. Приглашал на прогулки, даже на охоту. У них завязались близкие отношения, переросшие в головокругительный ро-

ман, о котором никто и не догадывался. И, как бывает в таких случаях, в один прекрасный день Флоренс почувствовала биение младенца под сердцем.

Как говаривал великий Александр Сергеевич Пушкин. «Неопытность к беде ведёт».

А герой-любовник стал появляться всё реже и реже, пока и вовсе не потерялся из вида. Краем уха Флоренс слышала, что он в дальних странствиях. Однако, вернувшись, он более не навещал родные его сердцу места, вызывающие в его душе детский трепет. Со временем он и о Флоренс перестал думать. Во всяком случае, всё для этого делал.

У его поступков была веская причина. Его родители давно присмотрели ему невесту. Марио не пришёл в восторг от решения родителей. Но и перечить не мог, был вынужден подчиниться их воле. А вскоре состоялась и сама церемония, после которой он отправился в свадебное путешествие. Но сердечных чувств к своей молодой супруге Франческе, Марио де Росси, возлюбленный Флоренс, не испытывал.

Бедная Флоренс так и осталась предоставлена сама себе в таком непростом, двусмысленном положении. И конечно отчаявшись, затосковала.

Ближе к родам, Флоренс обратилась к графине:
– Милая Патриция! Я бы хотела отлучиться с Розиной к её тётушке.

Розина рассказывала, что там чудесно, красиво. Её тётушка живёт рядом с лесом, на берегу реки. У них там столько прекрасных животных. Ты же знаешь, как я люблю лошадей. Мы поживём немного на природе и вернёмся. Прислуга нам не нужна. Мы

ненадолго, – упрашивала Флоренс, стараясь выглядеть естественно.

– Ну, хорошо, хорошо, моя дорогая. Поезжайте. Я не против. Только будьте в пути осторожны. Возьмите с собой всё необходимое. Там ведь иные условия жизни.

– Спасибо тебе, моя милая, Патриция, – радовалась Флоренс.

Прильнула к кухне, поцеловала её в обе щёчки, в знак благодарности и ушла собираться. Платья тогда носили пышные, (на кринолине) графиня ничего и не заметила. А то, что молоденькая девушка заметно округлилась, было в порядке обычных вещей, считалось хорошим признаком.

– Значит, расцветает, – говорили окружающие.

В дороге Флоренс растрясло, роды начались прямо в карете.

Розина очень растерялась, она не знала, как помочь подруге.

С трудом девушки добрались до тётушки Розины – Чечилии.

Та приняла ребёнка. Ей не впервой приходилось выручать молоденьких заблудших девиц. Родился чудный мальчик –

крепьш.

Но внезапно у Флоренс открылось сильное кровотечение, которое остановить не удалось, и Флоренс скончалась.

Розина приняла эту утрату близко к сердцу. Она чувствовала себя виноватой. Не могла простить себе, что подалась на уговоры Флоренс и отправилась с ней в дальнюю дорогу. Розина знала, что Флоренс вскоре должна рожать. Она считала, что была обязана отговорить Флоренс от этой затеи.

Чечилия, как могла, успокаивала, уговаривала Розину. Но все её попытки так и не воздействовали, не повлияли на душевное состояние девушки. Розина горевала.

Там на поляне, у леса, недалеко от их домика, они и захоронили Флоренс. Было решено ребёнка оставить у Чечилии, а графине правду не говорить, раз Флоренс этого не желала.

Так Розина впервые в жизни ощутила боль невосполнимой утраты и огромную ответственность перед малышом – сыном Флоренс.

Она повзрослела на глазах. Её очаровательная улыбка мгновенно сошла с уст. Потух взор. Искорка жизни, которая так легко зажигала сердца даже флегматичных людей, вместе с горькими слезами покинула Розину. Моторчик, сидевший в ней, приводивший в движение всё вокруг, заглох навечно. Она уже никогда не станет прежнею Розиной.

– Назовём его Пальмиро, что означает, странник, паломник. Мы не знаем, какая судьба ему уготовлена. Но то, что он не будет привязан к одному месту, в этом я уверена, –

сказала Розина, глотая слёзы, держа младенца на руках.

– Пальмиро – красивое имя, – согласилась тётушка. – Молодец, Розина. Правильно его назвала. Без родной матери никто не знает, какая участь ему уготовлена.

В поместье графа Риккардо Делла Конти Розина не вернулась. Она не знала, как поведать Патриции и графу всё то, что произошло с бедняжкой Флоренс.

– Они так любили Флоренс, заботились о ней. Для них эта весть будет тяжёлым ударом. Я не могу пойти на это, – объясняла Розина Чечилии.

Новые заботы.

Каждый день Розина ходит за версту, в поисках молока для младенца. Там, в деревне за лесом, живёт старушка Магдалена, её козочка даёт чудесное молоко. Розина наполняет высокий кувшин молоком и отправляется в обратный путь. Она приносит свежее козьё молоко, и они вскармливают им Пальмиро.

Розина приносит родниковой водицы. Наливает её в деревянное корытце. Выставляет на солнце, так водица нагревается. Лето – чудная пора! Тепло, всё зелено, красота вокруг!

Чечилия готовит отвары из смеси трав, вливает их в корытце, растворяет в воде и опускает младенца.

– Ай, как хорошо! Наш мальчик так любит купаться. Я ему кладу шишечки, он с ними играет, цепким взглядом следит, как они передвигаются по воде. Всё новое привлекает

его внимание, ему интересно всё, – восторгалась Розина.

– Да, мальчик растёт любознательным, – подтверждала Чечилия. – Голубых кровей! Всё так, всё правильно, – рассуждала она вслух.

Ребёнок от рождения удивительно приветлив. Стоит Розине подойти к нему, он тут же начинает издавать бойкие звуки, шевелить ножками, ручками.

– Он думает, что ты его мама. Глянь, как улыбается тебе, – подметила Чечилия.

Розина берёт Пальмиро на руки, малыш нежной бархатной щёчкой прижимается к ней. Обхватывает своими ручками её шею.

Розина блаженствует и тает от его ласк. Затем он дёснами впивается в её подбородок и чешет, чешет их.

– Вижу, вижу, скоро у нас пойдут зубки, – прогнозировала Чечилия, заигрывая с малышом.

– Маму ему никто не заменит, – с опозданием ответила Розина. – А я буду стараться всё делать так, чтобы он не ощущал себя обездоленным и обделённым, – ответила Розина.

Она осознавала всю меру ответственности за жизнь сына Флоренс, которую добровольно взвалила на свои неокрепшие плечики.

Мальчик прекрасно развивается, хорошо набирает в весе.

А Розина грустит. Тоска увесистым камнем давит ей грудь, полноправной хозяйкой поселилась в её душе и не даёт отдаться ребёнку всем сердцем.

– Как жаль, что Флоренс не видит, как её мальчик растёт, с каждым новым днём меняется, набирается силёнок. Его взгляд становится более осознанным, осмысленным. Такой красивый бутуз. Она бы его очень любила, – сокрушалась Розина.

– Видит, всё она видит. Не надо беспокоиться и тревожить её не нужно. Она всё видит и там, на небесах, радуется вместе с нами, – ответила ей Чечилия, утешая.

– Ты думаешь? – тихо спросила Розина, не отрывая от Пальмиро глаз.

– Да, так оно и есть. Пора тебе успокоиться. Смотри, какой карапуз у нас. День ото дня он крепнет и становится краше. Чудный мальчик. Надо благодарить Магдалену, она нас выручает. Что если бы не её козочка, чем бы мы кормили Пальмиро? – рассуждала Чечилия.

– Ты права. Не представляю, как бы мы растили младенца без молока? – согласилась Розина.

Чувство долга

Прошло три года. Чечилия часто прогуливалась с Пальмиро по лесу. Мальчик любил слушать пенье птиц, ему их язык казался понятным. Собирать жёлуди для него было первейшим удовольствием.

Дома Розина мастерила из них сказочных человечков, с которыми малец играл.

Чечилия рассказывала Пальмиро много интересных исто-

рий об обитателях леса. Учила прислушиваться, различать голоса лесных жителей. За делом, незаметно они вернулись. Вошли в избу. А там Розина хлопочет по хозяйству.

– Ах, какие ароматы! Ты решила сегодня соблазнить нас чем-то неповторимо вкусным. От одних запахов урчит в желудке, – сказала Чечилия, находясь в приподнятом настроении после прогулки.

– Сегодня у нашего мальчика день рождения, разве ты забыла? – спросила Розина у Чечилии. – По этому поводу я готовлю праздничный обед: грибной суп с травами, запечённые с сыром и базиликом томаты. Они у нас в этом году особенно хороши, уродились на славу. В печи хлеб поспекает, скоро достану. На закуску наш любимый сыр с вареньем из ягод. Будем праздновать. Устроим пир на весь мир в честь нашего Пальмиро!

– Даже и не верится, – изменившимся голосом произнесла Чечилия. – Три года пробежало со дня тех печальных событий. Над могилой Флоренс вырос холмик, на нём колосится молодая трава, цветы. А мы продолжаем жить и растить её сыночка, – тускло произнесла Чечилия.

– Я сегодня ночью думала об этом. Считаю неправильным, что мальчик дворян живёт здесь. Надо разыскать его отца. Как ни посмотри, а всё же родная кровь. И условия жизни у них иные, мальчику там будет лучше, нежели в лесу, – поделилась Розина своими мыслями.

– И ты так легко готова расстаться с Пальмиро?! – возму-

тилась Чечилия. Ты заменила ему мать. Ты его растила три года. Когда он болел, ты болела вместе с ним, припадая к его груди поминутно, прислушиваясь к его дыханию. Убивалась, ночами не спала, дожидаясь малейшего улучшения в его состоянии. Когда он, наконец, улыбался, твоё сердце радовалось. Каждый новый его зубчик ты воспринимала, как подарок. Он так привязан к тебе. Он любит нас. Мы его семья. И кто тебе сказал, что там ему будет лучше?

– Никто не сказал. Но там его родной отец. А здесь две чужие тётки: одна молодая и бедная, другая пожилая, вся скрипит. Вот и весь сказ. Как ты представляешь его дальнейшую жизнь? – Розина рассуждала трезво, правильно, но при этом закрывала своё сердце на ключ. Благополучие ребёнка перевешивало её собственные чувства.

По памяти Розина отправилась на поиски отца Пальмиро – синьора Марио де Росси. Ещё находясь на службе в поместье графства Делла Конти, она не раз слышала, что усадьба родителей Марио де Росси находится в тридцати верстах от поместья.

Она снарядила в дорогу телегу, да, да, ту самую...

Тогда перед родами Флоренс им предстояло добраться к тётушке Чечилии. Розина усадила Флоренс в карету, а сама сопровождала телегу с вещами и провизией. Так телега осталась у них. А карету вместе с сопровождающими она сразу

же отправила назад, чтобы никто не узнал правды. Флоренс этого не хотела.

В дороге Розина останавливалась, расспрашивала случайных попутчиков и нашла.

Марио не оказалось дома, о чём сообщил ей слуга. Она дождалась его возвращения. Марио вспомнил её. И как не вспомнить? Розина в самый кульминационный момент романа Марио и Флоренс носила записочки от него Флоренс, когда он приезжал с визитом к графу. Однако, немного поразмыслив, Марио удивлённо спросил:

– Розина, какими судьбами тебя занесло в наши края и что ты здесь делаешь? – интересовался он.

Розина вкратце изложила ему суть дела. Он внимательно выслушал её. Опечалился, услышав о внезапной и безвременной кончине Флоренс. Всё никак не мог поверить в то, что Флоренс больше нет. Подробно расспросил Розину, где она с малышом находится, проявил желание забрать ребёнка. На этом они распрощались. А Розина, испытывая удовлетворение в результате выполненного долга, отправилась в обратный путь.

Дело в том, что отношения между Марио и его женой Франческой не сложились. Стало быть, брак, навязанный Марио родителями, оказался во всех отношениях не состоятельным. Франческа не была ему интересна ни как женщина, ни как человек.

Марио со своей женой жил на разных половинах. Он не испытывал к ней никаких чувств, её присутствие раздражало его. К внешней непривлекательности, добавились другие неприглядные качества, черты характера. Она была глупа, взбалмошна, злопамятна, дерзка, истерична. Семейные узы, как таковые волновали её в меньшей степени. Она и не пыталась наладить отношений с мужем. Во всём винила его. В связи с этим Марио часто покидал родные места и подолгу странствовал. Он не искал причин, в результате которых его супруга позволяла себе неприглядные поступки. Марио просто отрезал её от себя, не церемонясь и ни о чём не сожалея, ей не было места в его жизни. Он так решил один раз и навсегда.

После рассказа Розины рубец на его сердце, некогда затянувшийся, безжалостно был вскрыт. Марио отчётливо ощутил, насколько сильно и страстно любил Флоренс. В памяти чередой прошли детские картины – счастливые деньки, как он их называл, делясь с друзьями или старинными знакомыми, с которыми он частенько выезжал на охоту. Марио запер дверь своего кабинета на ключ, чтобы его не беспокоили, и предался сладостным воспоминаниям.

Франческа, супруга Марио, оказалась бездетной, и этот факт ещё более подогрел желание Марио забрать сына и воспитывать его в традициях их семьи.

В один из осенних дней он прибыл к Чечилии, оставив на

полянке неподалёку от её дома свой кортеж. Разрешил Розине упаковать любимые игрушки Пальмиро. И увёз мальчика. Розина подготовила мальчика, насколько это было возможно, пообещав ему, что он будет приезжать к ним в гости, а она навещать его. Всё произошло так быстро, что мальчик толком не успел опомниться и проститься со своими любимыми кормилицами. Чечилия безутешно рыдала. Розина, глубоко переживая и борясь сама с собой, не стремилась утешать её. Она вышла из домика и ушла в лес. Там на природе она распахнула своё сердце, свою душу, выпустив на свободу накопившиеся эмоции. Домой она вернулась выхолощенная, опустошённая и усталая. Её жизнь потеряла смысл. Она оторвала от себя самое дорогое, родное существо, которое боготворила, обожала, любила всей полнотой материнской любви, как своего собственного ребёнка. Но поступить иначе она не могла.

Уже во второй раз за свою недолгую жизнь Розина переживала горечь потери.

Случайная встреча

Прошёл ещё год.

В один из февральских вечеров, в избу постучались.

– Кто бы это мог быть? – настороженно спросила Чечилия.

– Не знаю, сейчас посмотрю, – ответила ей Розина. Набрosiла на спину вязаную шаль, и вышла в сени. Она вернулась не одна. За ней в избу вошли двое мужчин.

– Управляющий князя Карло Болондини с помощником, – представила Розина. – Просьются на ночлег. Я постелю им у себя.

А сама переночую в сенях, – пояснила она, подходя к Чечилии. Тётушка, сидя за столом, перебирала кукурузную крупу.

– Нет, Розина, там очень холодно. Февраль месяц, глянь, как задувает. Ложись со мной, поместимся, – предложила ей заботливая тётушка.

– Хорошо, Чечилия, – согласилась Розина и пошла стелить гостям.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, пожалуйста, – пригласила гостей Чечилия.

– Благодарю Вас, – ответил управляющий. Снял с себя бекешу и сел.

Он по старинке носил те же вещи, что и в России.

Этот управляющий много лет служил у русского князя.

– Садись Иван, – скомандовал он помощнику.

Вернулась Розина. Она внесла кипяток и свежезаваренный травяной отвар. Разлила гостям отвар, поверх добавила крутого кипятка. Нарезала хлеб. Поставила плошку с вареньем.

– Угощайтесь, пожалуйста. Промерзли небось, в лесу сейчас небезопасно, да и холодно. Вон ветер какой поднялся. Пейте чаёк, согревайтесь. И укладывайтесь отдыхать, я вам уже постелила. Белье чистое, свежее, лесом пахнет, – обха-

живала гостей Розина.

– Благодарю, очень мило с Вашей стороны. Мы действительно промёрзли. Ездили по делам князя. Задержались. Припозднились, вот и домой не попали. Благодарю Вас за приют и такой тёплый приём, – управляющий говорил без умолку, а сам присматривался к Розине. Чечилия сразу это подметила. И тут же подумала:

– А вдруг посватается к Розине, чем чёрт не шутит?

– Какой ароматный чай! Сразу не определишь, из каких трав. Настоящий букет. Варенье чудесное. И хлеб такой необычный, вкусный. Наш повар такой не печёт, – нахваливал управляющий.

– Это всё Розина, её дело рук, она у нас мастер! – с гордостью ответила Чечилия. – Я давно ничем не занимаюсь. Хвораю помаленьку, знаете.

– О, так Вы – мастерица! – восторгался управляющий, обращаясь к Розине. Он вращал головой то в одну, то в другую сторону, стараясь поспеть за Розиной.

– Ничего особенного, обычные домашние дела, – скромно ответила Розина, не предавая значения словам управляющего.

Управляющий с помощником завершили трапезу и удалились на покой.

– Вот такая служанка нужна нашему князю: всё умеет, всё знает. Обучена манерам, правильному поведению. Я сразу заметил.

И скромная. Находка! Он давно говаривал, что хочет служанку, которая была бы ему другом. Эта девушка идеальный вариант.

– И учтива, – пополнил перечень помощник. – Думаете, поедет с нами? – спросил он. Помощник оказался не по годам предприимчивый.

– Она не так проста, как показалась поначалу. Даже и не знаю, что сказать, – задумался управляющий.

Вскоре они улеглись и мирно уснули.

А Чечилия донимала Розину:

– Если предложит тебе, выходи, не думая. Не весь же век тебе в лесу куковать.

– Успокойся, тетя. Ничего он мне не предложит. С какой это стати? Он из знатных, а я служанка Розина. Понимаешь? Не тешь себя надеждой и меня не тревожь. У меня и без того нелегко на душе. Всё думаю о Пальмиро. Как там наш мальчик? Не болеет ли? Хорошо ли ему у отца, не обижает ли кто? – делилась с тётёй прозорливая Розина. Её душевный покой будоражило материнское чутьё.

– Сама отдала ребёнка, чего уж теперь слёзы лить? – раздражённо ответила Чечилия. В глубине души она не простила Розине. Её поступок считала легкомысленным и преждевременным.

Утром, перед отъездом, управляющий выкроил время, удобный момент и подошёл к Розине. Он взял её за руку и по-дружески сказал:

– Послушай меня, Розина. Хочу предложить тебе место служанки в нашем имении. Князь Болондин – прекрасный, добрейшей души человек. Ему нужна такая трудолюбивая помощница, мастерица на все руки, как ты. Он нуждается в преданном друге. Ты бы за ним присматривала, помогала во всём. Когда почитала, когда на прогулку вывела. А когда и отвлекла от плохих мыслей. Если согласишься, я пришлю за тобой карету. Обижена не будешь, ручаюсь. Зря слов на ветер не бросаю. Слово чести.

– Я бы поехала. Почему не помочь хорошему человеку? Но тётушка болеет, не могу оставить её без помощи, бессердечно это, – объяснила Розина.

– А ты бери тётю с собой. Дадим ей пристанище. Будет у тебя на виду, сыта, присмотрена. У нас и лекарь свой имеется. Соглашайся, Розина, – уговаривал управляющий.

– Если так, то поеду. Присылайте по весне карету. Нынче ей тяжело, не перенесёт дорогу, – объяснила Розина.

– Хорошо. Так и сделаем. Очень рад, что ты согласилась. С первыми лучами весеннего солнца пришлю за вами человека.

Он вас и доставит на место. А я по возвращению обрадую нашего князя. Тоскливо ему. Овдовел, стареет, болеет, – рассказывал управляющий.

– Сочувствую. Нелегко ему. Здоровья вашему князю. Присылайте человека, будем ждать. Храни вас, Господь, – пожелала Розина, провожая гостей.

Имение князя Болондина

«...и тихонько плачет, и тихонько плаче-ет он в пусты-ы-не, в пусты...не».

Князь тихо задумчиво с выражением допел, растягивая последнюю строчку знаменитого хорового произведения «Утёс», а взор его унёсся далеко-далеко от этих мест. Торжественно зазвучал многоголосный заключительный аккорд, и в его представлении во всей красе предстала старая Русь с золотыми куполами, перезвоном колоколов и гроздьями цветущей сирени.

По щеке побежала скупая слеза. Князь продолжал смотреть куда-то вдаль, не шевелясь. Своими корнями он уходил в старинный русский княжеский род – Болондиных. Правда, на итальянский манер его называли – Карло Болондини. Самого Кирилла Петровича судьба забросила в Италию ещё в молодости, где он осел и пустил корни. Так он и жил вдали от родных мест.

Кирилл Петрович вдовствовал. Сыновья-соколы разлетелись, кто куда. А он вёл размеренный неспешный образ жизни, соответственно своему возрасту и положению.

Раздался стук в дверь, который отвлёк князя от его мыслей.

– Входите, – мягко произнёс Кирилл Петрович.

Дверь приоткрылась, вошла Розина.

– Синьор Карло, доброе утро, я принесла завтрак.

– Спасибо, Розина, поставь на стол. Что-то нет аппетита, – поделился князь с Розиной.

По интонации его голоса она поняла, князь опять затосковал.

– Есть аппетит, нет аппетита, а принимать пищу необходимо. Гляньте, как исхудали. А после завтрака выйдем на террасу, я почитаю Вам, а Вы, этим временем, подышите свежим воздухом. Такая благодать сейчас у воды, но Вам ещё трудно, понимаю. Ничего будем дышать здесь, – рассуждала Розина вслух, а сама расстелила на столе белоснежную льняную салфетку. Поставила небольшое овальное блюдо с солнечной полентой, нарезанной порционно, тарелочку с сыром, который князь ещё с молодости очень любил и миниатюрную чашечку с кофе, из которой тянулся вверх лёгкий пар. По комнате разнёсся горьковатый аромат.

Розина ухаживала за князем с тех самых пор, как он заболел.

Она была грамотной, хорошо воспитанной, многое умела, благодаря усилиям покойной Флоренс. Управляющий князя, руководствуясь этими критериями, сразу разгадал загадочную душу Розины. Он ещё там, в лесу понял, что такой человек, как Розина сумеет скрасить жизнь князя, поэтому и принял её на работу. Розина сочувствовала Кириллу Петровичу, делила с ним его переживания. Больше никого он к себе не допускал.

Иногда наведывался лекарь, так, больше для блезира. На-

значал новые микстуры, беседовал с больным, расспрашивая о его самочувствии и уходил. Но всё оставалось как и прежде. Душа князя маялась, от этого и тело страдало.

Розина сумела расположить к себе Кирилла Петровича, он доверял ей. Благодаря Розине, он соблюдал предписанный распорядок приёма пищи, чередующийся с отдыхом, воздушными процедурами на террасе. Она подолгу беседовала с ним на интересующие его темы, читала ему. Так они подружились.

– Повинуюсь, – сказал князь, поднимая глаза на Розину. – Ты умеешь уговорить, из тебя бы вышел прекрасный дипломат, – предположил князь.

Розина улыбнулась, чуточку приподнимая уголки губ, ничего не ответив на слова князя. Сама, этим временем, накрывала на стол.

– Пожалуйста, присаживайтесь. Приятного Вам аппетита.

– Благодарю, – ответил Кирилл Петрович вяло, подходя к столу и опускаясь на стул с высокой спинкой.

Всё тайное когда-то становится явным

Прошёл ещё год. Наступило лето. Управляющий по делам князя Болондина прибыл с визитом в графство Делла Конти.

К слову замечу. В России управляющего князя Болондина звали Николай Владимирович Платонов. А в Италии его величали – Николо.

Самого графа на месте не оказалось. Управляющего приняла его супруга – графиня Патриция. Они обменялись новостями. Поговорили о делах. Управляющий уже собирался уезжать, как вдруг вспомнил:

– Графиня, Вы знаете, мне, наконец, удалось найти превосходную служанку для князя. Мы так ею довольны. Она сравнительно недавно у нас, но мы все её полюбили. Манерами, воспитанием она резко отличается от обычных слуг, особенно их поведения. Она образована. Скорее напоминает хорошо воспитанных барышень. Если не ошибаюсь, она из ваших мест.

– Что Вы говорите, Николо? Нынче хорошая служанка на вес золота. Как правило, они ленивы и безразличны к своим обязанностям. За ними нужен глаз да глаз, – высказывала графиня свою точку зрения по этому вопросу. – Я думаю это везение, благословение свыше. Где же Вы нашли её? – заинтересовалась Патриция.

– Не поверите. В лесу, – ответил Николай Владимирович.

– Где?! – удивилась Патриция.

– Да, да, не удивляйтесь. Она там жила со своей тётушкой. На поляне недалеко от леса стоит их домик, – подробно доложил управляющий князя.

– Как интересно, – сказала Патриция и вдруг задумалась. А как зовут вашу служанку, сколько ей лет? – спросила она машинально.

– О, имя у неё очень красивое, как песня. Розина, – ответил он пафосно. – На вид ей лет двадцать, а может быть девятнадцать. Вы знаете, я так торопился, нанимая её на работу, что и не спросил о возрасте.

– Как? Как звать её? – переспросила Патриция, выпучив глаза и раскрыв рот. Вы не ошибаетесь?

Графиня поняла, совпадений быть не может.

– Нет. А что случилось? – растревожился Николай Владимирович. -

Вы знаете о ней что-нибудь недостойное? – не на шутку заволновался управляющий.

– Нет, нет. Не в этом дело, – быстро ответила Патриция.

– В чём тогда дело? – не отставал управляющий. – Уважаемая графиня, Вы только, пожалуйста, ничего от меня не скрывайте. Я на свои плечи возложил большую ответственность. Приставил эту девушку к князю. Мне бы не хотелось... – заикаясь, произнёс он.

И тут Патриция сделала жест рукой, перебивая его.

– Николо. У Вас нет никаких причин для волнений, – произнесла она медленно, не торопясь. Внезапно графиня изменила интонацию:

– Вы можете доверять этой девушке, как мне. Она выросла на моих глазах. Я её приставила к своей кухне, и та ею была очень довольна. Они стали близкими подругами. Я могу поручиться за неё князю, если это потребуется, – возбуждённо говорила Патриция.

– Даже так? Тогда, позвольте спросить, почему же Вы, говоря о ней, так волнуетесь? С ней связаны какие-то воспоминания, я правильно Вас понял? – не унимался дотошный Николай Владимирович.

– Мне трудно в двух словах изложить суть моих волнений. Отложим этот разговор на время, прошу Вас, – попросила графиня.

– Как Вам будет угодно, – сказал управляющий, соблюдая этикет. Распрощался и уехал.

Патриция пребывала в растерянности. Она не понимала, почему Розина и Флоренс не вернулись домой.

– Что могло такое случиться, что заставило их остаться у тётушки?

И в течение стольких лет даже весточки не прислать! Не понимаю. Это так не похоже на мою кузину. И Розина всегда была такой внимательной, – думала графиня.

– О, Боже, я даже не спросила его о Флоренс. Так, я немедленно еду к князю и сама обо всём расспрошу Розину, – произнесла она вслух. Патриция отправилась в свои апартаменты собираться в дорогу.

В это время вернулся граф Риккардо. Он был не в духе. Что-то не ладилось у него в делах. Граф на ходу делился с женой последними новостями, и Патриция, желая успокоить супруга, отложила поездку в имение князя Болондина

Утро следующего дня ничем не отличалось от предыдущего.

Стоял прекрасный летний день. Солнце ещё не припекало.

В воздухе витал лёгкий нежный аромат летних растений. От воды доносился приятный ветерок. А в графстве Делла Конти каждый занимался своим делом.

Патриция не стала откладывать поездку на послеобеденное время, и сразу после завтрака отправилась к князю.

Графу она ничего не сообщила, решила сама всё проверить, во всём разобраться.

Миновал час, как Патриция прибыла в имение князя Болондина.

Он любезно её принял. Они мирно беседовали.

Подошло время обеда.

– Дорогая графиня! Отобедайте со мной. Этим Вы скрасите моё одиночество. Трапеза приобретёт праздничность, – предложил князь. – С тех пор, как моя супруга почила в бозе, ощущение семейного уюта навсегда утеряно мною, – растрогался Кирилл Петрович. – Я так люблю Ваши визиты. Всегда ожидаю их с большим нетерпением. Мне так хорошо в Вашем обществе, – разговорился, скупой на слово и сдержанный в эмоциях князь. Кирилл Петрович пребывал в хорошем настроении, но взгрустнул немного от внезапно нахлынувших воспоминаний. Он уважал супружескую чету Делла

Конти. Их связывали добрые многолетние отношения.

– С удовольствием отобедаю с Вами, дорогой Карло, – ответила Патриция, откликнувшись на предложение князя. Она искренне сочувствовала ему.

– Карло, Вы прекрасно знаете, как я отношусь к Вам. Мой супруг почитает Вас. Встречаться с Вами, бывать в Вашем доме для нас большая честь и превеликое удовольствие, – отреагировала Патриция на слова князя, обменявшись с ним любезностями. Но на сей раз, эти слова прозвучали не для красного словца, как того требует негласный закон приличия, или для протокола, а искренне, от всего сердца.

– Благодарю Вас, душа моя. Вы пролили бальзам на мои раны, – сказал князь вдохновенно. – Пройдёмте, пожалуйста, в столовую, – как радушный хозяин пригласил он.

Князь сделал над собой усилие, поднялся, подошёл к Патриции и предложил ей свою руку. Графиня улыбнулась ему, встала, взяла князя под руку, и они направились в столовую.

А там Розина хлопотала, сервировала стол к обеду.

Графиня, увидев Розину, замедлила шаг. Затем остановилась, но, не желая привлекать внимание князя, прошла вперёд. Князь поначалу не заметил изменений в состоянии графини, подвёл её к столу, отодвинул стул и дождался, пока она сядет.

– Благодарю, Вас, – сказала графиня.

После этого князь степенно направился к своему месту. А она не сводила глаз с Розины. Патриции не верилось, что

это действительно та самая Розина, которую она знала с пелёнок, маленькой девочкой. Затем эта девочка выросла, на её глазах превратилась в девушку и в одночасье покинула их гостеприимный дом, графское имение, своего отца.

А Розина, как всегда напевая себе под нос, полностью погрузилась в сервировку стола, и не заметила, как князь вошёл в столовую с дамой.

– Розина, у нас сегодня праздник. Графиня Патриция Делла Конти согласилась разделить со мной обеденную трапезу, – торжественно объявил князь. – Я думаю, вы знакомы, – предположил Кирилл Петрович. – Николай Владимирович рассказывал, что ты родом из их мест.

После этих слов, Розина окаменела. Из её рук выпали столовые принадлежности и с грохотом попадали на пол. Девушка побледнела, пошатнулась. Другой рукой ухватилась за стул, что находился рядом. Розина растерялась, она не знала, что ей делать. Первая мысль, которая посетила её голову:

– Бежать! Бежать! Скорее!

– Розина, ты, что же не узнаёшь меня? – негромко спросила Патриция.

Розина отреагировала на голос графини, повернулась к ней лицом. Подняла на неё глаза и расплакалась. Бросилась к ногам Патриции и рухнула на колени со словами:

– Простите, Бога ради. Простите меня, синьора. Я ни в чём не виновата, верьте мне. Это такое горе... я с трудом его пережила.

Я не хотела наносить Вам и графу страшный удар. Вы так добры со мною были. Она говорила, не останавливаясь. Слезы ручьём текли по щекам, а Розина не замечала их. Она рыдала навзрыд.

Князь сидел в растерянности, не понимая, что происходит, подспудно сочувствуя Розине.

– Дитя моё, не надо плакать. Успокойся, пожалуйста, – дрожащим голосом произнёс он.

Патриция поняла, случилось нечто из ряда вон выходящее. Будучи великодушным человеком, она обратилась к Розине, искренне сочувствуя ей:

– Милая моя! Успокойся, пожалуйста. Я не намерена тебя наказывать. Я приехала повидаться с тобой. Расспросить обо всём. Не надо плакать. Вспомни, я всегда была тебе другом. И своего отношения к тебе не изменила.

Мы действительно очень беспокоились, когда вы пропали. Пытались вас искать. Адреса твоей тётки я не знала. Отец твой занедужил, лежал в бреду, долго болел и ничего толком объяснить не смог. Так мы потеряли вас из вида. Я в глубине души надеялась, что вы объявитесь или весточкой дадите о себе знать, – подробно, не спеша, рассказывала Патриция. – Вчера, когда управляющий князя сообщил мне, что ты здесь, я так обрадовалась. Сразу решила навестить князя и убедиться, что речь идёт именно о тебе. В глубине души поселилось сомнение. Оно терзало моё сердце. Думала, что и на сей раз не найду вас.

Патриция посмотрела на князя и мягко попросила:

– Карло, дорогой! Не сделаете ли Вы мне любезность?

– Всё, что попросите. Я к Вашим услугам, – ответил князь, как истинный дворянин, проявляя готовность прийти на помощь даме, в данном случае, графине.

– Благодарю Вас, – с удовлетворением произнесла Патриция. -

Вы не могли бы оставить меня наедине с Розиной, совсем не надолго? Мне необходимо поговорить с ней. Один щекотливый вопрос не даёт мне покоя. В Вашем присутствии она сконфузиться и разговор не получится, – деликатно пояснила графиня.

– Да, да, конечно. Уже удаляюсь. Жаль только, обед остынет, – посетовал князь.

– Нет, нет, не беспокойтесь. Я попрошу повара, он согреет. Мы сию минуту будем обедать, – пообещала графиня.

Князь медленно, измеряя шагами столовую, удалился.

– Розина, пожалуйста, поднимись с колен, – попросила Патриция.

Девушка послушно встала.

– Садись и по порядку расскажи, что у вас произошло.

Что случилось? Не бойся. Обещаю тебе, чтобы ты мне не сказала, я сердиться не буду. Тем более, не стану тебя наказывать. Я не для этого сюда приехала. Говори, всё говори, без утайки. Слушаю тебя очень внимательно.

Патриция действительно была далека от крайних мер.

Она никогда не была мстительна, злопамятна. Нет. Её доброта давно всем была известна. Некоторые эксплуатировали её добродетели, выгадывая для себя поощрения. К тому же, она испытывала к Розине родственные чувства. Ей удалось расположить девушку. Устранить страх, терзавший душу все эти годы. И Розина шаг за шагом, с самого начала романтических отношений Флоренс и Марио изложила Патриции печальную, трагическую историю, которая приключилась с её лучшей подругой. В глубине души она считала Флоренс сестрой.

Розина умолкла. Слезы струились по щекам маленькими водопадами. Она сокрушалась и кручинилась по умершей Флоренс, которую нежно и беззаветно любила. А теперь другая тоска бередила её душу. Розина всем сердцем любила сына Флоренс, очень тосковала по крошке Пальмиро. Когда-то она спасла мальчику жизнь, потом трепетно растила его, отдавая всю себя без остатка. И своими собственными руками передала малыша отцу – синьору Марио де Росси, желая сыну Флоренс лучшей участи.

Наступило гробовое молчанье. Патриция расчувствовалась. Достала из своего ридикюля кружевной платочек и по минутно прикладывала его к глазам.

– Бедная, бедная моя Флоренс. За что? Почему? Как это всё ужасно. Кто бы мог подумать? А мы ничего не знали, ничего не замечали. Какая чудовищная судьба!

Её родители трагически погибли, когда Флоренс была

крошкой. Теперь она, непостижимо... Как мы после всего этого будем жить? – горевала графиня. Эта ноша каменной глыбой легка на моё сердце. Боже мой, Боже мой! Что я скажу графу? Как откроюсь ему? Он так любил Флоренс, как свою родную дочь, – сокрушалась Патриция. И вдруг она опомнилась.

– Розина, а где же малыш, которого ты воспитывала? – спросила она.

– Я его отдала отцу – синьору Марио де Росси, – ответила Розина.

– Почему? Мальчик мог жить в нашем имении, вместе с тобой и твоей тётёй. У нас и няни есть. Насколько я помню, Марио женат. И его супруга, – графиня запнулась. Как это сказать поделикатнее?

Понимаешь, дорогая Розина, супруга Марио не очень приветливая женщина. У нас с ней не сложились отношения. Она не выдержанна, резка, груба. Далекое не всегда её выходки совпадают с теми нормами поведения, которые заведены у нас. С тех пор, как он женат на ней, всё окружение Марио и его родителей, перестало бывать в их некогда гостеприимном доме. Я не думаю, что мальчику будет хорошо у них. Во всяком случае, не лучше, чем у нас, в этом нет сомнений. Уверяю тебя. Мы его прямые родственники. Мне думается, Розина, ты поторопилась, совершив необдуманый поступок.

Вступать в конфликт с Марио я не намерена. Он не от-

даст ребёнка. У него в браке детей нет, – рассуждала графиня вслух.

Что же нам делать? – вопрошала раздосадованная Патриция.

– Вы знаете, синьора Патриция, – отвлекла её Розина.

Пальмиро унаследовал материнскую внешность, он очень похож на Флоренс. Такой красивый мальчик. И такой ласковый, как девочка. Я без него страдаю. Прикипела к нему всей душой. Очень скучаю по нему. Представьте, мы с ним не расставались ни на минуту. Он и ночью любил со мной спать. Бывало, заберётся в мою постель и там засыпает. Я прихожу, ложусь потихоньку рядышком. Он – хитрец, обхватывает меня своими пухленькими ручонками, прижимается и на груди засыпает. Флоренс бы ему не нарадовалась. Он спокойный, хороший мальчик. Не будет обузой отцу. Синьор Марио пообещал мне, что создаст сыну все условия. Будет уделять ему внимание, распрощается со своими бесконечными путешествиями. Сказал, что сам желает растить сына.

– Дай-то Бог, чтобы оно так и было, – недоверчиво произнесла графиня.

Патриция оказалась права. Её сомнения имели под собой почву. Она как в воду глядела. Жена Марио Росси, узнав о ребёнке, приревновала супруга к мальчику. А когда увидела, как ребёнок похож на бывшую пассию Марио, просто сошла с ума. Стала ревновать супруга к покойной Флоренс. От злости, от зависти, которую она испытывала ко всем, в том

числе и к Марио, она в полном смысле слова, утратила рассудок. Поначалу Франческа всячески вредила Марио. Затем приняла решение отомстить безнадежно утерянному супругу. Но как? Ей недолго пришлось гадать и искать приемлемый вариант.

Маленькое отступление.

Франческа обожала вкусно поесть. Меры в еде она не знала. Видимо, так она залечивала свои душевные раны, заедала все свои обиды. Если учесть тот факт, что она весь день проводила в постели, вставая лишь к трапезам и изредка на прогулки, легко можно себе представить её внешний облик. Результат, как говорится, на лицо. Она выглядела тучной, рыхлой, тяжеловесной, гораздо старше своих лет. Однако этот факт не омрачал её настроения, она не предавала ему никакого значения и не обращала внимания на это. От удовольствий не отказывалась. Франческа любила сладости, крепкое вино, жирные сыры, всевозможные десерты, картофель во фритюре, а из мясных блюд отдавала предпочтение блюду под названием сальтимбокка – *saltimbosca alla romana*.*

*Историческая справка

Традиционная римская сальтимбокка – очень вкусный рулет из телятины. *Saltimbosca* в переводе означает – “прыгай в рот”.

Небольшой кусок слегка отбивают плоской стороной ножа, обжаривают на оливковом масле. На каждый кладут пол-

листика шалфея и ломтик прошутто – пармской ветчины. Сворачивают рулетом, скрепляют шпажкой. Тушат в белом вине и подают с овощами, рисом, приправленным шафраном, картофельным пюре или со спагетти.

Из напитков подают красное вино «Кьянти» или изысканное Монтепульчано.

Аделина, – как говаривала Франческа, – мой верный страж.

Так она полагала. В этом вопросе Франческа дала промах, оказавшись неопытной и недалёковидной, нанимая прислугу.

Заглянуть кому-либо в душу, поняв все тайны – невозможно. Тем более, если человек умело скрывает свои мысли и чувства. Аделина вела себя очень осторожно, всячески угождая госпоже, не выдавая своих истинных намерений. Старая служанка прекрасно готовила излюбленное блюдо Франчески. Желание госпожи для неё было законом. Она при ней выполняла функции лакея.

Как-то подавая на обед её любимую «Сальтимбокку», служанка уловила подходящий момент и поинтересовалась:

– Синьора, как Вы себя чувствуете?

– Плохо, – лениво ответила Франческа, поднимаясь с постели.

– Последнее время Вы пребываете в расстроенных чувствах.

Я вижу. В чём причина? Вы знаете, я всегда Вам помогала, когда словом – правильным советом, а когда и делом. Расскажите, что стряслось? – тоном безликого лакея расспрашивала Аделина. – Что растревожило мою госпожу? – заискивала Аделина, помогая Франческе одеться.

– Разве ты не знаешь? Мой полоумный супруг привёз в наш дом подкидыша. Уверяет, что это его сын. Я и раньше слышала от матушки Марио, что у него был умопомрачительный роман с родственницей графа Риккардо Делла Конти. Он её страстно любил и возжелал связать с ней свою жизнь. А его родители воспротивились. У них было устное соглашение с моим отцом. Правда, я не представляла, что у Марио с этой девицей всё так далеко зашло. Вот тебе и нравы. А ещё родственница графа, почитаемого и уважаемого человека в обществе. Вот вам и высший свет... – надсмехалась Франческа. Какой позор! Недосмотрели, выходит. Ты знаешь, я полагаю, она нажила ребёночка с кем-нибудь другим. У нас ведь нет детей, значит, Марио никак не может быть отцом её ребёнка, – рассуждала она. Франческа и не задумывалась над тем, что сама является причиной отсутствия детей в их семье.

– Я думаю, настоящий виновник отказался, не захотел признать себя отцом, вот она и навязывает мальчонку Марио, – заключила Франческа, глумясь над чувствами Флоренс и Марио.

– А мне теперь, что прикажешь делать? Я не собираюсь

держат в своём доме подкидыша. Пойдут разговоры, пересуды. Какой стыд. Что в обществе скажут? – возмущалась Франческа.

– А Вы не робейте. Не робейте, говорю я Вам. Надо известить мальчонку, пока мал, – внезапно предложила Аделина.

– Ты это о чём? – спросила Франческа, будто не понимая. А сама глаза увела в сторону, чтобы Аделина не увидела, – она от неё именно этого ждала.

– У меня есть знакомый знахарь, который помогает излечиваться от недугов. А кому и зелье приворотное варит. Кому и яд... – произнесла служанка со значением и посмотрела на свою госпожу, ожидая её реакции. Франческа испуганно посмотрела на Аделину.

– Правда шальной он, девок любит. Ох, любит! – продолжила Аделина свой рассказ, смакуя. – Вы его щедро вознаградите, он Вам всё приготовит, – настраивала она госпожу.

– За ценой не постою, – заверила Франческа служанку. – А не подведёт? – спросила она.

– Он честный. Коль берётся, выполняет на совесть. Только Вам к нему придётся идти самой. Мне туда заказана дорога, – предупредила Аделина.

– Что так, грешна? Боишься? – неожиданно спросила Франческа.

– Как не быть? Грешна, каюсь, и побаиваюсь тоже. Люди обиды не забывают и не прощают, – ответила Аделина, отворачиваясь, чтобы Франческа не увидела накатившихся слёз.

– Чего это ты вдруг? – брезгливо спросила Франческа. – Никогда не видела тебя с мокрыми глазами. Стареешь... – злобно подметила она. Попробую прибегнуть к твоей помощи, – после обдумывания решительно сказала Франческа. – Только принеси мне свои вещи. Не поеду же я к нему в барских нарядах.

– Слушаюсь, синьора. Всё сделаю, как скажете, всё принесу.

И знахарю весть пошлю, чтобы ожидал Вас, – заверила госпожу Аделина.

Не рой другому яму

В назначенный день Франческа прибыла к знахарю. На ней было бедное одеяние. Аделина посоветовала ей заплести косу, чтобы походить на деревенских девушек. Франческа смыла с себя белила, румяна. Не наводила брови. Аделина подробно рассказала ей, как найти домик знахаря. Франческа приказала кучеру:

– Ждать, пока не вернусь.

А сама пошла по тропке, следуя точному описанию Аделины.

Жил знахарь на отшибе, обособленно. О нём ходила дурная слава. Деревенские жители его не любили и боялись. Пугали им детей. Если, кто его и навещал, так только по острой надобности и не по своей воле. Всякое случалось. Ходили слухи, что он зазывал к себе девушек, которых встречал в ле-

су или у колодца. Опаивал их снадобьем. После этого они на какое-то время пропадали бесследно. Близкие мысленно хоронили их, а потом девушки возвращались, но потерявшие рассудок либо прокажёнными – с венерическими болезнями. Как правило, девушки вскоре умирали. Хоронили их в стороне от кладбищенской ограды.

Франческа всего этого не знала. Аделина скрыла от неё столь интимные подробности. Недолюбливала служанка свою госпожу, ох, недолюбливала, но умело это скрывала. Случай представился. Вот и отправила Аделина Франческу, загодя зная, на что.

Франческа крадучись подошла к домику знахаря и, как велено было, постучалась в оконце три раза. Заходили засовы, распахнулась дверца, и она увидела перед собой страшн-лице. Страх всецело охватил её. Она поледенела.

В руках знахарь держал лампаду, которая освещала все его прелести. Маленького росточка, приземистый, сутулый, лысый с отвратительным лицом. Узкие крошечные глазки-щёлочки, запавшие в глазные впадины, почти не просматривались. Лишь стальной, какой-то нездоровый блеск обращал на себя внимание. На фоне впалых щёк вырисовывались скулы, подпиравшие глаза. Носа не было. Вместо него остался расплывшийся отросток непонятной формы. Он только и напоминал о том, что на этом месте когда-то был нос. Создавалось впечатление, что птица поклевала кожу на его лице. Кожа была усеяна засохшими корками от ран, ко-

торые время от времени кровоточили. Зубов во рту почти не было.

– Какая лапонька, – проговорил он гнусаво. – Аделина знает, кого присылать, – обрадовался знахарь. – Упитанная такая, прелесть моя, – принялся он за своё, не теряя времени зря. – Входи, входи. Чего стоять на пороге? Я рад таким дорогим гостям, – произнёс он, заискивая. Схватил Франченку за руку, словно зажал в железные тиски и втащил в свою конуру. Франческа подчинилась. Её охватил такой ужас, что она не понимала, что делает.

В конуре знахаря стоял тяжёлый спёртый удушливый запах.

– Аделина прислала мне весточку и указала в ней, чтобы я приготовил ядку, но такого, чтобы человек умер не сразу, а постепенно, – смаковал он.

– Не человек, а ребёнок, – поправила его Франческа, немного опомнившись.

– Понял, понял, – скороговоркой проговорил знахарь и засуетился у стола.

На полках над столом стояли различные по форме и размеру мензурки с тёмными жидкостями. Одни по консистенции напоминали чай, другие желе, третьи, – джемы. Настои также отличались друг от друга насыщенностью цвета. Среди них были и светлые, прозрачные растворы. Все мензурки были закрыты деревянными пробками. На многих из них углём сделаны надписи.

– Сейчас, сейчас, моя кисонька. Я приготовлю твой заказ. Ты будешь довольна, – произнёс он, противно хихикая.

Знахарь снял с полки одну мензурку. Отлил немного заготовленного отвара в маленький пузырёк, покрутил его перед глазами на свету, перелил в ковшик и поставил на печку.

– Немного выпарится. Добавлю к нему сладенького сиропчика для вкуса. И яд готов.

– Для чего это нужно? – спросила Франческа.

– Как для чего? Сладше умирать, – пояснил он, скривив противную гримасу.

– Аделина объяснила Вам, что смерть не должна наступить сразу, чтобы никто ничего не заподозрил, – напомнила Франческа.

– Не волнуйся, лапонька. Долго умирать будет твой ребёнок, долго, – ответил он лилейным голосочком.

Над ковшиком дымкой поднялся пар, предвестник готовности яда. Знахарь снял с плиты ковш. Достал с другой полки, что была прикрыта занавеской, пустой маленький пузырёк. Перелил в него готовый яд, плотно закрыл пробкой. Поднёс к губам, тихо нашептал что-то непонятное. Франческа прислушивалась, но так разобрать и не смогла.

Закончив процедуру, он протянул Франческе пузырёк.

– А теперь, заплатите за выполненный заказ, – произнёс он повышенным тоном, на ходу меняя интонации голоса.

– Я готова, – ответила ему Франческа, доставая приготовленный мешочек с золотыми монетами. – Назовите цену, –

добавила она. - Будет этого мало, привезу ещё. И она протянула знахарю мешочек с золотыми монетами.

- Не-ет, моя дорогая. С Вас я этого не возьму, - резко заявил знахарь, становясь в позу, отшвыривая рукой мешочек.

- А что же тогда? У меня только золото. Могу предложить украшения, что на мне, - ответила Франческа, немного растерявшись.

- Ты не прикидывайся девственницей, - отчеканил он. - Аделина должна была тебя обо всём предупредить, - грубо кинул он в сторону Франчески.

- О чём предупредить? Она сказала, щедро вознаградить. Разве золотые монеты не щедрое вознаграждение? - удивилась Франческа.

- Для меня нет. Я с девушек и молодых женщин металла не беру. Ты приголубь меня, приласкай, и это будет самое лучшее вознаграждение, - заявил он язвительно, притягивая к себе Франческу. Всего разок. Ты не смотри, что я некрасив и не молод.

Я знаю, как обойти барышню, - продолжал он. - Что Аделина тебе ничего не рассказывала, как я ублажал её, когда она была девицей? - гримасничая, заявил он, раскрывая чужую тайну.

- Немедленно отпустите! Слышите? Вы мне омерзительны! - выкрикнула она.

Франческа пропустила мимо ушей его откровения. Она вырывалась и не подчинялась его неуместным поползнове-

ниями. Знахарь выпустил Франческу из своих цепких рук, в одно мгновение (в очередной раз) мастерски сменил тон и сказал:

– Если я тебе так противен, не надо. Я же не насильник какой-то там. Давай разойдёмся по добру по здоровью, – исподволь предложил он, усыпляя бдительность Франчески.

– Давай, лапонька моя, попьем с тобой травяного чайку. Я хороший чай завариваю. Побеседуем, как старинные друзья, и ты поедешь, а я останусь в одиночестве свой век доживать, – говорил он, суетясь у печи. Знахарь достал из мешка (под столом) сухих трав, понюхал каждую в отдельности, нахваливая. Сложил в бадью, залил водой и поставил на печку. Вода быстро вскипела, травы осели на дно бадьи, и по всей конуре знахаря разнёсся пряный, немного тёрпкий, сладковатый запах. Он пошептал над бадьёй. Перелил в сосуд и поставил на столе. Разлил в деревянные кружки, одну из них пододвинул Франческе. Пока он колдовал над приготовлением отвара, рассказал Франческе о прошлом Аделины.

– Она в юности была чертовски хороша собой. Ядрёная девка. Налитое яблочко. Жила в родительском доме. Её отец был знаменит в округе и за её пределами. Настоящий Мастер! Он создавал струнные инструменты. Его скрипки так пели, что доводили до слёз вельмож. Мозговитый, даровитый, рукастый. У него была большая клиентура. Они жили безбедно. Аделина считалась старшей дочерью в семье. Кроме неё было ещё четверо сыновей. Воспитывали их в стро-

гости. А Аделина с молодых ногтей отличалась строптивостью. Горласта, бойка и не подчинялась отцу. Её мать была хрупкой женщиной, настоящий ангел. Аделина всегда подсмеивалась над ней. Не понимала, почему мать всё терпит от отца, заглядывает ему в рот, полностью выполняет все его указания, просьбы. Аделина часто ссорилась с отцом. Провоцировала в доме скандалы. Отец запирал её в отдельной комнате и не разрешал выходить, пока не попросит у него прощения. А Аделина этого делать не умела да и не хотела. Гордыня повелевала ею.

Я совсем юным нанялся к её отцу в подмастерье. У меня с детства проявилась любовь к знахарству. Я собирал травы и готовил из них отвары, потом на себе проверял, как они действуют. Один раз чудом жив остался. Спас меня местный лекарь, который, узнав о моём увлечении, взял меня в ученики и передал мне свою школу.

Я ему обязан по гроб жизни. У отца Аделины я варил первоклассный лак, он обрабатывал им дерево, и скрипки пели. За что он меня и держал при себе на полном довольствии. Так мало-помалу я привык, прижился в их доме. Аделина меня опекала. Иногда помогала, с ней работа спорилась. Она пошла в отца, умением работать. Хорошо готовила, вкусно. Меня всегда угощала.

А в один из вечеров, когда все ушли в храм, пришла ко мне в комнату. Стала обнимать, целовать, липнуть. В результате произошло то, что должно было произойти. У неё и у

меня это случилось впервые, и мы не очень хорошо оценивали происходящее. Безусловно, мы скрыли наличие этого факта от её семьи. Спустя время, Аделина шепнула мне на ухо, что с ней что-то непонятное происходит. Она толстеет не по дням, а по часам, её подташнивает, голова кружится, слабость. Я догадался, что с ней. Нашёл нужную траву, сделал настой, дал ей выпить. То ли переусердствовал с пропорцией, то ли ошибся с травой. В один из дней Аделина залилась кровью, она умирала у меня на глазах. Это вызвало в семье переполох. Отец всполошился, вызвал лучшего лекаря, и он с трудом спас ей жизнь, предупредив, что детей у неё больше никогда не будет. С тех самых пор, она и возненавидела детей. Вот тогда-то и открылась правда. Отец Аделины не простил ей этого поступка, сказав, что она залила грязью, позором весь его род. В ярости он выбросил нас на улицу, не желая видеть в своём доме. Аделина нанялась служанкой к господам, а я помогал местному лекарю в приготовлении лечебных сборов. Потом переехал жить в другое место, там меня постигла неудача. Похотлив я по натуре. Вот и поплатился. А Аделина исчезла куда-то, и долгое время я о ней ничего не знал. Как-то мне рассказали, что одну служанку с треском выбросили за порог. Она положила глаз на молодого синьора и попыталась отравить его невесту. Но в последний момент ей помешали. Я сразу сообразил, что это дело рук Аделины и ждал, когда она объявится, подаст весточку. Она не изменилась.

– Я Вам не верю, – перебила его Франческа. – Аделина тихая, нетребовательная, услужливая. Зачем наговариваете на человека? Она у меня много лет служит. И ничего подобного я не замечала, – возразила ему Франческа.

– Наивная ты, девонька. Жизни не знаешь. Убеждён, Аделина и поныне, даже в таком возрасте промышляет тем же. Её не переделать. Он завершил рассказ и обратился к Франческе:

– Что-то Вы медленно пьёте, или чай мой не пришёлся Вам по вкусу?

В этот момент за окном защебетали птицы. Франческа повернулась в сторону окна. А знахарь, воспользовавшись удобным моментом, схватил с полки маленькую мензурку и подлил из неё немного настоя в чай Франческе. Быстро закрыл пробкой. Тут же на столе спрятал мензурку в горшок с полевыми цветами. Облегчённо вздохнул и сказал:

– Пожалуйте, госпожа, вот и чаёк подоспел, горяченький. – Откушайте чайку, – произнёс знахарь льстиво, подбостранно, искусственно изменяя интонации голоса.

Он изо всех сил стремился расположить Франческу, усыпляя её бдительность.

Франческа ни о чём не догадываясь, небольшими глотками пила чай и слушала пение птиц.

– Тихо у Вас тут и птицы поют... как в раю, – потеряв бдительность, ничего не подозревая, сказала она.

– Да, да, – гнусаво вторил ей знахарь, а сам с нетерпением

наблюдал за её поведением.

Всё произошло в мгновение ока. Появилась дурнота, голова закружилась. Франческу сильно тошнило, перед глазами поплыл туман. Всё расплылось. Она не контролировала ситуацию. Потом провал в памяти. И темнота. Она неестественно заснула, как умерла. Только продолжала дышать. Во сне, как в тумане, периодически ловила лицо знахаря. Её тело не подчинялось ей, лишь какие-то странные незнакомые болезненные ощущения волнами наплывали и отзывались во всём теле. И опять провал... Сколько она пробыла в забытьи, она не знала. Выходила Франческа из этого состояния очень тяжело. Её рвало, мучила сильная головная боль, ломило всё тело. Её знобило. Какое-то странное возбуждение периодически возвращалось к ней, и тогда она плакала, как беззащитное дитя. Знахаря в конуре не было.

Франческа вернулась домой совершенно разбитая, с трудом передвигаясь. В руках она держала пузырёк с ядом, предназначенный для Пальмиро.

Преступление против невинного...

Отлежавшись, немного отойдя от пережитого, утром следующего дня Франческа поинтересовалась:

– Аделина, что синьор, он дома?

– Сию минуту узнаю, моя госпожа, – ответила Аделина и ушла.

Вскоре она вернулась и сказала:

– Синьора, он уехал по делам имения. Так слуга доложил, – уточнила служанка. – Ступайте спокойно, – посоветовала Аделина, поторапливая госпожу.

Франческа улучила момент и отправилась на половину Марио.

Она, крадучись вошла в столовую. На столе стоял приготовленный для Пальмиро завтрак. Няня умывала мальчика после сна.

Франческа подошла к столу, открыла пузырёк с ядом и опрокинула содержимое в сок из свежих томатов. В это время в столовую вошла няня, держа за руку Пальмиро. Франческа от неожиданности выпустила из рук пузырёк.

– Поднять? – прозвучало у неё в голове. Нет, не буду, она увидит, – решила Франческа. Не глядя на пузырёк, чтобы не привлекать внимания няни, она отшвырнула его ногой под стол. Не заметят, – подумала Франческа, сама себя успокаивая.

Няня, увидев Франческу, удивилась, замедлила шаг, поздоровалась:

– Доброе утро, синьора!

Франческа не ответив ей, спросила:

– Элиза, Вы привели мальчика к завтраку?

– Да, синьора. Синьор Марио настоятельно предупредил меня, чтобы я соблюдала режим, – ответила няня.

– Так не теряйте время. Кормите его. Завтрак остынет, –

резко сказала Франческа и удалилась.

К вечеру у мальчика открылась сильная рвота, появился жар. Лекарь, осмотрев мальчика, не смог определить причину внезапной болезни. Он отпаивал мальчика микстурами, делал растирания, компрессы, ванны с травами. Ничего не помогало.

Так прошла неделя. Жар опускался и снова стрелой взлетал.

– В чём дело, Нунцио? Почему ни одно средство не помогает? – спросил Марио у лекаря, служившего у него в имении.

– Поверите, синьор Марио, за годы моей многолетней практики я ещё не встречал ничего подобного. Я перепробовал всё. Загадка, непостижимо, – рассуждая, ответил озадаченный лекарь.

Марио вызвал лекаря из города. Тот осмотрел мальчика, посоветовал промыть кишечник. Слуги принесли в сосудах воду.

И лекарь заставил мальчика (чашку за чашкой) выпить большую порцию воды, перемешанной с раствором, приготовленным им заранее. После этой процедуры у мальчика появились сильные колики в животе, началось расстройство желудка. При опорожнении кишечника, он упал без чувств, напугав отца и всех, кто был рядом.

К слову будет сказано.

Лекарь мыслил в правильном направлении. Вот бы сделать эту процедуру в самом начале болезни. За неделю яд успел всосаться в кровь. Свободно разнёсся по организму ребёнка и интоксикационные процессы остановить не представлялось возможным. Именно поэтому начались осложнения. Да, следует отметить. Яд, приготовленный знахарем по сложному рецепту, действовал не по сценарию обычного отравления. У мальчика начались судороги. Процесс шёл нарастающей.

– Я бы сделал мальчику кровопускание. В случае сильного отравления стоит спустить немного старой крови и давать пить, много пить, с добавлением глюкозы, – объяснял лекарь Марио.

– Так почему же Вы медлите, ничего не предпринимаете? – нервно спросил Марио. – Делайте что-нибудь, делайте.

– Синьор, мальчик сильно ослабел за неделю. Потерял в весе. Периодически у него наступает обморочное состояние. Вы же сами видите. Рискованно. Болезнь прогрессирует, и это удручает, – ответил городской лекарь, посматривая на своего коллегу.

Ближе ко второй неделе болезни температура опустилась ниже нормы. Рвоты, поносы прошли. Как видно процедуры всё же дали свой результат. Но судороги продолжали мучить ослабевшего ребёнка. Он больше не играл, не просил почистить ему или рассказать интересные истории. Не вставал с постели.

На третьей неделе у мальчика стали выпадать волосики на головке, и его роскошные локоны редели день ото дня. Выглядел он осунувшимся, сильно похудевшим, очень бледным, с тёмными кругами под глазами. Его некогда нежное личико приобрело сероватый оттенок. Бархатная гладкая кожа покрылась гнойничковыми папулами. Пальмиро погрузился в сон. Во сне часто бредил и звал Розину. Марио не отходил от сына. Когда он услышал, как Пальмиро во сне зовёт Розину, он решил во что бы то ни стало съездить за ней и уговорить переехать к ним.

Марио не на шутку испугался:

– Неужели Пальмиро заболел от тоски? Как же я не подумал об этом? Я виноват. Только я один виноват в том, что Пальмиро заболел. Тогда нужно было на коленях просить Розину поехать с нами. Мальчик вырос на её руках, любит её. А я разлучил их. Нет мне пощады, – терзался Марио. – Завтра же с раннего утра поеду за Розиной, – решил он.

Но жизнь вносит свои коррективы.

Утром няня позвала Марио и испуганно сказала:

– Я не понимаю, что с ребёнком. Он жалуется, что ему мало света, просит, чтобы принесли лампаду. Марио побежал к сыну.

Пальмиро лежал без движения. Его недетский взгляд устремился куда-то вдаль.

– Пальмиро, сынок, доброе утро, – сказал Марио дрожащим голосом. Выдержка отказывала ему.

– Вы что-то путаете, папа. Какое же утро? Ещё темно. Я попросил Элизу, чтобы она принесла лампаду, – потухшим голосом произнёс быстро повзрослевший малыш.

– Боже мой, что с тобой, сынок? Что тебя беспокоит, скажи мне? – спрашивал Марио, припав к постели сына.

– Ничего, ничего не беспокоит. Спасибо, папа, – тихо проговорил Пальмиро.

– Позовите лекаря. Ну, что же вы стоите? – кричал Марио. Он больше не руководил своими эмоциями. Скорбные мысли терзали мозг. Сердце вылетало из груди.

– Нет, – говорил он себе, – это невыносимо. Потерять ребёнка – единственное, что у меня осталось. Я не переживу этого.

Пальмиро ежеминутно напоминал ему Флоренс. Его присутствие согревало душу Марио.

Нунцио – лекарь, служивший в имении, первый осмотрел мальчика и развёл руками.

– Коллега, – обратился он к городскому лекарю, – взгляните. Зрачки не реагируют на свет, – пояснил он.

Городской лекарь открыл свой саквояж, достал из него инструменты. Внимательно обследовал глаза мальчика и подтвердил:

– Вы абсолютно правы, коллега. Мне нечего добавить, – сказал он. – Я сожалею, синьор, – обратился он к Марио. – Но на сей раз мы бессильны. Есть неизученные болезни, которые мы не умеем разгадывать и лечить. Мне очень жаль.

– Вы подписали моему сыну приговор? – твёрдым голосом спросил Марио, с трудом сдерживая рыдания.

– Нет, синьор. Будем искать. Но на это потребуется время. А как себя поведёт организм ослабленного болезнью ребёнка, мы не знаем, поэтому не можем ручаться за конечный результат. Повторяю, будем искать. Я сейчас же отправляюсь в город. С Вашего позволения переговорю с другими специалистами, будем созывать консилиум. Очень тяжёлый случай, – предупредил он.

– Дорогой мой! Я доверяю Вам и полагаюсь на Вас. Созывайте консилиум. Обещайте им любое вознаграждение, только помогите моему сыну, – умоляюще произнёс Марио.

– Нунцио, прошу тебя, пока синьор Клаудио вернётся, не отходи от Пальмиро, – приказал Марио.

– Слушаюсь, синьор. Не извольте, пожалуйста, беспокоиться.

Разговор с няней

Марио поднялся очень рано. Тревога закралась в его душу, и он не мог спать. Марио бесшумно подошёл к постели спящего Пальмиро. Нагнулся над ним, прислушиваясь, как мальчик дышит.

– Синьор, я должна Вам сообщить нечто очень важное, – сказала няня, сидящая у постели ребёнка. Я понимаю, мне надо было поговорить с Вами гораздо раньше, но я не решалась, – обратилась Элиза к Марио.

– Давайте выйдем, не будем ему мешать. Его сон поверхностный. Он так тяжело дышит. Бедный мой мальчик, он и во сне не отдыхает, – произнёс Марио шёпотом, выходя из спальни Пальмиро.

– Что Вы хотели мне сказать? – спросил он у няни.

– В том день, Вы помните, когда наш малыш занемог?

– Помню, как не помнить? – ответил Марио удивлённо.

– Так вот в тот самый день произошло очень странное событие, – волнуясь, она начала свой рассказ.

– Что Вы имеете в виду? Что произошло? Какое событие? – недоумевал Марио.

– Вы только не расстраивайтесь, синьор Марио, – успокаивала няня, стараясь смягчить удар. – Утром я принесла из кухни завтрак для Пальмиро. Поставила поднос на стол в столовой. И ушла будить Пальмиро. Так я делаю каждый день, с тех пор, как ухаживаю за Пальмиро. Мы с ним побеседовали, пока я его одевала. Вы знаете, синьор Марио, у мальчика в то утро было прекрасное настроение, – вспоминала Элиза. – Затем я его умыла. И мы отправились в столовую на завтрак.

Элиза остановилась. В её поведении ощущалась неловкость. Похоже, она внутренне боролась сама с собой, не будучи уверенной, надо ли рассказывать барину о происшедшем.

– Элиза, я Вас слушаю, – поторопил её Марио.

Она подняла глаза на Марио и продолжила:

– Когда мы вошли в столовую, я увидела синьору Франческу.

– Простите, а что она там делала? – громко спросил Марио, воспринимая эту новость в штыки. Всё, что касалось его отношений с Франческой, вызывало в нём негативную, болезненную реакцию.

– Она не бывает на нашей половине, непонятно, – насто-рожился Марио.

– Не знаю, синьор. Я тоже очень удивилась. Она стояла у стола.

В руке, которая зависла над стаканом с соком для Пальмиро, она что-то держала, но рассмотреть мне не удалось. Синьора сильно сжала кулак. Вы знаете, она как-то странно на меня смотрела. Мне показалось, что она не в себе. Синьора задала мне несколько вопросов. Она чем-то была недовольна, не в настроении. Я ответила. Она постояла ещё несколько минут и ушла. Я усадила Пальмиро, накормила завтраком, пока собирала посуду, мальчик крутился рядом. Потом я отвела его в детскую. А там он показал мне свою находку – маленький пузырёк. На дне его была светло-коричневая жидкость. Я понюхала и у меня закружилась голова. Я тут же отнесла пузырёк нашему лекарю – Нунцию. Честно говоря, я подумала, что это он обронил. Нунцио посмотрел, но по запаху не смог определить содержимое пузырька. Сказал, что у него такого состава нет. Он спросил у меня, у кого я взяла пузырёк, желая разобраться, кто именно принёс его.

Нунцио сразу же заподозрил неладное. Вылил эти капли на стёклышко под своим прибором (всё не запомню, как он его называет) и сказал, что у него такого состава точно нет. Он твёрдо уверен. Нунцио долго расспрашивал меня, где я его взяла. Я ему подробно всё объяснила. Он в ответ только пожал плечами.

А вечером того же дня у Пальмиро открылся жар, – завершила Элиза свой монолог.

– Очень странно. Почему же ты мне об этом не рассказала тот час? – спросил Марио.

– Побоялась гнева синьоры, – призналась Элиза, плача.

Марио догадался. Он всё понял. Однако не стал выяснять отношений с Франческой.

Всё тайное становится явным

Шло время. Как-то после водных процедур, Аделина, помогая Франческе одеться, внезапно обнаружила на её теле следы страшной болезни. Никому не сказав ни слова, она собралась и в одночасье покинула свою госпожу, прихватив с собой драгоценности Франчески и золотые монеты, которые та имела неосторожность оставить в своей спальне. Больше Аделину не видел никто.

Синим густым покрывалом спускается вечер к изголовью гор.

Он робко подкрадывается к ним. Осторожно укладывает-

ся, протискиваясь между ними. Удобно устраиваясь, стирая заострённые очертания вершук гор.

Закончился день, промелькнул незаметно вечер. Ночь торжественно и величаво вступает в свои права. Всё явное осталось в ушедшем дне. Всё тайное принялось за работу. Она протекает, просачивается сквозь тело и душу ночи тихо, без шума, без окрика, без огласки. Шёпотом, на цыпочках, не дыша, скрываясь под плащом ночи.

Но всё тайное когда-нибудь становится явным.

Этой ночью в имении Марио де Росси никому не пришлось отдыхать. Обстановка накалилась. Напряжение ощущалось во всём. Все знали, госпожа в агонии.

В свой предсмертный час Франческа, придя в сознание, открыла глаза и вызвала к себе Марио. Он знал, что она находится в тяжёлом состоянии и не смог ей отказать. После известных событий, Марио не испытывал ни малейшего желания вступить в контакт с супругой. Но, как говорится, лежачего не бьют.

Великодушие Марио победило, и он не стал отказывать ей в малом.

Увидев Марио на пороге своей спальни, Франческа залилась горячими слезами. Повязка, что была надета на лице, прикрывая остатки носа, намокла и съёжилась. В постели лежала мумия. Франческа за время болезни усохла. Её облик претерпел большие изменения. Она перестала походить на

пышную цветущую Франческу. Марио, увидев её в таком виде, сжал кулаки за спиной, чтобы она не заметила его состояние.

– Я скоро уйду и больше никогда не причиню Вам ни боли, ни огорчения, – начала она потухшим голосом. Пока язык мой шевелится, а голос издаёт человеческие звуки, я скажу Вам то, на что не отважилась бы никогда, будучи уверенной, что меня ожидает иной исход, – пояснила Франческа.

Этот разговор стоил ей больших усилий. Желание открыться Марио было настолько велико, что она превозмогла боль, стыд, страдания.

– Синьора, прошу Вас, не утруждайте себя длинными рассказами. Поберегите силы. Я всё знаю и, тем не менее, не желаю Вам зла. Более того, я выпишу для Вас лучшего лекаря, он вылечит Вас.

– Благодарю Вас. Вы благородный синьор, но это невозможно, – тихо произнесла Франческа. – Марио, простите меня, прошу Вас. Я знаю, что причинила Вам страдания. Это всё потому, что безумно ревновала Вас. Не могла простить, что Вы обручились со мной, любя и желая другую. Она, Ваша пассия, всегда стояла между нами. Я это чувствовала. Я знала о существовании договора – сделки, которую заключили мой отец и Ваши родители. Ваша матушка рассказала мне о Флоренс. Я надеялась, что со временем Вы позабудете её. Но, как видно, ошибалась. А тут, как назло, Вы привезли в дом ребёнка. Её ребёнка! Обида, ущемлённое самолюбие, жен-

ская гордость измучили меня, и я стала мечтать о мщении. У меня помутился рассудок. Жажда отплатить Вам овладела мною. А тут Аделина поспела с готовыми напутствиями. По её совету я поехала к знахарю, – Франческа умолкла.

Она испытывала физические страдания, но и душа её измученная, раненная, оскорблённая изнывала, горела и рвалась на части от пережитого ею ужаса и телесного надругательства.

Марио, воспользовавшись временной паузой, расставил все точки над и:

– Хочу Вас заверить, Флоренс не была моей пассией. Она – единственная женщина, которую я любил всем сердцем, люблю и до гробовой доски любить буду, – твёрдо сказал Марио. – Прошу Вас, не надо сейчас расстраиваться. Этим Вы только усугубите своё состояние, в наших отношениях ничего не поправите и мальчику не поможете, – в отчаянии произнёс Марио.

И вдруг он услышал:

– Тот, кто умеет лишить жизни, знает, как спасти её, – внезапно произнесла она голосом заговорщика.

– Это Вы о ком? – спросил Марио, хватаясь за её слова, как утопающий за соломинку.

– Вы не догадываетесь? – вопрошала Франческа.

Марио в ответ ничего не сказал, лишь покачал головой.

– Тогда слушайте и не перебивайте меня. Силы мои на

исходе.

Моё сознание в любой момент померкнет. Мне нужно успеть сказать Вам очень многое. Хотя так я облегчу страдания души моей, – сказала она, как заклинание. И Франческа рассказала Марио о советах Аделины. И о том, что произошло с ней у знахаря.

Весь ужас, пережитый ею, открылся ему и поверг в состоянии протрации, коллапса. Он не мог представить себе, что дама высшего света пошла на такой отчаянный шаг и совершила такой недопустимый, необдуманый поступок.

«И это всё легло пятном на весь наш род!» – внезапно прозвучали в голове Марио слова его родителей.

Но по сравнению с тем, что произошло с Пальмиро, эта сторона медали волновала Марио меньше всего. Он слушал Франческу и искал в её словах крошечную лазейку, тот заветный выход, который поможет спасти его сына.

– Она сказала, – тот, кто умеет лишить жизни, знает, как спасти её, – воспроизвёл Марио в памяти слова Франчески. – Значит, надо ехать к знахарю и любой ценой получить у него противоядие для Пальмиро.

– Я в ужасе от услышанного. Синьора, что Вы натворили? – воскликнул Марио. – Одного не могу понять. Как Вы, такая осмотрительная, впустили в наш дом настоящую ведьму? – недоумевал он.

Франческа лежала, закрыв глаза, и не реагировала на его слова. Силы покидали её.

– Где живёт Ваш знахарь? – спросил Марио. – Франческа, Вы слышите меня? – обратился он к ней, не дождавшись ответа.

Марио опасался, что она опять уйдёт в забвенье и не успеет сообщить ему место нахождения знахаря.

Франческа в ответ прошипела невнятно, но Марио сумел ухватить несвязные фрагменты мысленного движения её затухающего и отмирающего мозга. После этого она не произнесла ни слова.

– Пригласите лекаря, синьоре плохо, – закричал Марио. Лекарь, ожидавший в другом помещении, прилёг и уснул. Слуга разбудил его. Лекарь подошёл к постели Франчески, наклонился и, не прикасаясь к ней, констатировал:

– Она мертва.

Теперь всё стало на свои места. Догадки превратились в голые факты. Но это не облегчило страданий Марио. Он впал в отчаянье. Долгой бессонной ночью он принимает решение начать поиски Розины, но до этого отправиться к знахарю за противоядием для Пальмиро.

Поездка к знахарю за противоядием.

Не откладывая в долгий ящик, дождавшись рассвета, Марио отправился к знахарю. Он прекрасно понимал, какая задача на него возложена. Ему предстояло любыми путями добыть у злодея, мошенника и преступника чудодейственное

средство для Пальмиро. Марио отдавал себе отчёт в том, что знахарь мог преспокойно сбежать после контакта с Франческой.

– Он не дурак, себе на уме, бестия. Аделина ведь сбежала, воспользовавшись ситуацией, – думал Марио.

Она могла сообщить ему, что синьора при смерти. Сидя в карете, Марио повторял:

– Только бы он был на месте, только бы не пропал из поля зрения. Люди его сорта трусливы и загодя чувят опасность. Марио остановил карету на пустыре, решив, что ему лучше без лишнего шума пробраться к домику знахаря.

– Тонио, жди меня здесь. В случае если меня долго не будет, бери ружьё и следуй вон к тому домику, – сделал распоряжение Марио.

– Хорошо, синьор. Не извольте беспокоиться, – ответил слуга.

Марио подкрался к домику. Чуть дыша, подошёл к открытому окошку. Оттуда доносилось монотонное жужжание. Марио припомнил рассказ Франчески и понял, – знахарь что-то приговаривает, над новым зельем.

– Колдун, проклятый, опять ворожит. Никак нашёл новую жертву, – промелькнуло в голове у Марио. Марио, чуть касаясь земли, передвинулся к входной двери.

– Нужно застать его врасплох, – подумал Марио.

Он прикладом ружья, что было силы, постучал в дверь. Видимо эффект сработал. Знахарь в мгновение ока притих,

оказавшись у дверей, и ангельским голосом спросил:

– Кто там?

– Открывай и узнаешь, – грозно ответил Марио.

– Я рад гостям, чужим не открываю, – игриво ответил знахарь.

– Немедленно открывай, если ты не хочешь, чтобы я взломал дверь и пригласил пристава, – пригрозил Марио.

– Да, кто же Вы такие, что врываетесь в дом к бедному человеку? – спросил знахарь, вкрадчиво.

Марио заколотил по дверной ручке.

– Сейчас, сейчас уже открываю, – невнятно проговорил знахарь.

Дверь скрипнула, Марио не дожидаясь, толкнул её, наставил дуло ружья на знахаря, прижав его к стене.

– Прощайся с жизнью, – во весь голос проговорил Марио. – Я пришёл рассчитаться с тобой за всех тех несчастных, которых ты лишил жизни. Моя жена, Франческа, прошлой ночью скончалась. Ты её наградил заразной болезнью. Мой единственный сын погибает от твоего яда. Тебе не жить. Вот тебе мой вердикт. Я забуду, кто я. Забуду о своём происхождении, о своих родных и приведу приговор в исполнении тут на месте без сожаления, – сурово произнёс Марио на одном дыхании, не прерываясь. Он был готов совершить убийство. Его исстрадавшаяся душа билась, металась, хваталась за железные прутья, как птица в клетке, и изнывала от мук. От этих слов знахарь весь сжался, его тщедушное тело как-то

неестественно обмякло, и он занял не своим голосом:

– Синьор, только не убивайте. Умоляю, только не убивайте, -затрясся знахарь. Его крошечные, узкие, почти незаметные глазки вылезали из орбит от страха. Бесцветное лицо покрылось малиновыми пятнами. Губы задрожали. Он повторял:

– Только не убивайте. Я всё сделаю, что пожелаете, только не убивайте.

– Жить хочешь... – с отвращением произнёс Марио.

– Жить, только жить! – как загнанный зверёк тараторил знахарь.

– А они не хотели?! У тебя нет права на жизнь, – грозно произнёс приговор Марио.

– Синьор, прошу Вас. Не убивайте. Просите всё, что хотите.

Я готов. Все свои знания употреблю, сложу к Вашим ногам.

Только дайте жить! – завопил знахарь.

– Противоядие для моего сына, которое полностью его исцелит, сможешь приготовить?! Только без обмана, иначе... – спросил Марио, воспользовавшись удобным моментом.

– Клянусь! Всё, всё сделаю. Не извольте сомневаться. Зачем же мне Вас обманывать, синьор? Меня хорошо учили. Всё знаю, всё умею. Приготовлю в лучшем виде. Напомните, чем страдает Ваш мальчик? – спросил знахарь.

– А, ты не помнишь, чем опоил моего ребёнка, да?!?! –

гневно, в сердцах, спросил Марио.

– Синьор, не извольте гневаться. Яды бывают разные. Расскажите, что беспокоит Вашего крошку?

– Ах, вот ты о чём? – уточнил Марио. И он подробно рассказал знахарю, как развивалась симптоматика и прогрессировала болезнь, у маленького Пальмиро.

– Так, так, хороший ядок я приготовил, качественный, – подумал знахарь, подбадривая себя. Посмотрел на Марио и сказал:

– Всё понятно, синьор. Не извольте тревожиться. Сию минуту приготовлю.

Марио перевёл душло ружья к виску лекаря и сказал:

– Ступай, готовь. Но знай, если обманешь, не сносить тебе головы. Я не просто убью тебя, нет. Я разорву тебя на части, чтобы больнее было умирать. А ты, умирая, представишь себе страдания тех несчастных, кого ты приговорил к смерти беспричинно. Они-то тебе спуска не дадут, – красноречиво описал Марио знахарю акт его смерти.

– Синьор, жальтесь! – взмолился знахарь. – Прошу Вас. Только не это, – завопил он, что было силы, опускаясь перед Марио на колени.

– Я тебя предупредил. Ты видишь, я настроен серьёзно. Ступай и готовь. После этих слов Марио подтолкнул знахаря и под дулом сопроводил его к месту. Пока знахарь готовил, Марио не отходил от него, следя за его действиями и за каждым шагом.

Прошло два часа, как знахарь колдовал над приготовлением противоядия для Пальмиро. Наконец, настой был готов. Знахарь перелил его в чистый сосуд, закрыл деревянной пробкой. Укутал тканью и протянул Марио.

– Слушайте и запоминайте. Будете давать ребёнку по определённой схеме. Так эффективней и результат наступит намного быстрее.

И он изложил Марио, в какой последовательности нужно изменять количество капель настоя, сколько раз в день, с учётом времени.

– Поначалу будете давать каждый час по одной капельке, начиная с шести утра. Спустя недели две, по две капельки, но каждые два часа, затем ещё через две недели по три капельки, каждые три часа. Так три месяца. Ночью не давать. Пусть организм ребёнка отдыхает и набирается сил. После этого появятся первые улучшения в состоянии мальчика. И начнётся обратный отсчёт. Курс рассчитан минимум на полгода, максимум на год. Если не будет внушительных результатов, начнёте всё с нуля. В том случае, если результат слабо выраженный, меняем настой. Обещаю хороший результат, – спохватился он, испугавшись своих слов. – Дело времени, дело времени, – повторил знахарь, как зубрёжку и, как заклинание. – Каждый организм справляется по-своему. Не стоит волноваться. Средство проверено и неоднократно, – завершил знахарь свой инструктаж.

Марио внимательно посмотрел на него, взял сосуд и ска-

зал:

– Не советую тебе отлучаться из дому. Я выставлю охрану. Задумаешь сбежать, приговор исполнят на месте, без промедления и не думая! Имей это в виду, – предупредил Марио.

– Понял, синьор, как не понять? Не беспокойтесь, средство подействует. Выздоровеет Ваш мальчик. Не стоит так волноваться, – проговорил знахарь с опаской, бегая глазками.

– Я тебя предупредил, – повторил Марио твёрдым голосом и покинул конуру знахаря. Он вернулся к карете.

– Тонио, поехали домой, – сказал он слуге. – Что-то я устал...

– Слушаюсь, синьор. Вы долго у него были. Я уже хотел идти на выручку, – доложил слуга.

– Спасибо, Тонио. Как видишь, справился сам. Дай-то Бог, чтобы помогло моему мальчику, – как молитву произнёс Марио.

– Дай-то Бог, – вторил ему слуга.

Уже в дороге, Марио вздохнул с облегчением. От напряжения и накопившейся усталости он уснул.

Риск – благородное дело

После консилиума городской лекарь Клаудио Дунчи, направился к Марио. Он должен был огласить ему вердикт специалистов.

– Разрешите, – спросил лекарь, входя в кабинет Марио.

– Входите, Клаудио. Я ждал Вас. Какую весть Вы принесли мне? – спросил Марио, сгорая от нетерпения.

– Синьор Марио! У меня для Вас есть утешительная новость, – начал лекарь.

Да?! – произнёс Марио, резко поднимаясь из кресла.

– Погодите, погодите, пожалуйста, – жестом остановил его Клаудио. – Я должен объяснить Вам всё по порядку. Наберитесь немного терпения. Итак. Я резюмирую. Чтобы помочь Пальмиро нужно провести комплексное лечение. Первое – противоядие, те капельки, которые Вы привезли от знахаря. Мы с коллегами их обследовали, заметьте, ещё до консилиума. Пока мы не получили полного представления о настоящем, не назначали консилиум. Так вот, достопочтимый синьор Марио. Рецепт сложный. Не скрою, не всё нам удалось разобрать в нём. Не все компоненты нам известны. В случае необходимости, я думаю, можно принудить знахаря огласить содержимое его рецепта.

– Безусловно, – односложно ответил Марио.

– Но уже сегодня, – продолжил Клаудио свой доклад, – я могу обнадёжить Вас, а стало быть, поручиться. Львиная доля составляющих, а это травы, из которых настой состоит, поможет Пальмиро очистить организм от яда. Это немало. Жаль только, что с опозданием. Мы будем давать Пальмиро эти капельки дробно, по схеме, указанной знахарем. Сразу хочу предупредить Вас, этого недостаточно для полного

выздоровления. Это полумера. Да, избавить организм измученного ребёнка от яда, это большое дело. Но Ваш сын истощён, его организм подорван тяжёлой болезнью. Мальчик сильно ослабел, – подробно докладывал городской лекарь.

– Прошу Вас, дорогой Клаудио, не томите. Скажите, наконец, что я должен сделать, во имя спасения сына? – взмолился Марио.

– Вы спрашиваете, что Вы можете сделать? И я постоянно задаю себе тот же вопрос. Я привязался к маленькому Пальмиро. Всем сердцем хочу избавить мальчика от недуга. У Вас чудесный сын, синьор Марио. Мы сделаем всё возможное, чтобы помочь мальчику. Что я Вам могу сказать, уважаемый синьор Марио. Его организм нуждается в полном обновлении. В мировой практике существует метод. Этот метод до конца не изучен. Я бы добавил, находится в стадии эксперимента. Мой духовный учитель в медицинской практике, знаток, выдающийся физиолог – синьор Кассини ещё в семнадцатом веке много работал в этом направлении. Параллельно с ним в этой же области работали специалисты в других странах. Известно, например, что в 1819 году английский физиолог и акушер Бланделл произвел первое переливание крови от человека человеку и предложил специальный аппарат для гемотрансфузии. Вы знаете, что это такое? – спросил лекарь.

– Нет, – коротко ответил Марио.

– Сейчас поясню. Больному переливают кровь здорово-

го человека, тем самым, внедряя в его больные клетки питание, кислород, витамины, полезные микроэлементы, в общем, всё то необходимое, что, как правило, есть в организме здорового человека. Таким образом, здоровье подавляет болезнь. Всё предельно просто. Очищается кровь больного, его организм полностью обновляется. Человек благодаря этому методу оживает, набирается сил и выздоравливает. В некоторых случаях мои коллеги получали хорошие результаты. Сожалею, летальные исходы тоже имели место. Ничего не поделаешь. Идёт поиск. Повторяю, метод проходит стадию опытов. Если всё удаётся, этот метод даёт поразительные результаты. У нас с Вами непростая задача. Нам предстоит выбрать: либо мы идём на риск, либо забываем об этом методе и остановимся только на капельках.

– А что посоветовали Ваши коллеги после консилиума? – с пристрастием спросил Марио.

– Большинство моих коллег были единомышленны и сошлись на том, что в данном конкретном случае риск уместен. Такие рекомендации я получил, – ответил Клаудио.

– Так чего же Вы ждёте? – взорвался Марио.

– Синьор! Как Вы не понимаете? Это сопряжено с большим риском. Пальмиро – ребёнок. Кто может предсказать, как отреагирует его измученный организм? – сдержанно ответил Клаудио.

Марио не слушал его, он думал о другом. Если есть хоть маломальская возможность, нужно её использовать ра-

ди спасения Пальмиро.

– Что потребуется для проведения этого лечения? – спросил Марио решительно.

Клаудио посмотрел внимательно на Марио и понял, что тот готов рискнуть.

– Кровь взрослого полноценно здорового человека, который сознательно пойдёт на то, чтобы пожертвовать для мальчика немалую порцию своей крови, – сухо ответил Клаудио.

– Возьмите мою. Я готов, – незамедлительно отреагировал Марио.

– Хорошо, синьор Марио. Я подумаю над Вашим предложением и дам Вам ответ. Замечу, не каждый желающий подойдёт для этой процедуры, – пояснил лекарь. – А кроме Вас кто ещё мог бы дать Пальмиро свою кровь, – спросил Клаудио. – Нам придётся проделать несколько сеансов. Крови понадобится много.

– Мои матушка и батюшка, – не задумываясь, ответил Марио. Они очень любят Пальмиро.

– Прошу прощения, синьор. Но их кандидатуры я вынужден отклонить, они не подходят, – предупредил лекарь.

– Почему?! – спросил Марио.

– Всё очень просто, синьор. Они не молоды, в связи с этим не могут быть полноценно здоровыми. У каждого из нас за жизнь накапливаются какие-то заболевания. Помимо этого, не стоит подвергать их такому испытанию. Процедура не из лёгких, – деликатно пояснил Клаудио.

– В таком случае, только Розина, – спонтанно предложил Марио.

Он опустил глаза, задумался и добавил:

– Правда, её ещё предстоит найти.

– А кто она, Розина? Кем приходится Вам, мальчику? – полюбопытствовал лекарь.

– Она названная мать моего сына. Мать Пальмиро скончалась сразу после его рождения. Розина заменила ему мать. Она его растила. Розина очень любит Пальмиро, и он её. Мальчик к ней привязан.

– Синьор! Этот фактор незаменим в данной ситуации. Он может стать решающим в выборе кандидатуры. Мальчик охотнее и спокойнее отнесётся к лечению, если Розина будет рядом с ним.

Я бы Вам посоветовал не терять времени. Ищите Розину, и чем скорее, тем лучше, – порекомендовал Клаудио. – А я этим временем всё подготавливаю. С Вашего позволения, я откланяюсь. Дела, синьор, – сказал лекарь.

– Хорошо, Клаудио. Благодарю Вас за всё. Я понял свою задачу. Сделаю всё возможное и невозможное, чтобы найти Розину, – ответил Марио.

Поиск увенчался успехом

Лесник, обходя вверенные ему угодья, по старой дружбе присматривал и за домиком Чечилии.

Он заметил на поляне карету Марио. Подошёл. По добро-

те душевной поинтересовался:

– Вы кого-то ищите, синьор? Чем могу служить? – спросил он.

– Не скажешь, любезный, почему домик Чечилии наглухо заперт? Где сама хозяйка, где Розина – её племянница? Мне, боязно даже думать, что с ними что-то случилось, – заволновался Марио.

– Не извольте беспокоиться, синьор. С ними ничего плохого не приключилось. Они перебрались во владения князя Карло Болондини. Розине предложили место служанки при князе. Вот они и отправились туда.

– Ах, вот оно что. Ну, слава Богу, я очень рад. Благодарю тебя, ты меня успокоил и обнадёжил, – оживился Марио.

– Вы очевидно знакомы с князем, синьор? – поинтересовался лесник. – Он известен в наших местах. Его в округе все уважают. Сам князь русский, но смолоду поселился в Италии. Так и живёт в своём имении по сей день.

– Да, я наслышан о князе. Правда, наше знакомство не на короткой ноге. Не подскажешь, как я могу сократить дорогу, чтобы быстрее добраться до его владений? – спросил Марио.

И лесник подробно объяснил Марио, как лучше проехать, минуя ухабистые, размытые после ночного дождя дороги.

– Ещё раз благодарю тебя. Ты мне очень помог, – прощаясь с лесником, произнёс Марио.

– Рад служить, – ответил ему лесник. – Лёгкой дороги, синьор, – пожелал он.

– Марио кивнул головой и помахал ему рукой. Закрывая дверцу кареты, он обратился к кучеру:

– Трогай.

– Счастливого пути. Привет от меня передайте Чечилии и Розине. Скажите, их домик цел и невредим, – сказал лесник, провожая гостя.

Марио улыбнулся и ответил через закрытое окно:

– Передам, всё передам.

Перед встречей с Марио

– Розина, почему ты всё время грустная? – спросила Чечилия. -

Помню, когда ты смеялась, вместе с тобой смеялся и радовался весь наш лес. С самого детства ты была весёлой, жизнерадостной девочкой. С уходом Флоренс, тебя как подменили. Я не узнаю тебя, Розина, – допрашивала Чечилия.

– Ах, тётушка. Прежней Розины больше нет и никогда не будет, – ответила Розина.

– А где же она? – надоедала тётя.

– Она умерла вместе с Флоренс, – призналась Розина.

– Побойся Бога. Разве можно так говорить? Флоренс вернуть нельзя. Мы по сей день оплакиваем эту утрату, но у тебя своя жизнь. Ты должна пройти свой путь. Выполнить свою задачу. Исполнить миссию, предназначенную тебе.

Вошёл слуга.

– Фабио, Вы что-то хотели? Синьор Карло проснулся и

зовёт меня? – расспрашивала Розина слугу.

– Нет, Розина. Приехал незнакомый синьор. Тебя спрашивает. Назвался – синьор Марио де Росси, – доложил слуга.

– Кто?! – воскликнула Розина и, не дождавшись подтверждения, ринулась к выходу.

– Он там, в саду дожидается, – хрипловатым голосом крикнул ей вслед старый слуга.

Розина летела со всех ног. Первые мысли, которые появились в её голове: «Что-то случилось с Пальмиро».

– Господи, – взывала она, – сохрани и помилуй моего мальчика.

Розина перескакивала через ступеньки. Выскочила в сад и побежала по тропинке к беседке. Ещё издали она заприметила фигуру Марио. Она, запыхавшись, влетела в беседку, и выкрикнула:

– Что, что с Пальмиро?!

Марио всем корпусом развернулся к ней, и она увидела исхудавшее, измученное лицо Марио и глаза глубоко несчастного человека. Переживания, долгие бессонный ночи, страх потерять ребёнка всё отразилось на его лице.

– Розина, дорогая! – обратился он. – Как я рад тебя видеть, – приветливо сказал Марио, грустно улыбаясь. – Как хорошо, как хорошо, что я тебя нашёл. Это большая удача, – повторял он. – Присядь, пожалуйста, поговорим, – предложил он. Расскажи мне, как поживаешь?

Розина присела.

– Синьор! Прошу Вас, говорите, говорите, ничего от меня не скрывайте, – начала Розина, игнорируя его вопрос. – Я понимаю, Вы приехали мне сообщить... она запнулась. Что с Пальмиро?! – спросила Розина с надрывом в голосе.

– Розина, успокойся, пожалуйста. Успокойся. Пальмиро болен, ты права.

Розина привстала.

– Но самое страшное позади, – произнёс он, взял её за руку усаживая. Я надеюсь, что это именно так, – добавил Марио.

– Что с ним? – опять спросила Розина, глотая слёзы.

– Розина, я приехал за тобой. Ты нужна Пальмиро, он истосковался по тебе. Твоё появление возродит его, вернёт силы. Он ждёт тебя, – рассказывал Марио, одновременно убеждая Розину.

Марио и не предполагал, что она готова была в любой момент лететь на крыльях любви к ребёнку, которого выпестовала.

– Когда ехать? – не раздумывая, спросила она.

– Чем скорее, тем лучше, – чётко ответил Марио.

– Но я не могу оставить синьора Карло, не объяснив ему всей ситуации, не предупредив. Это будет не честно с моей стороны. Он так добр ко мне.

– Хорошо, я подожду. Поговори с князем. И я поговорю с ним. Думаю, совместными усилиями мы решим этот вопрос любовно, – согласился Марио, не теряя надежды.

– Я всё сделаю, чтобы помочь моему... – Розина остановилась и посмотрела в глаза Марио. И тут же продолжила уверенно, – чтобы помочь моему мальчику.

– Не сомневаюсь, что ты сделаешь всё для спасения Пальмиро, и он выздоровеет. Одна надежда на тебя, Розина, – подтвердил Марио своё намерение.

– Пойдёмте к князю. Он прекрасный человек. Я знаю, он согласится отпустить меня. Надо рассказать ему о Пальмиро. Князь добрый великодушный человек, он любит детей. Не сомневаюсь, он поможет, – заверяла Розина Марио в добродетелях князя Болондина.

Князь доброжелательно принял Марио. Они поговорили о делах. Кирилл Петрович расспросил его о здоровье родителей.

Затем, посмотрев на взволнованную Розину, будучи проницательным человеком, неожиданно спросил:

– Синьор Марио, Вы приехали ко мне по делу? Не так ли?

– Да, синьор Болондини, Вы правы. Не буду играть в прятки, – ответил Марио утвердительно.

– Что именно Вас интересует? Чем могу быть полезен? – спокойно поинтересовался князь.

И Марио, ничего не скрывая, в деталях, поведал князю историю, связанную с утратой Флоренс, женитьбой на Франческе, рождением сына. А Розина дополнила рассказ последующими событиями. Затем Марио перехватив у неё эстафету, рассказал о том, что случилось с Пальмиро, Франче-

ской, включил преступление знахаря и вердикт специалистов.

– Бедный, бедный мой мальчик. Это я виновата. Зачем я его отдала? Хотела, как лучше, а выходит, отдала на мучения. Розина рыдала. В своих страданиях она до глубины души была искренней.

– Я чувствовала, чувствовала, что ему плохо. Как я перед ним виновата. Бедный мой мальчик, за что ему такие страдания? – продолжала она.

– Розина, умоляю, успокойся. Ты ни в чём не виновата. Благодаря тебе Пальмиро жив. Ты должна поехать с синьором Марио. А после лечения, вместе с мальчиком приезжайте ко мне, – подытожил князь, отвлекая Розину от печальных мыслей.

– Я надеюсь, синьор Марио не будет возражать, – обратился князь к Марио.

– Нет, не буду, – ответил Марио твёрдо.

– Пальмиро без тебя плохо, – продолжал князь, обращаясь к Розине. Мы создадим ему все условия для полного выздоровления. Мальчику после лечения лучше побыть здесь. Он скорее забудет о своём недуге. Обещаю синьор, мы сделаем для ребёнка всё возможное и зависящее от нас.

Розина посмотрела на Марио и робко спросила:

– Синьор Марио! Вы действительно согласны отдать Пальмиро?

– Розина, дорогая! Я на всё согласен. Только бы Пальмиро

выздоровел, – ответил Марио откровенно. Дороже его у меня никого нет. Нотки отчаяния прозвучали в его голосе.

– Прекрасно! Значит, не будем терять время зря. Поезжайте. И как только после лечения специалисты позволят, приезжайте с Пальмиро к нам, – резюмировал князь.

Он был дальновиден, тонкий стратег и политик.

Мама

Розина на цыпочках подошла к постели Пальмиро.

– Ты моё солнышко, – прошептала она и присела.

Пальмиро услышав её голос, немного оживился, затем провёл рукой по безвременно состарившемуся лицу Розины. Резко приподнялся на постели. Пальмиро вспомнил её и позвал:

– Мама, мама я так долго ждал тебя. Как хорошо, что ты пришла, – сказал он.

– Я не твоя мама, Пальмиро, – ответила она тихо и собранно, не выдавая накопившихся эмоций. Я Розина – служанка. Твоя мама умерла в момент твоего рождения, так и не увидев тебя, мой мальчик.

– Как странно, – произнёс он. Я был уверен, что ты – моя мама.

Сколько я себя помню, ты была рядом. Я принимал пищу из твоих рук, ты поила меня молоком. Ты исцеляла меня травами, когда я болел. Ты лечила мои коленки, когда я падал. Ты моя мама, – повторил Пальмиро, настаивая на сво-

ём, и опять провёл рукой по её лицу. Розина приложила его ладошки к губам, целуя.

– Всё это так, мой мальчик, но ты должен знать правду.

Я выхаживала тебя, это действительно так. Была всегда рядом с тобой. Учила тебя ходить, говорить. Но не носила под своим сердцем и в муках не я привела тебя на этот свет.

– Как странно, – повторил он. – У меня такое чувство, что у тебя и у меня течёт одна кровь, – сказал Пальмиро.

Господь с нами...

Накануне, перед процедурой переливания крови Клаудио зашёл к Розине.

– Как настроение, Розина? – спросил он.

– Синьор Клаудио. Мне ещё никогда не было так страшно. Поверьте, я не за себя беспокоюсь. Все мои мысли обращены к моему мальчику.

– Понимаю Розина, всё понимаю. Дело рискованное. Даже я, человек, умудрённый жизненным и лекарским опытом, тоже волнуюсь. Надо настроиться на хороший лад, и мы победим. Я верю.

Послушай, Розина, что я тебе скажу. Материнство не каждому по плечу. Жизнь доказывает это. А ты прирождённая мать.

Давным–давно жила одна женщина – Сатеней. Она древнейший образ, который фигурирует в адыгском эпосе. Я от-

влекусь на мгновение, обязан пояснить тебе кое-что.

Знаешь, в католической стране не принято приводить такие примеры. Однако я считаю, что Господь любит всех своих детей и не делает разницу между ними.

Теперь рассказываю дальше. Сатеней, так звали богиню, которая славилась своей мудростью и красотой. Сатеней олицетворяла материнство. Она единственная богиня, к которой за советом ходили даже мужчины, – это неслыханное признание ума! – эмоционально рассказывал Клаудио, при этом жестикулируя.

Когда я думаю о тебе, я вспоминаю этот образ. Розина! Ты очень сильная, мужественная, тебе под силу всё. Уверен, у тебя всё получится, и ты своим желанием возродишь Пальмиро к жизни.

Знаешь, как говорят в таких случаях:

– Делай, что должно и будь что будет – *Fais se que dois adviegne que reut*, – процитировал Клаудио на латыни.

Его речь прозвучала очень убедительно.

– Хорошо, синьор Клаудио, я постараюсь. Обещаю Вам, – сказала Розина, внимательно выслушав лекаря.

Ночь прошла тревожно и волнительно. Розина не сомкнула глаз, всё смотрела на Пальмиро, сидя у его постели. Марио у себя в кабинете мерил углы. И ему не спалось. Резко испортилась погода. Всю ночь сверкала молния. Гремел гром. Дождь лил без передышки. Напряжение не покинуло обитателей имения и с приходом рассвета. Однако разбуше-

вавшаяся стихия улеглась, успокоилась, утихла, и к утру прояснилось. Выглянуло солнышко, играя бликами на мокрых листьях. Утих ветер.

– Природа умница, – констатировал Клаудио, выходя на балкон.

Это хороший предвестник. Меня он вдохновляет и обещает, что удача с нами, – произнёс он восторженно.

Клаудио привёл себя в порядок. Выпил стакан сока и отправился в лабораторию, где Нунцио готовился к процедуре.

– С добрым утром, дорогой Нунцио, – поприветствовал Клаудио коллегу.

– И Вам, Клаудио, доброго утра пожелаю, – ответил ему Нунцио.

– Вижу, Вам не спится, коллега? – спросил Клаудио, входя в небольшую лабораторию, которую Нунцио оборудовал для своих исследовательских нужд и приготовления лекарственных препаратов, настоев, микстур.

– Какой сон, уважаемый коллега? Сегодня грех спать, – серьёзно ответил Нунцио.

Лекари с помощью слуг высвободили часть помещения от шкафов для двух столов: один для Пальмиро, второй для Розины. Когда всё было готово, слуги усадили Пальмиро в кресло и перенесли в лабораторию.

– Вы кормили мальчика? – спросил Клаудио у няни.

– Нет, синьор. Вы меня вчера предупредили, – ответила Элиза.

– Замечательно, – проговорил Клаудио по слогам. – Как мальчик сегодня спал? – поинтересовался лекарь.

– Тревожно. Вздыхал поминутно. Несколько раз просыпался, – доложила няня.

– Ты глянь, и он волнуется, – удивился Клаудио.

– Да, синьор. Пальмиро – утончённый умный мальчик. Он всё понимает.

– А я ведь вчера вечером с ним беседовал. Значит, не могло, – подметил лекарь. Мда...

– Очевидно, синьор, – согласилась Элиза, отвечая на вопрос лекаря.

– Досадно. Ну, ничего. Начнём, пожалуй, – распорядился Клаудио.

– Розина готова? – спросил он.

– Да, – ответил Нунцию.

– Тогда укладываем Пальмиро, – скомандовал он.

Они подошли к креслу, в котором отрешённо сидел Пальмиро.

С двух сторон подхватили на руки его исхудавшее тельце, перенесли на стол и уложили. Сверху мальчика укрыли белой тканью. Также прикрыли ему голову.

– Клаудио, Вы разрешите присутствовать? – спросил Марио, входя в помещение.

– Нет синьор, не разрешу. Вы уж извините. Вам придётся подождать у себя. Всех попрошу выйти, и пока я не дам знать, не входить и не мешать нам, – категорично заявил Кла-

удио.

Марио посмотрел на Нунцио. Тот приподнял голову и незаметно развёл руками, символизируя:

– Командую не я.

Марио кивнул головой и быстро вышел. Вслед за ним помещение покинули Элиза и слуги, которые принесли Пальмиро.

Прошло время. Из лаборатории никто не вышел. Гробовая тишина разбивала надежды, предательски дышала в затылок.

– Синьор Марио, – послышался голос Клаудио. – Позовите синьора Марио, – произнёс он повторно, зная, что все находятся где-то поблизости.

– Я здесь, – вбежал в помещение испуганный Марио.

– Синьор Марио, посмотрите, пожалуйста, как дышит Ваш сын, – триумфально произнёс лекарь. – Взгляните, какой красивый румянец зардел на его щёчках. Губки порозовели. Кожа на его личике теряет сероватый оттенок. Клаудио торжествовал.

Марио подошёл поближе к сыну. Он смотрел на него и радовался, как ребёнок.

– Дорогие мои! – обратился он к лекарям. – Вы волшебники! Я не верю своим глазам.

А почему он спит? – спросил Марио.

– Это хороший, здоровый сон, можете не сомневаться, –

произнёс уверенно Нунцио.

– Виктория! Виктория! – воодушевлённо воскликнул Марио.

– Тише, синьор, пожалуйста, тише. Вы его испугаете, – предупредил Нунцио. – Ему предстоит ещё не одна процедура, но результат налицо, – заявил он.

Марио ликовал.

И тут его взор упал на лицо Розины. Мраморно-белое, ни кровинки, заострённое к подбородку, с синевой вокруг губ. Её лицо застыло в безжизненной гримасе.

Марио испугался.

– Что с ней? Что с Розиной? Она умерла? – выкрикнул он.

– Что Вы, синьор, что Вы? Она жива. Спит. Дайте ей очнуться, – пояснил Клаудио. – Посидите там, – предложил он Марио. – Принесите синьору Марио воды и быстро, – обратился Нунцио к слугам.

Марио присел, у него от волнения на лбу выступили капельки пота. Он весь дрожал. В его взоре застыл немой вопрос. А в душу закрался страх. Слуга принёс ему воды.

– Розина, как ты себя чувствуешь? – спросил Клаудио, шлёпая рукой по её щекам. Розина медленно тяжело приподняла верхние веки, поводила глазами, оглядываясь вокруг. Повернула голову в сторону Пальмиро, посмотрела на него и тихим голосом, делая над собой усилие, произнесла:

– Сынок, родной мой! Теперь и у тебя, и у меня течёт одна кровь.

Теперь я твоя мама.

Пальмиро не слышал её. Он крепко спал впервые за долгое время.

– Спасибо, синьор Клаудио, – ответила она, прерываясь, переводя взгляд на лекаря. – Пить, очень хочется пить. И голова кружится. Дурнота, – ответила Розина слабым голосом.

Нунцио подошёл к ней, аккуратно приподнял её голову и приложил к губам сосуд с водой.

– Пригуби, Розина. Это тебе поможет. Я в воде развёл немного лимонного сока. Он устранил тошноту. Пей, дорогая. Ты молодец! Помощница наша. Настоящая героиня! погоди немного. Силы начнут возвращаться. Вот увидишь. А теперь отдыхай, ни о чём не думай и не волнуйся. Всё хорошо! Мы победили, благодаря тебе. Пальмиро будет жив и здоров! – произнёс Нунцио, укладывая голову Розины на маленькую подушечку».

Пауло дочитывал новый опус, написанный Цезаре. Он то и дело, всхлипывал, украдкой утирая глаза и щёки. Пауло закончил, не отрываясь, не задав мэтру ни единого вопроса.

Цезаре, со стороны наблюдавший эту картину, посмотрел на него внимательно, изучая, анализируя, затем подошёл поближе. Положил ему на плечо руку и сказал:

– Спасибо, дружище. Я знал, что ты именно так воспримешь эту историю. Признаюсь тебе, я тоже плакал, когда дописывал. А некоторые места меня по-настоящему пугали. Я

не помню, когда меня посещало такое вдохновение. В этом и заключается счастье писателя, – Цезаре делился сокровенными мыслями.

Пауло понял это, он сидел молча, неподвижно, внимая каждому слову Цезаре.

– Да... – протянул Цезаре, – что я могу сказать? Буду полноценно счастлив, когда мой читатель также глубоко проникнется этими переживаниями, как мы с тобой.

Пауло повернулся к нему и серьёзно вдумчиво сказал:

– Цезаре – Вы гений! Без преувеличения. Сколько любви, света, надежды, доброты в своих опусах Вы дарите людям. Господь всё видит. Вам это вернётся сторицей. Заранее знаю, что Вы скажете, – когда Вы пишете, ни о чём подобном и не помышляете. Но поверьте бывалому слуге. Вы заслужили большой награды, и она найдёт Вас. Людская память – самая хорошая и самая большая награда, – резюмировал растроганный Пауло.

– Синьор, это так замечательно, так гуманно с Вашей стороны... – находясь под сильным впечатлением, вторил своим мыслям Пауло.

– Что именно? – поинтересовался Цезаре.

– А то, что мальчик, Пальмиро, остался жив, – пояснил Пауло.

Он так расчувствовался, что никак не мог успокоиться. Слезы, нет-нет, а выдавали его состояние.

– Пауло, дорогой, – обратился к нему Цезаре. – Я же те-

бе уже сказал. Это доподлинно правдивая история. Я лишь изложил факты, которые когда-то набросал в своём дневнике мой отец. Ему по роду службы приходилось часто переезжать с места на место, менять среду обитания. От меня потребовалось совсем немного – придать этим фактам форму литературного произведения. Выскажу точку зрения, которой придерживаюсь всю жизнь: однозначно, такие должны знать все. Это далеко не рядовой поступок. Это, если хочешь знать моё мнение, – подвиг! Да, да, её человеческий подвиг, – настаивал на своём Цезаре.

Розина заслужила, чтобы в её честь слагали оды. Её светлый, прекрасный образ должны были увековечить при жизни, как я считаю, – пафосно заявил Цезаре. – Жаль, что этого не сделали

вовремя. Значит, нам предстоит исправить их ошибку и незамедлительно.

– Полностью с Вами согласен, синьор, – подтвердил Пауло благородные намерения Цезаре.

– Я включу «Розину» в тот большой опус, в котором собраны и доработаны мною увлекательные истории о замечательных людях. И назову его «Благородство души», – заявил о своём решении Цезаре.

– Всё правильно, – согласился Пауло.

Легендарные встречи

Цезаре по складу характера был очень общительным че-

ловеком.

Он легко знакомился, заводил приятельские отношения, умел дружить. Именно поэтому его всегда окружали бесчисленные знакомые. А его дом периодически посещали гости. Среди них было немало знаменитостей, людей известных в своих кругах и, как Цезаре их характеризовал, во всех отношениях, достойных людей.

Самое интересное то, что они удивительным образом умели подгадать свой приезд так, чтобы застать Цезаре дома. Хозяина это забавляло, ибо он сам порой не знал, когда вернётся в родные пенаты.

Все эти встречи были наполнены долгими беседами на природе в тёплое время года, а в холодное – в доме. Спорами с логическим завершением, дружескими посиделками у камина и носили доверительный, а иногда и интимный характер. Друзья доверяли ему свои секреты, семейные тайны, любовные похождения.

Так или иначе, рано и позднее, результат этих встреч выливался в опусы и ложился под перо мастера.

В жизни всякое случается

Цезаре работал с документами, напевая песенку герцога из оперы Джузеппе Верди «Риголетто».

Пауло по его просьбе сортировал материал в архиве, упорядочивая его. Неожиданно, он спросил:

– Синьор, а помните, у Вас в молодые годы был друг. Он

часто навещал Вас. Всегда такой жизнерадостный, весёлый. Читал стихи, красиво пел. Вы ещё с ним дуэтом напевали. А потом он проигрался и застрелился. Помните?

Цезаре прервал пение, отложил документы в сторону, отвлекаясь от дела и прокомментировал слова Пауло:

– Да, эта рана не заживает, – скорбным голосом проговорил он.

Сколько говорил ему, чтобы не подходил к игорному дому. Раз не можешь во время остановиться, нечего этим заниматься, – категорично заявил Цезаре. А он не послушал меня и вот, чем всё закончилось. Молодой ведь. Очень печально, – завершил Цезаре, не желая продолжать эту тему.

– А кто помогает его семье? – надоедал, любопытный Пауло. – Помнится, у него осталась молодая жена и четверо маленьких детей, – уточнил он.

– Странные вопросы ты задаёшь. Я, конечно. А кто ещё? Родители его рано ушли, вечная им память. То, что осталось после них, списали за долги. Вот и весь сказ, – подытожил Цезаре.

Пауло смотрел на него, не проронив ни слова. В глубине души его переполняло чувство гордости. Ему, не кому-нибудь другому, а именно ему выпала честь, находится рядом с таким благородным, необыкновенно щедрым человеком.

Ко всему отношусь с юмором...

– Что это ты сегодня весь день сам не свой. Весь скорчил-

ся, согнулся, в три погибели. Что случилось? – спросил Цезаре у Пауло, перебирая свою старинную шкатулку, где хранились маленькие сувениры, напоминающие те или иные события. Эти вещички были подарены ему в разное время, но до сих хранили тепло тех, кто с любовью преподносили их Цезаре.

Выражение лица Пауло приобрело мученическую гримасу.

– Синьор, у меня сегодня трудный день. Изводят сильные боли в животе, с ночи начались и не отпускают, – пожаловался Пауло.

– Ты что-то съел? – спросил Цезаре отстранённо, не переводя взгляда на Пауло.

– В том то и дело, что я перебрал в памяти всё съеденное мною за последнюю неделю и не нашёл ничего, что могло бы вызвать такие боли, – подробно делился Пауло.

– Сходи к Марии и возьми у неё хины, – посоветовал Цезаре.

– Уже, – коротко ответил Пауло.

– Что уже? – практически не реагируя, спросил Цезаре.

– Уже принял, – ответил Пауло.

– И что? – допрашивал Цезаре.

– Ничего, – безынициативно ответил Пауло.

– Ну, тогда я не знаю, мой милый, – повышая голос, Цезаре недовольно оторвался от шкатулки с сувенирами и, наконец, отреагировал, – надо ехать за доктором Бускони.

– Он приедет и произнесёт свою коронную фразу: «Все неприятности и болезни от плохого запаха в животе. Помните это!», – процитировал Пауло, стараясь подражать манере и интонациям доктора Бускони.

Цезаре улыбнулся на реплику Пауло.

– А ты шутишь, значит, состояние не угрожающе, – сделал поспешный вывод Цезаре. Ему не хотелось отвлекаться от занятия. А Пауло, как назло, надоедал.

– Не в этом дело, синьор. В критических ситуациях я ко всему отношусь с юмором, привычка. На этот раз, я полагаю, она меня подвела, – констатировал Пауло с печалью в голосе.

Цезаре сделал серьёзный вид и сказал, подтрунивая над Пауло:

– Если ты такой грамотный, всё сам знаешь, врача вызывать не будем.

– Да, Вам хорошо рассуждать. У Вас никогда живот не болит, – произнёс Пауло голосом обиженного ребёнка и ушёл к себе, держась за живот.

Цезаре тотчас отложил своё занятие, оделся и, не откладывая в дальний ящик, поехал за доктором.

Подводя итог

– Синьор, все Ваши дети разлетелись из гнезда, – сетовал Пауло, усаживаясь у постели больного.

– Ничего не поделаешь, Пауло. Такова жизнь. У детей свои устремления. Далекое не всегда их желания совпадают с

нашими. Они идут своей дорогой, – высказывал Цезаре своё мнение по этому поводу.

Лючия по окончании Сорбонского университета так и не вернулась в родной кров. Встретила свою судьбу, так там и осталась.

Элигио, наш первенец, живёт в Милане. Он – импресарио. У него очень интересная работа, насыщенная жизнь. Постоянно в разъездах, как я в прежние годы.

Фиорелла – наша младшая дочь, которая унаследовала имя моей умершей сестры и названа в её честь, до недавнего времени жила с нами. Ты же знаешь. Её супруг получил новое назначение и они, забрав детей, уехали. Миссия у зятя закончится, и они вернутся в родную обитель. А пока Мария тоскует по внукам, – рассказывал Цезаре.

Да, дети... как они тяжело достаются.

– Если бы Ваш самый младший сынок не скончался во время родов, тоже кем-то бы стал. У Вас все дети удались, – вдруг вспомнил Пауло.

– Мда... жизнь непростая штука. Её распланировать нельзя. Она выполняет намеченное небесной канцелярией, – грустно шутил Цезаре, – и мы не в силах и не вправе что-либо изменить. Помню, как Мария убивалась, а чем я мог ей помочь? Сострадать, не более. Горе есть горе, – окунулся Цезаре в воспоминания, окрашенные печалью и безысходностью.

Пауло и не думал, что одно его слово так подействует на

Цезаре. Но к старости люди становятся сентиментальными и всё больше грустят. Вот и Цезаре в последнее время не улыбался, а всё больше тосковал.

– Связь времён... – произнёс Цезаре фразу, никак не связанную с предыдущей темой разговора.

– Это Вы о чём, синьор? – спросил Пауло.

– О том, – странно ответил Цезаре. Он находился, где-то далеко от действительности.

А? – спросил он. Ты что-то сказал? – посмотрел он на Пауло, рассеянным взглядом. И тут же сам ответил:

– О чём это я? Ах, да. Мои внуки названы в честь матушки и батюшки: Рауль и Алессандра. А младшая внучка Белладонна.

– Грандиозно!!! – произнёс Пауло, исполненный самых высоких чувств. – Значит, жизнь продолжается, Цезаре.

– Да, Пауло. Именно так. Раньше моя жизнь продолжалась в моих книгах, потом в детях, а ныне продолжается во внуках, – заключил он воодушевлённо.

А ты молодец, дожил до таких лет, а всё выражаешься в превосходных степенях. Тебя не изменить. И слава Богу, – заметил Цезаре.

– Что Вы, синьор, – смутился Пауло. – У Вас прекрасные дети, Цезаре. Замечательные внуки. Ну, о книгах и говорить не приходится. Вы прожили долгую красивую жизнь. Вы, синьор, всемирно известный биограф, писатель. Есть чему радоваться, чем гордиться, – вдохновенно произнёс Пауло,

вторя Цезаре. Вы не зря прожили свою жизнь. Вон, какое наследие оставили миру, – констатировал Пауло.

– Синьор, давно хочу спросить Вас и забываю. А как поживает Ваш протеже, Антонио? В детстве его вся детвора называла Пинокио.

– А... вот ты о чём вспомнил, – оживился Цезаре. – Пинокио, – певец наш. Самородок! Он был такой остроносенький, шаловливый, задиристый мальчишка. Так мы его называли, подразнивая, когда он был мал. Да, да. Не забыл его. Молодец!

Превосходно поживает, скажу я тебе. Во время я его определил куда нужно. Вот и результат. Да... он сейчас знаменит. Его имя не сходит с афиш. Его знают во всём мире. Мой сын его импресарио. Антонию сейчас большой, признанный мастер. Я очень за него рад. Теперь вся его семья живёт в достатке и не нуждается в моей помощи. Антонио помнит своё детство и помогает всем, – с воодушевлением рассказывал Цезаре

– Стало быть, пошёл по Вашим стопам. Это хорошо. Значит, не зря Вы сделали для него так много. Умный мальчик, – резюмировал Пауло. – Добро нельзя забывать, – вдумчиво произнёс он.

– Пауло, давно собираюсь спросить тебя.

– Слушаю Вас, синьор.

– Почему ты обращаешься ко мне на «вы»? Мы с тобой всю жизнь вместе, достигли преклонного возраста, между

нами практически стёрты границы каких-либо условностей. Что же тебе мешает сгладить и эту грань между нами? – без предисловия изменив тему разговора, спросил Цезаре.

– Синьор, я отдаю дань своего глубокого уважения Вам, – ответил Пауло.

– Так ты мне говорил «вы» ещё в юности, – подметил Цезаре.

– А... тогда было совсем другое дело. Мой учитель – органист, перед тем, как определить меня на службу в вашу семью, провёл со мной продолжительную беседу, подробно растолковывая моё поведение. Тогда я и не мыслил обратиться к Вам на «ты», как к равному. Так и повелось.

По прошествии лет я влюбился в Ваше творчество и стал относиться к Вам, с почтением. А сейчас и подавно, я не стану говорить Вам «ты». У меня просто-напросто язык не повернётся. Вы только не подумайте, что это отдаляет нас друг от друга. Отнюдь, – убедительно разъяснил Пауло.

– Ну, ты, дорогой мой, целую теорему вывел. Ладно, поступай, как знаешь. Тебе виднее. Это не принципиально в наших отношениях. Я так спросил, – закруглил разговор Цезаре.

– Ой, я в разговорах совсем забыл, – вдруг спохватился Пауло. -

Сию минуту, синьор. Пауло поднялся и вышел. Вскоре он вернулся.

– Чай поспел. Синьор, пора ужинать и принимать порошки. Я не стал нагружать Ваш желудок тяжёлой пищей. Лёгкий перекус, – я бы это назвал так, – Пауло отвлекал Цезаре от скорбных мыслей, а сам, этим временем, придвинул к постели друга небольшой столик, расстелил полотняную салфетку с вышивкой и поставил поднос с чаем.

– Но сперва, синьор, давайте присядем, сказал Пауло, – обращаясь к Цезаре. Приподнял подушку, на которой лежал Цезаре и усадил его.

– Ух, какой! Что-то Вы потяжелели, синьор или я ослаб, – проговорил Пауло, напрягаясь, и засмеялся.

Пауло налил в стакан ароматный свежесваренный, настоявшийся чай и добавил дольку лимона. Рядом на подносе в розетке дожидался пахучий мёд. Пауло протянул Цезаре стакан чая в серебряном подстаканнике. Надрезал булочку, смазал её мёдом и протянул Цезаре.

– Благодарю тебя. Есть не хочется, а чаёк попью с удовольствием, – вымолвил Цезаре с чувством признательности.

– Пожалуйста, синьор, приятного чаепития, – пожелал Пауло.

– Какая красивая булочка! Переплетена завитушками, а сверху присыпанная маком. То, что я люблю.

– Синьора Мария сегодня испекла, – сказал Пауло.

– Да, кулинария, – скажу я тебе, – уникальный вид искусства и большое наслаждение. Какое редкое сочетание, не правда ли? – комментировал Цезаре, пригубив чай.

– Пожалуй, – согласился Пауло.

– Вот ведь не зря, мой друг Россини сменил род занятий, – сказал Цезаре, посмотрел на Пауло и спросил:

– А чего же ты стоишь? Сходи на кухню, принеси себе стакан, и мы вместе почаёвничаем. Я расскажу тебе о Россини.

– Синьор, Вы меня заинтриговали. Я весь во внимании. Что Вы мне хотели рассказать о Россини? Мне казалось, я многое о нём знаю, непосредственно из Ваших опусов и монографий синьора Стендаля. Мелодии Россини поёт вся Италия, добавлю, – и не только она. Я бы сказал, – национальное достояние, – рассуждал Пауло.

– Всё верно, друг мой. Вот скажи мне, – и Цезаре многозначительно приподнял указательный палец, – с чего начал Россини свою трудовую деятельность?

Пауло в ответ пожал плечами.

– Вот видишь. А говорил, всё знаешь, – поймал друга Цезаре. -

Не удивляйся. Россини начал свою трудовую деятельность в качестве кузнеца. Так то, мой дорогой, Пауло.

Скажу тебе, я счастлив, что при моей жизни прах Россини перевезли из Франции на родину и захоронили в пантеоне церкви Санта – Кроче во Флоренции. Между прочим, рядом с прахом Микеланджело и Галилея. Было бы непростительным оставить Россини на чужбине, – Цезаре говорил, говорил, а Пауло, забыв про чай, стоял и слушал.

– Ну, что же ты стоишь? – опомнился Цезаре, – неси ско-

рей стакан. Это я виноват, заговорил тебя, – признался он.

– Одна нога здесь, другая там, – пошутил Пауло, улыбаясь.

– Давай, давай. Вспомним старые добрые времена, когда за мирной беседой мы с тобой попивали чаёк и решали глобальные вопросы, – предложил Цезаре, грустно улыбаясь.

– Сию минуту, синьор. Это мы, всегда, пожалуйста, – ответил ему Пауло, вбирая в себя настроение Цезаре.

Пауло сходил на кухню, принёс стакан в красивом резном подстаканнике, налил себе чай и примостился поближе к Цезаре.

– Вот так-то лучше, – вымолвил Цезаре, с чувством удовлетворения.

Они пили чай, ведя неспешный разговор.

Coda (завершение)

Cantabile con dolore (певуче, со скорбью)

Их диалог прервётся с уходом Цезаре, который прожил долгую насыщенную красивую жизнь, оставив человечеству прекрасное наследие. Он покинул мир с чувством полного удовлетворения. Ему не за что было краснеть, он никогда не кривил душой и не уронил чувства собственного достоинства, завещанного ему родителями.

А Пауло, переживёт своего господина всего на полгода. Будучи больным, он каждую неделю навещал могилу своего единственного друга, беседуя с ним, рассказывая о новостях.

– Они не расстанутся никогда, – рыдая, произнесла Ма-

рия. – Пауло ушёл к Цезаре. Без него жизнь Пауло померкла. Усталое сердце перестало биться...

Они встретятся там... а я осталась одна, – сказала она, провожая Пауло в последний путь.

Lasrymosa (слёзный день)

А за кладбищенской оградой стоит зима. И кто-то, как и Пауло, с трудом переносит холода, кряхтя и ноя, натянув на себя послойно тёплые вещи, напоминая луковицу.

Героям нашего романа уже недоступны эти ощущения. Они там, где неведомы мирские заботы.

С теплотой в сердце, глядя им вслед, невольно задумаешься над тем, как нелепо устроен мир, в котором каждый из нас временное явление. И только избранным удаётся внести лепту в его усовершенствование. А ведь у каждого, пришедшего сюда, есть своя миссия. Вот бы подбросить эту тему Цезаре и Пауло. Представляю, как бы они спорили до хрипоты. Но там, где блуждают их души, не спорят. Там вечный покой.

Послесловие

По прошествии времени мало кто вспоминает биографа, имя которого в своё время гремело, не сходило с уст благодарных читателей и почитателей его таланта.

Но его книги, периодически переиздаваясь, будоражат умы, и по сей день, оживляя в памяти его светлый образ, и всё также продолжают благородную миссию своего создате-

ля.

Эпилог

К шикарному особняку подъехал автомобиль. Из него вышла молодая девушка.

– Дорогая! Я заеду за тобой после обеда. Отдыхай, – мягким бархатным голосом неспешно проговорил её избранник.

Девушка, махнув ему соломенной шляпкой с широкими полями, направилась к входным дверям дома. Она поднялась по мраморной лестнице на второй этаж. Прошла по просторному светлому коридору, вдоль которого её встречали живые цветы, и вошла в свой будуар. На ходу стянула с шеи лёгкий шарф. Подошла к зеркалу, не глядя, бросила на спящую кошку соломенную шляпку. Затем, одной рукой положила на столик перчатки, шарф. Другой рукой – веер, поставила сумочку. Идя к дивану, она покружилась, что-то напевая, на ходу сбросила обувь, босая подошла к нему. И как была в лёгком длинном белом платье, обрамлённом кружевными оборками, так и упала, утонув в мягких складках белоснежного кожаного дивана. Усталость оказалась сильнее других эмоций, и она тут же уснула.

То была Белладонна – правнучка Шурочки, внучка Цезаре.

Её Шурочка и видела в своём дивном вещем сне.

Жизнь продолжается!

«Единственный способ жить – это забыть, что ты умрёшь. Смерть не заслуживает того, чтобы о ней думали. Страх смерти не должен влиять на поступки мудрецов».

Уильям Сомерсет Моэм «Время страстей человеческих»

В произведении использованы следующие материалы:

* стр. 7 – данные из книги «М.И.Глинка», автор – В.А. Васина-Гроссман. Издание 1982 года

* Поэтические строки О.Э. Мандельштама

* стр.11 – информация с сайта gotovim.ru

* стр.29 – данные с сайта <http://www.italyproject.ru/index.htm>

* стр. 32 – данные с сайта <http://www.hrono.ru/1800.html>

* стр. 32. О Леонардо да Винчи, данные с сайта <http://www.biografia.ru/biografii.html>

* стр. 55 – об Андерсене, данные с сайта <http://www.biografia.ru/biografii.html>

* стр. 67 – данные о Гальвани – <http://www.biografia.ru/biografii.html>

Лит.: Лебединский А. В., Роль Гальвани и Вольта в истории физиологии, в кн.: Гальвани А. и Вольта А., Избр. работы о животном электричестве, М.– Л., 1937.

* стр. 113. Эти данные в сокращённом варианте с кулинарного сайта «Гастроном». Автор – Esmarhov.

* стр. 249 и 295. «Насими» Издание 1973 года. Перевод Н. Гребнёва и К. Симонова с азербайджанского и фарси.

Автор выражает свою искреннюю благодарность всем, кто поделился этими материалы.

Отдельная признательность художнице Татьяне Дерий за вдохновение – http://www.artrussia.ru/russian/artists/picture.php?pic_id=3827&foa=f&sort=&page=8